

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

S1
ЧАСТЬ V
2025

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (602) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Джозеф Стиглиц (1943), американский экономист-кейнсианец.

Джозеф Стиглиц родился в 1943 году в городе Гэри (штат Индиана, США) в небогатой еврейской семье. Его отец, Натаниэль Стиглиц, был страховым агентом, а мать Шарлотта (урожденная Фишман) — школьной учительницей. Стиглиц учился в Амхерстском колледже, где был главой студенческого совета, а затем продолжил обучение в Массачусетском технологическом институте (МТИ), где защитил докторскую диссертацию.

В 1965–1966 годах Стиглиц занимался исследовательской работой в Чикагском университете, в 1966–1970 годах — в Кембриджском университете в Великобритании. В то время его изыскания были посвящены проблемам экономического роста, инноваций и перераспределения доходов. Вернувшись в США, он начал работать в Йельском университете, где специализировался на экономике рисков, что в конечном счете привело его к главной теме научных исследований — теории информационной экономики.

В дальнейшем Стиглиц занимал академические должности во многих ведущих американских и британских университетах: Оксфорде, Станфорде, Принстоне и др. В 1992 году он переехал в Вашингтон, чтобы работать в администрации президента США Билла Клинтона — входил в состав Совета экономических консультантов при президенте США и возглавлял этот совет. В 1997–2000 годах Стиглиц был старшим вице-президентом и главным экономистом Всемирного банка. С 2000 года он является профессором Колумбийского университета.

Научные интересы Стиглица широки и многообразны, однако в центре его внимания всегда оставались проблемы сбора, анализа и распространения информации, принятия решений в условиях недостаточной информации, а также роль неполной информации в конкурентном процессе. В ряде новаторских статей, преимущественно обобщавших результаты анализа рынков страховых услуг, он показал, что нельзя утверждать, будто нерегулируемая конкуренция оптимизирует экономическое благосостояние или хотя бы приведет к равновесию спроса и предложения; тем более это неверно в отношении монополистической конкуренции и олигополии.

Будучи кейнсианцем и сторонником активной роли государства в экономике, Стиглиц подвергает жесткой критике неограниченный рынок, монетаризм и неоклассическую экономическую школу вообще, а также неолиберальное понимание глобализации и политику Международного валютного фонда в отношении развивающихся стран. По его мнению, современный капитализм может и должен быть усовершенствован. Критикуя «неолиберальный крен» в экономическом образовании, Стиглиц написал учебник по основам экономики, который был

призван устранить такой перекос в процессе преподавания экономики.

Стиглиц не только известный экономист, он активно участвует в политической и общественной жизни США. В 2000 году на базе Колумбийского университета он создал научное сообщество экономистов и политологов «Инициатива за политический диалог» (The Initiative for Policy dialogue), цель которого — помочь странам с переходной и развивающейся экономикой выработать альтернативные пути развития и укрепить гражданское общество. Он также возглавлял комиссию экспертов при председателе Генеральной Ассамблеи ООН по реформированию международной валютно-финансовой системы и международную комиссию, задачей которой была выработка критериев оценки экономической деятельности и социального прогресса без опоры на ВВП страны.

Стиглиц был редактором и членом редколлегий многих специализированных журналов: *Journal of Public Economics*, *Review of Economic Studies*, *American Economic Review*, *Journal of Economic Theory*, *Journal of Economic Perspectives* и др.

В 2001 году Стиглиц совместно с американскими экономистами Джорджем Акерфолом и Майклом Спенсом был удостоен Нобелевской премии «за анализ рынков с несимметричной информацией», то есть таких рынков, на которых одни участники обладают большим объемом информации, чем другие.

Научные заслуги и общественно-политическая деятельность Стиглица отмечены и другими престижными наградами, среди которых — медаль Джона Бэйтса Кларка за научные достижения; премия Джеральда Лоэба за выдающуюся финансовую журналистику, премия «Глобальная экономика», присуждаемая Кильским институтом мировой экономики.

Стиглиц — член Американской академии искусств и наук, Национальной академии наук США, Эконометрического общества и Американского философского общества. Он был президентом Восточной экономической ассоциации и президентом Международной экономической ассоциации.

Джозеф Стиглиц является почетным доктором более 40 университетов, в том числе Кембриджского, Гарвардского и Оксфордского, иностранным членом Российской академии наук и Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, кавалером ордена Почетного легиона.

В 2011 году журнал Time назвал Стиглица одним из 100 самых влиятельных людей в мире, а журнал Foreign Policy включил его в список 100 ведущих мировых мыслителей.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Сергеева А. И., Коняхина Е. А.	
Управление инновационными ИТ-проектами: квантовые и прорывные технологии как вызовы для проектного менеджмента	285
Стрелкова Е. С.	
Совершенствование системы кадровой безопасности в ОАО «РЖД»: вызовы и стратегические направления.....	291
Тихомирова П. В.	
Проблемы и риски стратегического управления в условиях цифровизации.....	294
Тороус Е. В.	
Предпринимательская деятельность и ее влияние на национальную экономику России.....	295
Хутова Э. А.	
Тренды в инвестициях: что будет актуально в ближайшие годы	297
Чен Ю. А.	
Сертификация безглютенового хлеба в Казахстане: кейс ремесленной пекарни в Астане.....	300

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Максимчук А. О.	
Интернет-коммуникации и социальные сети как инструмент формирования имиджа образовательной организации (на примере Московского международного университета)....	304
Ярош Н. М.	
Технологии фандрайзинга и спонсоринга в некоммерческих организациях	308

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Огородникова А. А.	
Направления повышения эффективности молочного животноводства в крестьянских (фермерских) хозяйствах Кемеровской области — Кузбасса.....	311

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Абдуллаева Ю. И.	
К вопросу об истории переводоведения в Узбекистане	316
Аликулов О. И.	
Ключевые слова текущего момента в медиадискурсе как маркеры базовых ценностей общества: кросс-культурный анализ русскоязычных и узбекскоязычных медиа	318
Бобоюнова Н. М.	
Социальные сети как коммуникативная среда.....	322
Заркович А. В.	
Особенности хронотопов в прозе В. Г. Распутина	324
Кадамбоева А. Д.	
Рекламный дискурс как объект лингвокультурологического анализа (на материале текстов на русском и узбекском языках).....	328
Кириленко М. В.	
Вульгаризм, слюр и переход слов между пластами лексики.....	330
Копаева Т. В.	
От английского к русскому: классификация и перевод терминологии в сфере искусственного интеллекта	331
Ниязметова Д. Ш.	
Функционирование англицизмов в художественных текстах современных русских авторов.....	334
Половинкина М. В.	
Терминология вязания: на перекрестке языка, культуры и перевода	337
Самбиева Марха Исановна, студент	
Трудности перевода англоязычного подросткового онлайн-дискурса в условиях цифровой коммуникации	339

Сун Янь Янь	Чобану Т. С.
Будущее языкового перевода в эпоху искусственного интеллекта 341	Лингвистические особенности языковой личности с позиции оценки эмотивных компетенций 351
Тирон В. О.	ФИЛОСОФИЯ
Антитеза как стилистический прием в создании языковой игры в идиостиле Сергея Довлатова 346	
Хнычкова Е. А.	Резванов М. И.
Образ Обломова среди персонажей русской литературы 348	Философия хозяйства и философия денег 353

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Управление инновационными ИТ-проектами: квантовые и прорывные технологии как вызов для проектного менеджмента

Сергеева Анастасия Игоревна, студент;

Коняхина Екатерина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Пелешенко Виталий Алексеевич, кандидат технических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Введение

Актуальность исследования. В современной глобальной экономике, где ключевым драйвером роста и национальной безопасности становятся цифровые технологии, способность эффективно осваивать прорывные инновации превращается в критический стратегический актив. Технологическая гонка вокруг искусственного интеллекта (ИИ), квантовых вычислений, нейроморфных процессоров и экзографических суперкомпьютеров определяет не только конкурентные позиции корпораций, но и геополитический ландшафт XXI века. Однако переход этих технологий из сферы фундаментальных исследований в область практических коммерческих и государственных решений наталкивается на системное препятствие: классические подходы к управлению проектами, отточенные на задачах с предсказуемым результатом, демонстрируют свою неэффективность в условиях принципиальной неопределенности, присущей «технологиям завтрашнего дня». Управление инновационными ИТ-проектами нового поколения требует не только новых инструментов, но и новой управленческой философии, способной интегрировать научный поиск, инженерную практику, бизнес-цели и этико-социальную ответственность. В этом контексте анализ специфики управления такими проектами становится не просто актуальным, а жизненно необходимым для обеспечения технологического суверенитета и устойчивого развития.

Проблема заключается в фундаментальном противоречии между линейной, детерминистической природой традиционных методологий проектного менеджмента (таких как PMBOK, Waterfall, отчасти Agile) и нелинейной, вероятностной и многомерной сущностью прорывных технологий. Это противоречие порождает ряд конкретных управленческих вызовов:

– Как планировать сроки, бюджет и оценивать прогресс, когда целевой результат проекта (например, со-

здание полезного квантового алгоритма или этически безупречного ИИ) не может быть точно описан в начале работы?

– Как управлять рисками, которые выходят далеко за рамки технических сбоев и включают в себя риски этического вреда, социальных потрясений и стремительно меняющегося регулирования?

– Как формировать, мотивировать и координировать работу команд, объединяющих специалистов из принципиально разных областей знаний (физики-теоретики, data-ученые, инженеры, этики), с разными языками и культурами работы?

Цель данного доклада — разработать концептуальные основы и практические рекомендации по управлению инновационными ИТ-проектами в сфере прорывных технологий (ИИ, квантовые вычисления, нейроморфные процессоры), способные преодолеть указанные выше противоречия и вызовы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи исследования**:

– Проанализировать специфику проектного ландшафта ключевых прорывных технологий (ИИ нового поколения, квантовые вычисления, нейроморфные процессоры, суперкомпьютеры) и выявить их уникальные требования к процессу управления.

– Выявить и систематизировать сквозные вызовы для проектного менеджмента, общие для различных прорывных технологий, такие как управление неопределенностью результата, этико-социальными последствиями и междисциплинарными командами. В качестве доказательной базы для вызовов, связанных с ИИ, будут использованы ключевые кейсы из документального фильма «In the Age of AI» (Frontline, 2019).

– На примере разработки и внедрения квантово-вычислительной платформы разработать типовую дорожную карту (roadmap) инновационного ИТ-проекта, детализировав его ключевые этапы и вехи.

– Провести комплексный анализ рисков и преимуществ внедрения прорывных технологий для двух ключевых стейкхолдеров: бизнеса и государства, представив результаты в структурированной матричной форме.

– Предложить и обосновать адаптивные методы и инструменты управления проектом и командой, эффективные в условиях высокой технологической и коммерческой неопределенности, характерной для исследуемой области.

Таким образом, настоящий доклад призван соединить стратегический взгляд на технологические тренды с практическими решениями в области проектного менеджмента, предложив целостный подход к превращению научно-технических прорывов в устойчивые конкурентные преимущества.

Анализ проектной среды: парадокс управления непредсказуемым

Если мы говорим об управлении прорывными ИТ-проектами, особенно в таких областях, как искусственный интеллект, то классические методологии проектного менеджмента часто оказываются перед лицом парадокса. С одной стороны, они требуют плана, измеримых результатов и управления рисками. С другой — сама суть прорывной технологии заключается в её непредсказуемости и способности радикально менять правила игры. И документальный фильм «In the Age of AI» Frontline — это не просто рассказ о технологии, а, по сути, наглядное пособие по кризисам и вызовам, с которыми сталкивается управление подобными проектами. Взять, к примеру, отправную точку фильма — историю AlphaGo (тайм код 03:10–06:00). Это был, безусловно, блестящее исполненный проект с чёткой целью. Но его истинным результатом стал не просто выигрыш у чемпиона, а тот самый «ход 37» — решение, которое не смог предвидеть ни человек, ни, вероятно, в полной мере сами создатели алгоритма. И здесь мы сталкиваемся с первым фундаментальным вызовом для менеджера: как управлять проектом, результат которого по определению нелинейен и может превзойти первоначальное техзадание? Успех перестаёт измеряться только точностью или скоростью; он начинает измеряться способностью системы к неожиданным инновациям. А это требует от менеджера создания не жёсткой схемы, а гибкой, почти экспериментальной среды, где есть место открытию, и где коммуникация с заказчиком строится вокруг управления ожиданиями этой самой непредсказуемости.

Этот парадокс технологической непредсказуемости усугубляется, когда проект покидает лабораторию и встраивается в социально-экономическую ткань. Фильм демонстрирует это на примере масштабной автоматизации в логистике и ритейле («The Age of AI» 35:57–42:00). Проекты по внедрению автономных роботов-грузчиков и систем компьютерного зрения на складах формально достигают своих бизнес-целей: повышают

эффективность, скорость и сокращают операционные издержки. Однако их истинным, часто изначально неучтённым продуктом становится мощный социально-экономический сдвиг — массовое сокращение рабочих мест. Этот сдвиг порождает новые классы рисков: социальную напряжённость, репутационный ущерб для компании и необходимость масштабных, незапланированных инвестиций в программы переобучения персонала. Таким образом, проектный менеджер сталкивается с дилеммой: успех по узким технико-экономическим метрикам может обернуться стратегическим провалом с точки зрения социальной устойчивости и долгосрочной жизнеспособности решения. Это означает, что управление таким проектом должно с самого начала выходить за рамки традиционного техзадания и включать проактивную оценку социально-экономического воздействия, а команда — расширяться за счёт социологов труда, экономистов и экспертов по организационным изменениям.

На этом пересечении внутренней технологической неопределенности и внешнего социального воздействия формируется уникальная онтология проектов в сфере искусственного интеллекта нового поколения. Они представляют собой переход от процесса детерминированной разработки к процессу вероятностного обучения, где первичным сырьём и ключевым источником риска становятся данные, а конечный продукт — сложная статистическая модель — зачастую функционирует как «чёрный ящик». Эта специфика кардинально меняет роль менеджера: из контролёра исполнения задач он превращается в архитектора среды для открытий и интегратора, ответственного за полный цикл последствий — от креативного потенциала алгоритма до его преобразующего влияния на рынок труда и общество.

В то время как ИИ уже трансформирует существующие отрасли, квантовые вычисления создают проектную среду иного типа, характеризующуюся состоянием перехода от фундаментальной науки к инженерной практике. Управление квантовым проектом сегодня — это управление научно-технологическим скачком в условиях двойной неопределенности. Сохраняется фундаментальная аппаратная нестабильность (декогеренция кубитов, уровень ошибок), делающая сроки достижения «квантового превосходства» для практических задач вероятностными. Параллельно существует парадигмальная неопределенность в области программного обеспечения: индустрия находится в активном поиске тех коммерчески значимых алгоритмов, которые раскроют преимущество новой вычислительной модели. Менеджер такого проекта не может опираться на дорожные карты, основанные на инкрементальном улучшении известных технологий. Его центральная задача — создать и поддерживать среду для высокорискованного исследовательского поиска, где команда, объединяющая физиков-экспериментаторов, теоретиков и алгоритмистов, работает над проблемой, окончательная формулировка которой может быть най-

дена лишь в процессе работы. Это сближает квантовые проекты с венчурными инвестициями в deep tech: горизонт окупаемости измеряется десятилетиями, а ключевым активом становится не готовый продукт, а портфель проверенных гипотез, патентов и уникальных компетенций команды.

Ещё более глубокий парадигмальный разрыв с традиционной логикой проектирования несут нейроморфные и биоинспирированные процессоры. Их суть заключается не в ускорении классических алгоритмов, а в отказе от архитектуры фон Неймана в пользу принципов работы биологического мозга. Это порождает, пожалуй, самый сложный вызов конвергенции: проект должен одновременно совершать прорыв в микроэлектронике, создавая принципиально новые схемы, и в компьютерных науках, разрабатывая для них новый, зачастую несовместимый с прошлыми парадигмами, software stack. Команда, объединяющая нейробиологов, физиков-материаловедов, проектировщиков микросхем и системных программистов, представляет собой сообщество с разными языками, методами валидации и профессиональными культурами. Задача менеджера здесь трансформируется из координационной в роль фасилитатора рождения новой междисциплинарной онтологии — общего концептуального языка, на котором можно адекватно описать как проблему, так и путь к её решению. Успех в таких условиях измеряется не выполнением календарного плана, а достижением ключевых исследовательских вех, например, созданием первого работоспособного прототипа, доказывающего саму возможность такого технологического симбиоза.

На противоположном конце спектра сложности находятся проекты создания экзафлопсных суперкомпьютерных систем, представляющие собой вершину инженерной и управляемческой координации, сравнимую с космическими программами. Их специфика определяется беспрецедентным масштабом и стратегической природой заказчика, которым почти всегда выступает государство. Помимо решения уникальных научно-технических задач параллельной разработки специализированных процессоров, систем охлаждения и межсоединений, менеджер должен синхронизировать работу тысяч специалистов, управлять многолетним циклом закупок и строительства, обеспечивая при этом соответствие системы geopolитическим целям технологического суверенитета. В таких условиях классическая каскадная модель (waterfall) является необходимой для макро-управления и контроля над бюджетом, однако внутри каждого этапа требуется высокая гибкость и готовность к решению непредвиденных инженерных проблем. Это создаёт гибридную управляемческую модель: стратегически проект иерархичен и жёстко спланирован, тактически же он требует предоставления инженерным командам значительной автономии и элементов agile-подходов для быстрого прототипирования и решения локальных задач.

Таким образом, ландшафт прорывных технологий предстаёт не как набор схожих задач, а как спектр принципиально разных проектных сред. От исследовательской непредсказуемости ИИ и квантовых вычислений до управляемческого мега-масштаба суперкомпьютинга — каждая сфера формирует уникальный набор требований к менеджеру, ставя под сомнение универсальность традиционных методов и требуя выработки новых, адаптивных принципов управления.

Систематизация сквозных вызовов: триада фундаментальных противоречий

За внешним разнообразием прорывных технологий скрываются общие, системные противоречия, которые ставят под сомнение адекватность традиционного проектного инструментария. Эти вызовы можно свести к трём взаимосвязанным узлам, образующим порочный круг, который и должен разорвать современный проектный менеджмент.

Первый и центральный вызов — это управление принципиальной непредсказуемостью результата. В классическом проекте цель — это конечная точка известного маршрута. В проекте по созданию прорывной технологии цель — это гипотеза, проверяемая в ходе исследования. Возвращаясь к примеру AlphaGo, его подлинным результатом стал не выигрыш матча, а эмерджентное свойство системы — способность к нелинейному, «нечеловеческому» творчеству, которое не выводилось линейно из написанного кода. Для квантового проекта аналогичная гипотеза звучит как: «Можно ли, используя квантовые эффекты, решить задачу оптимизации из реального сектора быстрее, чем на лучшем классическом кластере?». Планирование в таких условиях теряет смысл в его традиционном понимании. Менеджер не может составить детальный план пути к неизвестной цели. Вместо этого он должен спланировать и обеспечить ресурсами процесс максимально эффективного поиска и валидации гипотез. Это смешает метрики успеха: ценность приобретает не только положительный результат, но и качественно полученный отрицательный, который позволяет отбросить тупиковое направление и сфокусировать усилия. Проектное управление в этом контексте становится синонимом управления научным исследованием с высоким уровнем технологического риска.

Второй вызов, усугубляющий первый, — это необходимость управления комплексными социально-экономическими последствиями, которые являются не побочными эффектами, а прямым результатом эффективности технологии. Прорывные технологии создают новые виды потенциала — как для роста, так и для социальной дестабилизации, — причём системное понимание и регулирование этих последствий отстают. Фильм «In the Age of AI» предлагает исчерпывающую иллюстрацию этого на примере волны автоматизации в логистике. Технический успех проекта по роботизации склада — рост произ-

водительности и снижение издержек — напрямую ведёт к ликвидации рабочих мест, создавая риски социальной напряжённости, репутационного ущерба и потенциального регуляторного ответа (например, дискуссий о налоге на роботизацию). История Cambridge Analytica («The Age of AI» начиная с 59:01), также детально разобранная в фильме, раскрывает смежную, но ещё более сложную грань этого вызова: технология, разработанная для коммерческого анализа данных и предсказания поведения, была применена в политической сфере, породив общественный кризис и волну жёсткого регулирования. Таким образом, проектный менеджер должен осуществлять проактивное картирование не только этических, но и социально-экономических и политических рисков, предвосхищая, как успешное внедрение его продукта может изменить рынок труда, социальную ткань или информационный ландшафт. Это требует интеграции в команду не только специалистов по этике, но и социологов, экономистов труда и экспертов по регулированию с самого начала жизненного цикла проекта, превращая их из консультантов в полноценных соавторов, ответственных за устойчивость решения.

Третий, операциональный вызов, вытекающий из двух предыдущих, — это формирование и координация гипер-междисциплинарных команд, способных работать в описанной среде высокой неопределенности. Сложность задач требует объединения экспертов из областей, разделённых не только профессиональным жаргоном, но и эпистемологическими основаниями: физик-теоретик, инженер по машинному обучению, специалист по соблюдению требований в банковском секторе и философ-этик могут работать над одним квантовым алгоритмом для финансов. Задача менеджера здесь трансформируется из административно-координационной в роль архитектора коммуникативной среды и переводчика между парадигмами. Он должен создать условия для рождения общего языка, на котором можно обсуждать и проблему, и решение, организовать процессы совместного проектирования (co-design), и разрешать неизбежные конфликты, возникающие на стыке разных профессиональных культур. Например, конфликт между стремлением data scientist к максимизации точности любой ценой и требованием социолога оценить влияние на занятость — это не личный спор, а столкновение двух правомерных профессиональных логик, которое нужно не подавить, а продуктивно разрешить. Успех проекта начинает напрямую зависеть от способности менеджера построить не просто команду, а интеллектуальное сообщество, разделяющее общую ответственную цель. Эти три вызова образуют взаимосвязанную систему: непредсказуемость требует исследовательской культуры, которая, в свою очередь, невозможна без междисциплинарности, а выход технологии в мир делает управление её системными последствиями обязательным условием её существования. Преодоление этой триады и является сутью новой парадигмы управления.

Дорожная карта инновационного проекта: нарратив стратегического развёртывания квантово-вычислительной платформы

Разработка дорожной карты для прорывного проекта — это не составление графика работ, а написание сценария стратегического развёртывания в условиях неопределенности. Такой сценарий должен сочетать жёсткие контрольные точки для принятия инвестиционных решений с гибкостью тактических действий внутри каждого этапа. Проиллюстрируем этот подход на примере создания корпоративной или национальной квантово-вычислительной платформы, проект которого разворачивается не как линейный путь, а как последовательность расширяющихся циклов обучения и валидации.

Начальная, исследовательская фаза (1–2 года), посвящена не строительству, а глубокому картографированию неизвестного. Её цель — трансформировать расплывчатую идею «использовать квантовые вычисления» в портфель из 3–5 конкретных, высокооцененных гипотез о применении. Это достигается не закупкой оборудования, а интенсивной работой по двум направлениям: технологическому скаутингу (анализ ландшафта аппаратных платформ, алгоритмов, партнёрских возможностей) и, что критически важно, — погружению в бизнес- или научные процессы потенциальных заказчиков. Команда на этом этапе состоит из стратегов, учёных и бизнес-аналитиков, которые проводят глубокие интервью, строят прототипы алгоритмов на симуляторах и оценивают потенциальный экономический или научный эффект. Выходом фазы является не прототип, а стратегическое обоснование, содержащее приоритетные use-cases с оценкой их реализуемости и ценности. Ключевое решение («Gate 0») — не о запуске разработки, а о выделении ресурсов на проверку самой многообещающей гипотезы в пилотном режиме.

Успешное прохождение этого рубежа запускает фазу формирования потенциала (2–3 года), суть которой — создать минимальную, но реальную экосистему для экспериментов. Здесь фокус смещается с анализа на действие, но действие остаётся экспериментальным. Формируется ядро инженерной команды, заключаются партнёрства с одним или несколькими поставщиками квантовых облачных сервисов (IBM, Google, AWS), разрабатывается слой middleware — программная прослойка, которая позволяет прикладным разработчикам работать с квантовыми устройствами, абстрагируясь от их физической сложности. Параллельно запускается интенсивная образовательная программа по подготовке первых «квантовых разработчиков» внутри организации. Цель — не создать коммерческий продукт, а получить три ключевых актива: доступ к «железу», компетентную команду и первый работающий конвейер от идеи до запуска квантовой цепи. Критерием успеха («Gate 1») для перехода к следующей, самой рискованной фазе, является именно наличие этого живого, работающего цикла «гипотеза-эксперимент-

анализ», а не достижение каких-либо прорывных вычислительных результатов.

Фаза пилотных решений (3–5 лет) — это кульминация исследовательского риска, период целенаправленной проверки ключевых гипотез на реальных задачах и данных. Команда, объединившая алгоритмистов, экспертов предметной области (химиков, финансистов, логистов) и инженеров, сосредотачивается на глубокой проработке 1–2 наиболее перспективных направлений. Здесь применяются уже не учебные, а полновесные методы гибридного квантово-классического программирования, а главной деятельностью становится всесторонний бенчмаркинг и валидация. Проект перестаёт быть чисто технологическим и превращается в совместное предприятие с бизнес-юнитом или научной лабораторией. Ключевой вопрос, на который должна ответить эта фаза: демонстрирует ли подход хотя бы на одном из пилотов качественное преимущество — будь то в скорости, точности, энергоэффективности или принципиальной возможности решить задачу, — оправдывающее дальнейшие инвестиции? «Gate 2» — это судьбоносное решение, основанное не на вере, а на данных первых сравнительных исследований. Положительное решение открывает путь к масштабированию, отрицательное — ведёт к консервации наработок и поиску новых путей или закрытию направления.

И, наконец, фаза масштабирования и построения экосистемы (5–10 лет), наступающая только в случае успешного прохождения всех предыдущих ворот, знаменует переход от эксперимента к продукту и сервису. Задачи здесь радикально меняются: вместо поиска гипотез требуется индустриализация платформы, обеспечение её надёжности, безопасности и интеграции в существующий ИТ-ландшафт. Создаются инструменты для более широкого круга разработчиков, запускаются программы внешнего партнёрства, формируется бизнес-модель (будь то внутренний центр затрат или коммерческий B2B-сервис). Управление проектом окончательно сдвигается от research & development к продукт-менеджменту и операционной деятельности. Длинный горизонт этой фазы подчёркивает главное: прорывной проект — это не спринт, а марафон, где основная гонка заключается не в быстром кодировании, а в терпеливом, итеративном выращивании технологии, команды и рынка одновременно.

Сценарный анализ рисков и системных преимуществ: взгляд бизнеса и государства

Принятие решения об инвестициях в прорывные технологии требует не списка «за» и «против», а многоуровневого сценарного анализа, который рассматривает риски и преимущества не как статичные величины, а как динамические траектории, по-разному раскрывающиеся для ключевых стейкхолдеров — бизнеса и государства. Этот анализ должен работать с качественно разными категориями последствий, от непосредственных операционных сбоев до трансформации геополитического ландшафта.

Со стороны бизнеса риски носят, в первую очередь, экономический и репутационный характер, но их природа глубже, чем в традиционных проектах. Наиболее значим — технологический риск тупика: многолетние инвестиции могут привести к созданию решения, которое либо не достигнет необходимого уровня производительности (например, квантовый алгоритм так и не пре-взойдёт классический), либо будет мгновенно обесценено появлением более эффективной архитектуры у конкурента. Этот риск усугубляется кадровым дефицитом, превращающим «войну за таланты» из метафоры в критическое ограничение. Однако подлинная специфика кроется в рисках второго порядка: этические скандалы, подобные тем, что показаны в фильме «In the Age of AI», могут привести не просто к штрафам, а к полному запрету технологии в ключевых юрисдикциях или к необратимой потере доверия потребителей. Преимущества же, в случае успеха, носят стратегически преобразующий характер. Это не просто увеличение прибыли на 10 %, а создание нового рынка или кардинальное изменение правил конкуренции в существующем. Ранний доступ к квантовому превосходству в разработке материалов или к уникальному ИИ для прогнозирования спроса становится источником рентного дохода и непреодолимым конкурентным барьером. Таким образом, бизнес-кейс строится не на ROI в классическом понимании, а на оценке стратегической ценности опциона — права, но не обязанности, владеть прорывной возможностью в будущем.

Для государства рамки анализа смещаются от пришли к вопросам безопасности, суверенитета и долгосрочного технологического развития. Риски здесь — это риски национальной безопасности (потеря криптографической устойчивости перед лицом квантового компьютера противника), риски технологической и, как следствие, экономической зависимости, риски социальной дестабилизации из-за неподготовленного внедрения автоматизации или систем тотальной аналитики. Преимущества же лежат в плоскости укрепления геополитического веса и научно-технического потенциала. Успешная национальная программа в области прорывных вычислений — это не только инструмент для науки и обороны, но и сигнал на глобальном рынке, привлекающий лучшие умы и капиталы, стимулирующий смежные высокотехнологичные отрасли. Государство выступает не только как регулятор или заказчик, но и как архитектор экосистемы, создавая инфраструктуру (например, квантовые сети или центры обработки данных для ИИ), которая становится публичным благом и фундаментом для частных инноваций. Поэтому оценка эффективности таких проектов для государства требует мультикритериальных моделей, учитывающих не только экономический рост, но и прирост человеческого капитала, усиление научного авторитета и уровень технологической независимости.

На стыке интересов бизнеса и государства возникает особая зона системных рисков и преимуществ, связанных с регулированием. Нескоординированные, поспешные

или, наоборот, запоздалые действия регулятора могут задушить инновацию или, напротив, выпустить на рынок социально опасный продукт. Пример Cambridge Analytica показал, как отсутствие правил создало пространство для злоупотреблений, что в итоге привело к жёсткому регулированию, затрагивающему уже всех игроков. Следовательно, частью анализа рисков становится прогнозирование регуляторного ответа и активное участие в формировании этических и правовых норм, что превращает управление проектом из технико-экономической задачи в политico-технологическую.

Философия и инструментарий управления в эпоху фундаментальной неопределённости

Преодоление выявленных вызовов требует не набора разрозненных методик, а целостной управленческой философии, переосмысливающей саму роль менеджера прорывного проекта. Эта философия строится на трёх взаимодополняющих принципах: управление как фасилитация открытий, команда как интеллектуальное сообщество и этика как инженерная дисциплина. Из этих принципов естественным образом вырастает адаптивный инструментарий.

На смену менеджеру-контролёру, следящему за соблюдением плана, приходит менеджер-фасilitатор, главная задача которого — создавать и поддерживать среду, максимально благоприятную для генерации и проверки смелых гипотез. Эта роль становится критически важной в таких областях, как квантовые вычисления, где, как отмечает В. А. Пелешенко, существует «парадигмальная неопределенность в области программного обеспечения: индустрия находится в активном поиске тех коммерчески значимых алгоритмов, которые раскроют преимущество новой вычислительной модели» [3, с. 45]. В таких условиях менеджер должен организовать процесс, при котором команда «работает над проблемой, окончательная формулировка которой может быть найдена лишь в процессе работы» [3, с. 67]. Его инструменты — не диаграммы Ганта, а матрицы приоритизации гипотез, где каждая идея оценивается по потенциалу воздействия и уровню неопределенности, и протоколы «быстрых неудач», formalизованные процедуры быстрого и дешёвого тестирования рискованных предположений. Методология здесь — это гибрид исследовательских циклов и адаптивных фреймворков. Например, Discovery Sprints — короткие, интенсивные периоды (1–2 недели), сфокусированные исключительно на проверке одной технической или научной гипотезы, с чётким критерием успеха: не рабочий код, а новое знание («да, путь А перспективен» или «нет, подход В тупиковый»). Эти спринты встраиваются в более крупные Stage-Gate циклы, которые выполняют функцию стратегических «шлюзов»: на основе накопленных знаний (а не выполненных задач) принимается решение о продолжении финансирования, изменении направления или остановке работы. Такая модель честно

признаёт, что в прорывном проекте «следование плану» может быть опасным, а главная ценность — скорость обучения организации.

Второй краеугольный камень — это переосмысление команды как самообучающегося интеллектуального сообщества. В гипер-междисциплинарной среде нельзя управлять людьми через постановку узких задач; нужно выраживать общее смысловое поле. Практическим ответом становится парное и групповое программирование/проектирование (mob programming), где физик, программист и эксперт по предметной области совместно работают над одной проблемой за одним экраном, вынужденно вырабатывая общий язык. Внутренние «конференции потерь», где команды подробно разбирают наиболее информативные неудачи, превращают негативный опыт в главный актив организации. Система мотивации смещается с бонусов за выполнение плана на признание вклада в организационное обучение — за качественно проведённый эксперимент, даже давший отрицательный результат, за обучение коллег из другой дисциплины, за создание инструмента, ускорившего проверку гипотез для всех.

Третий принцип — этика как инженерная дисциплина — требует операционализации абстрактных норм. Это означает введение в жизненный цикл конкретных артефактов: этических чек-листов для запуска любого эксперимента (с вопросами о данных, потенциально затронутых группах, возможном двойном использовании), карт последствий (impact maps) для новых функций и обязательных аудитов алгоритмов на смещение (bias audits) не после, а в процессе разработки. Специалисты по этике и праву становятся не внешними контролёрами, а членами продуктовой команды с правом вето на ключевых решениях. Такой подход, как показала история с предвзяностью алгоритмов, — это не просто «следование трендам», а прямая проектная необходимость, позволяющая избежать катастрофических репутационных и юридических издережек на поздних стадиях. Применение этих принципов в области квантовых технологий, где «сложность задач требует объединения экспертов из областей, разделённых не только профессиональным жаргоном, но и эпистемологическими основаниями» [4, с. 89], является не просто рекомендацией, а условием выживания проекта.

Заключение

Таким образом, управление инновационными ИТ-проектами в области прорывных технологий представляет собой не прикладную дисциплину, а стратегическую мета-деятельность. Она заключается в осознанном конструировании такой организационной, коммуникативной и этической среды, где принципиальная неопределенность перестаёт быть угрозой и становится источником инновационного потенциала. Менеджер в этой новой парадигме — это архитектор возможностей, фасilitатор междисциплинарного диалога и ответственный страж

долгосрочных последствий. Успех измеряется не процентами выполнения плана по срокам и бюджету, а скоростью обучения команды, качеством проверенных гипотез и устойчивостью создаваемой технологической и социальной системы. Дорожные карты, анализ рисков и методы управления, предложенные в докладе, — это не жёсткие инструкции, а элементы гибкого каркаса, который должен наполняться конкретным содержанием для

каждого уникального проекта. Фильм «In the Age of AI» служит не только предупреждением о рисках, но и напоминанием: в эпоху, когда технологии обретают способность к неожиданному, творческому поведению (будь то «ход 37» или непредвиденное социальное воздействие), человеческое управление должно подняться на новый уровень сложности, ответственности и, в конечном счёте, — мудрости.

Литература:

1. The Age of AI — Эра ИИ [Документальный сериал] / YouTube Originals. — США, 2019. — 8 серий. — URL: https://youtu.be/5dZ_lvDgevk?si=zSfM_Rfu8gM_xEUa (дата обращения: 10.12.2025).
2. Quantum Revolution — Квантовая революция [Видеофильм] / реж. Марк Арнесон. — BBC, Великобритания, 2023. — 59 мин — URL: https://youtu.be/dCrbOmBsTRk?si=Wn6KjrD5UN_99UtP (дата обращения: 10.12.2025).
3. Пелешенко, В. А. Квантовые технологии: монография: в 2 т. Т. 1: Квантовая вычислительная теория чисел и машинного обучения / В. А. Пелешенко. — Москва: Научная библиотека, 2025. — 183 с.: ил. — Библиогр. в конце разд. — ISBN 978-5-907954-98-4.
4. Пелешенко, В. А. Квантовая вычислительная теория чисел и машинного обучения: монография / В. А. Пелешенко. — Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2025. — 184 с. — ISBN 978-5-907954-98-4.
5. The Machine That Changed the World — Машина, изменившая мир [Документальный цикл] / PBS. — США, 1992. — 5 эп. — URL: <https://youtu.be/8KnkeON3UEE?si=yKcG1AYY3MKOrkyw> (дата обращения: 10.12.2025).
6. Джон Мартинес: Квантовые вычисления на практике [Электронный ресурс]: интервью // Google Quantum AI Blog. — 2023. — URL: <https://miptstream.ru/2017/07/04/rqc-lection/> (дата обращения: 09.12.2025).
7. Хаггард, П. Квантовые технологии: всё, что нужно знать / П. Хаггард; пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2024. — 267 с.
8. Каку, М. Будущее разума / М. Каку; пер. с англ. — М.: Эксмо, 2019. — 352 с.
9. Рутковский, М. Искусственный интеллект: от основ к суперразвитию / М. Рутковский. — СПб.: Питер, 2021. — 292 с.
10. Левин, П. А. Квантовые компьютеры: теория и практика / П. А. Левин. — М.: Наука, 2024. — 420 с.
11. Коновалов, А. Интеллектуальные системы будущего / А. Коновалов. — М.: ДМК Пресс, 2023. — 388 с.
12. Quantum Advantage: Algorithms and Hardware // Nature Physics. — 2025. — Vol. 21, № 5. — P. 790–812.
13. AI in Science and Engineering: Trends // Science Advances. — 2024. — Vol. 10, № 3. — P. 2259–2278.

Совершенствование системы кадровой безопасности в ОАО «РЖД»: вызовы и стратегические направления

Стрелкова Елена Сергеевна, студент

Научный руководитель: Погорелова Марина Яковлевна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные вопросы кадровой безопасности в одной из крупнейших системообразующих компаний России — ОАО «РЖД». Проанализированы ключевые угрозы, специфичные для холдинга. На основе анализа существующей системы управления кадровой безопасностью предложены комплексные меры по ее совершенствованию с акцентом на цифровизацию, проактивный подход и формирование культуры лояльности. Делается вывод о необходимости трансформации кадровой безопасности из защитной функции в стратегический актив, обеспечивающий устойчивость и конкурентоспособность компании.

Ключевые слова: кадровая безопасность, ОАО «РЖД», человеческий фактор, внутренние угрозы, лояльность персонала, информационная безопасность, экономическая безопасность, система управления.

Окруженное акционерное общество «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») представляет собой уникальный по масштабам и социально-экономической

значимости национальный транспортный комплекс. Компания обладает колоссальной инфраструктурой, разветвленной сетью филиалов и дочерних обществ, а ее кол-

лектив насчитывает сотни тысяч сотрудников. В таких условиях персонал становится одновременно главным активом и потенциальным источником системных рисков. Кадровая безопасность (КБ), понимаемая как комплекс мероприятий, направленных на предотвращение, выявление и нейтрализацию угроз, связанных с персоналом, которые могут нанести ущерб жизненно важным интересам компании, приобретает для ОАО «РЖД» характер стратегического императива. От действий каждого сотрудника — от машиниста локомотива до руководителя департамента — напрямую зависит безопасность движения, непрерывность перевозочного процесса, сохранность грузов и безупречная репутация компании. Таким образом, совершенствование системы кадровой безопасности — это не просто административная задача, а необходимое условие обеспечения устойчивого развития и национальной транспортной безопасности в целом.

Специфика угроз кадровой безопасности в ОАО «РЖД» имеет многоплановый характер и напрямую вытекает из отраслевых особенностей.

Первый блок — это угрозы безопасности движения и эксплуатации, где печально известный человеческий фактор остается ключевой причиной инцидентов. Нарушение инструкций, усталость, неадекватное психофизиологическое состояние, недостаточная квалификация или, что крайне редко, но опасно, умысленные деструктивные действия — все это реализуется через персонал.

Второй блок — экономические угрозы. Масштабы хозяйственной деятельности создают риски хищений активов, грузов, топлива, материалов, возникновения мошеннических схем при закупках, ремонтах и оформлении перевозок, а также проявлений коррупции.

Третий, нарастающий по значимости блок — информационные угрозы. Утечка конфиденциальной коммерческой, технической или управленческой информации, передача данных третьим лицам, включая конкурентов, и несоблюдение правил работы с информационными системами, от простой небрежности до инсайдерских действий, способны нанести колоссальный урон.

Четвертый, последний блок — репутационные и кадровые угрозы. Деструктивное поведение сотрудников в социальных сетях, массовый отток ценных специалистов (утечка мозгов) и низкий уровень лояльности подрывают имидж и инновационный потенциал компании. Усугубляет ситуацию территориальная распределенность ОАО «РЖД» и сильная роль неформальных связей в коллективах, что зачастую затрудняет своевременное обнаружение негативных явлений.

В ОАО «РЖД» исторически сформирована развитленная и в целом robust-система обеспечения безопасности. Она включает в себя специализированные структурные подразделения, такие как служба корпоративной безопасности, департамент управления персоналом и служба внутреннего аудита. Их деятельность регламентирована внутренними документами: политиками, инструкциями, Кодексом деловой этики. Реализуются

стандартные процедуры обеспечения кадровой безопасности: профессиональный отбор с элементами проверки службой безопасности, обязательные периодические медицинские осмотры, аттестации персонала.

Однако в условиях цифровой трансформации, усложнения внешней среды и роста требований к операционной эффективности этой традиционной системы становится недостаточно. Анализ выявляет ряд системных узких мест.

Во-первых, сохраняется преимущественно реактивный, а не проактивный подход. Усилия зачастую концентрируются на расследовании уже совершенных нарушений, а не на прогнозировании и предупреждении потенциальных рисков.

Во-вторых, наблюдается разрозненность данных: информация о персонале (кадровые данные, результаты аттестаций, данные психологического тестирования, сведения от службы безопасности) хранится в разных, слабо интегрированных между собой информационных системах, что препятствует формированию целостной картины.

В-третьих, часть процедур, особенно на этапе первичного отбора, может носить формальный характер, а последующий мониторинг лояльности и поведенческих паттернов сотрудника в течение всего периода его работы развит недостаточно.

В-четвертых, системе не хватает внимания к «мягким» факторам — корпоративной культуре безопасности, психологическому климату в коллективах, целенаправленному формированию системы ценностей, в то время как акцент смещен на технические и формальные аспекты контроля.

Наконец, в эпоху цифровизации критически высокими становятся риски инсайдерства со стороны сотрудников, имеющих легальный доступ к ключевым бизнес-системам и данным.

Совершенствование системы кадровой безопасности в ОАО «РЖД» требует комплексной трансформации, затрагивающей технологический, процессный и, что крайне важно, культурный уровни управления. Стратегическим вектором должно стать внедрение комплексной ИТ-платформы управления кадровыми рисками, так называемого цифрового профиля сотрудника. Речь идет о создании единой защищенной аналитической среды, агрегирующей данные из различных источников: HRM-системы, систем контроля доступа и пропускного режима, данных о финансовых транзакциях (для сотрудников на уязвимых должностях), результатов обучения, аттестаций и даже сведений о психофизиологическом мониторинге. Использование технологий больших данных (big data) и предиктивной аналитики позволит перейти от констатации фактов к прогнозированию: выявлять аномальные поведенческие паттерны, строить психологические портреты и оценивать индивидуальные и групповые риски. В связи с этим необходимо внедрение системы непрерывного мониторинга цифровой активности в корпоративных сетях

для раннего обнаружения потенциальных инсайдерских угроз.

Параллельно требуется кардинальное развитие проактивных методов работы. Это означает внедрение регулярного (а не эпизодического) психологического мониторинга для сотрудников на критических должностях (машинисты, диспетчеры, руководители) с использованием современных аппаратно-программных комплексов. Важным шагом станет разработка и внедрение системы индикаторов раннего предупреждения о кадровых рисках, которые будут активировать сигналы на основе анализа собранного массива данных. Кроме того, необходимо институционализировать практику регулярных профилирующих интервью (бесед), которые должны проводить не только специалисты безопасности, но и, что ключевое, линейные руководители, обученные основам кадровой безопасности. Такие беседы направлены не на слежку, а на оценку уровня удовлетворенности, лояльности, выявление профессиональных выгораний и потенциальных проблем в коллективе.

Технологические и процессные усовершенствования будут малозэффективны без глубинной работы с корпоративной культурой и лояльностью персонала. Ценности безопасности, добросовестности и честности должны быть интегрированы в систему KPI и мотивации, причем не только материальной, но и нематериальной — через карьерные возможности, признание, статус. Необходимо развитие программ корпоративного наставничества и адаптации, которые способствуют быстрой и правильной интеграции новых сотрудников в культурную среду компании. Создание доверительных, а главное, защищенных каналов обратной связи и анонимного информирования (этических линий) позволит выявлять проблемы на ранней стадии, не подвергая риску «сигнальщиков». Фундаментом же всего должна стать целенаправленная работа по укреплению корпоративного патриотизма и гордости за принадлежность к ОАО «РЖД»,

чтобы каждый сотрудник осознавал личную ответственность за безопасность, результат и репутацию компании.

Наконец, необходимо совершенствование организационно-управленческих механизмов. Требуется четкое нормативное разграничение и, одновременно, наложенная координация функций между службой безопасности, департаментом персонала и внутренним аудитом. Внедрение сквозных межфункциональных процессов управления кадровыми рисками, где каждый участник играет свою роль на разных этапах жизненного цикла сотрудника, позволит устранить разрывы и дублирование. Важным является регулярный пересмотр и актуализация перечня критических должностей и соответствующих требований к кандидатам. И безусловно, необходимо развитие компетенций в области кадровой безопасности у линейных руководителей всех уровней, которые являются первым и главным звеном в ежедневной работе с персоналом.

В заключение следует отметить, что совершенствование системы кадровой безопасности в ОАО «РЖД» — это не разовое мероприятие, а непрерывный стратегический процесс, требующий последовательных инвестиций в технологии, процессы и прежде всего в людей. Переход от традиционной, реактивной защиты к проактивному, интеллектуальному управлению рисками на основе данных позволит не только минимизировать потенциальный ущерб от действий персонала, но и создать новое, устойчивое конкурентное преимущество. Ключом к успеху станет органичный синтез передовых цифровых технологий (аналитики больших данных, мониторинга), выверенных и гибких процессов (регламентов, координации) и сильной, живой корпоративной культуры, основанной на взаимном доверии, лояльности и осознанной ответственности каждого работника. Только при таком подходе кадровая безопасность сможет трансформироваться из статьи затрат и обременения в стратегический актив, инвестицию в надежность, репутацию и долгосрочное будущее национального транспортного гиганта.

Литература:

1. Алавердов, А. Р. Управление кадровой безопасностью организации / А. Р. Алавердов. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Ун-т «Синергия», 2020. — 460 с.
2. Ануфриева, А. П. Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности в Российской Федерации / А. П. Ануфриева, А. В. Лялюк, Е. А. Деркачева // Экономика и предпринимательство. — 2023. — № 1 (150). — С. 289–293.
3. Лымарева, О. А. Управление кадровой безопасностью как часть стратегического менеджмента персонала / О. А. Лымарева, В. А. Руднева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2025. — № 1-1 (119). — С. 147–149.
4. Чумарин, И. Г. Что такое кадровая безопасность компаний? / И. Г. Чумарин // Кадры предприятия. — URL: <http://www.kapr.ru/articles/2003/2/519.html> (дата обращения: 13.12.2025).
5. Служебная документация ОАО «РЖД»: Кодекс деловой этики, Политика безопасности. — Не опубл.

Проблемы и риски стратегического управления в условиях цифровизации

Тихомирова Полина Владиславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Цифровизация стремительно меняет возможности стратегического управления, открывая перед компаниями новые подходы управления и пересмотр традиционных подходов, путем развития новых технологий, таких как информационная аналитика, искусственный интеллект и различные цифровые платформы, которые помогают в развитии организаций.

Целью данного исследования является анализ цифровой трансформации и инновационных решений в области стратегического управления.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, цифровизация, цифровая трансформация, стратегические изменения.

Стратегическое управление — интегрированный и координированный набор намерений и действий компании, направленный на использование ключевых компетенций и получение конкурентных преимуществ над другими «рыночными игроками», так как выбранную стратегию нужно адаптировать с течением времени, по мере того как меняются параметры внутренней среды деятельности компании [5].

Цифровизация затрагивает производственные процессы, систему управления, взаимодействие с потребителями и партнёрами, а также механизмы формирования конкурентных преимуществ.

В наше время компании стали активно использовать цифровизацию в своей деятельности. Связано это с тем, что на федеральном уровне были приняты национальные программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1] и «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [2]. Данные программы способствуют развитию организаций и принятия инновационных методов стратегий.

Анализ стратегического управления в цифровой среде можно охарактеризовать существенными изменениями ключевых управленческих параметров в таблице 1.

Таблица 1

Элемент стратегического управления	Традиционный подход	Цифровая среда
Планирование	Долгосрочное	Краткосрочное
Источники информации	Экспертное мнение	Данные и аналитика
Принятие решений	Централизованное	Гибкое
Модель	Линейная	Платформенная
Инновационная деятельность	Эпизодическая	Непрерывная

Исходя из приведенной информации следует обратить внимание на то, что стратегическое управление становится более адаптивным и ориентированным на изменения внешней и внутренней среды организации.

Стоит отметить, что данный уровень развития существенно трансформирует систему принятия стратегических решений в организациях.

В то время, как традиционный подход в основном использует экспертную оценку, цифровая среда строится на данных и аналитических инструментах. Использование больших данных, машинного обучения и прогнозной аналитики позволяет повысить обоснованность стратегических решений, однако одновременно усложняет управленческий процесс.

Несмотря на стремительное развитие технологий, существует ряд причин, которые доказывают, что стратегическое управление неэффективно в условиях быстрых изменений, происходящих в современном мире, а цифровая

трансформация требует радикального сокращения времени решения управленческих задач. В условиях цифровизации стратегическое управление сталкивается с рядом проблем.

Одной из проблем является высокая неопределенность, связанная с быстрым развитием цифровых технологий и изменением рыночных условий. Данная проблема повышает риск неэффективных решений внутри компаний.

Не менее важной проблемой является дефицит цифровых компетенций у руководящих лиц. При отсутствии необходимой цифровой грамотности, руководитель не может в полной мере использовать аналитические инструменты, что существенно замедляет процессы цифровой трансформации.

Отдельное внимание стоит обратить на изменения со стороны персонала. Цифровая трансформация часто сопровождается изменением бизнес-процессов, автомати-

зацией и перераспределением функций, что вызывает социальную напряжённость и снижает мотивацию сотрудников.

В условиях цифровизации стоит учитывать стратегические риски, которые сказываются на конкурентоспособности организации:

1. Ошибочный выбор стратегии. Данный риск встречается чаще всего и связан с недостаточным анализом трендов и возможностей организации.

2. Кибер-риски. Они включают в себя утечку данных, информационные атаки и репутационные потери.

3. Технологический риск вызван зависимостью организаций от внешних цифровых решений (использование облачного хранилища, экосистемы).

4. Финансовый риск связан с высоким уровнем вложений в цифровые проекты.

5. Социальный риск сказывается на потере рабочих мест и изменении структуры занятости.

Для снижения проблем и рисков стратегического управления требуется комплексный и системный подход.

Наиболее важным фактором является развитие цифровых навыков сотрудников, что скажется на более качественном стратегическом управлении и решении задач. Стоит отметить использование сценарного планирования, поскольку данный подход позволит учитывать факторы внешней среды и разрабатывать наиболее грамотные стратегии. Необходимо также интегрировать риск-менеджмент в стратегический процесс, что в свою очередь повысит информационную безопасность и формирование цифровой культуры в организации, за счет чего повысится устойчивость организации.

Цифровизация существенно трансформирует стратегическое управление, формируя новые проблемы и риски. В условиях высокой неопределенности ключевым фактором успешного стратегического управления становится способность организаций к адаптации, эффективному управлению рисками и развитию цифровых компетенций. Применение гибких стратегических подходов позволяет обеспечить долгосрочную конкурентоспособность и устойчивое развитие организаций.

Литература:

1. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение правительства РФ от 27 июля 2017 г. № 1632-р.
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.
3. Волков Л. В. Ключевые глобальные тренды, влияющие на трансформацию современной экономики / Л. В. Волков // Финансовые рынки и банки. — 2022. — № 5.
4. Голубецкая Н. П. Трансформация инновационной деятельности в современном менеджменте организаций / Н. П. Голубецкая, О. Г. Смешко, Т. В. Чиркова // Экономика и управление. — 2022. — Т. 28, № 2.
5. Ляско А. К. Стратегический менеджмент / И: Дело. — 2018. — 630 с.
6. Петров А. Н. Новые тренды развития теории стратегического менеджмента / А. Н. Петров, Д. О. Назаров // Технико-технологические проблемы сервиса. — 2024. — № 4(70).

Предпринимательская деятельность и ее влияние на национальную экономику России

Тороус Екатерина Вадимовна, студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье исследуется роль и влияние предпринимательской деятельности на развитие национальной экономики Российской Федерации. Мы проанализируем ключевые функции предпринимательства, включая структурные преобразования, обеспечение занятости, стимулирование инноваций и повышение конкурентоспособности. На основе статистических данных и собственного анализа разберем специфику российского предпринимательства. Также узнаем, необходима ли целенаправленная государственная политика для формирования благоприятной предпринимательской среды.

Ключевые слова: предпринимательство, национальная экономика, малый и средний бизнес (МСП), экономический рост, инновации.

В условиях импортозамещения, санкционного давления и необходимости обеспечения устойчивого экономического роста роль предпринимательства в России при-

обретает стратегическое значение. Предпринимательская деятельность, понимаемая как самостоятельная, осуществляющаяся на свой риск деятельность, направленная на

систематическое получение прибыли [1], является не просто частью экономики, а ключевым фактором для ее динамики.

С точки зрения российской экономической науки, предпринимательство выполняет несколько функций:

- 1) Комбинирование ресурсов (трудовых, финансовых, информационных) в новом качестве для создания инновационных товаров и услуг.

- 2) Создание новых рабочих мест, формирование среднего класса, снижение социальной напряженности.

3) Быстрое использование появляющихся рыночных возможностей, в том числе в условиях неопределенности [2].

В российской практике традиционно выделяют два основных сегмента предпринимательства: малый и средний бизнес (МСБ) и крупный корпоративный сектор, причем именно МСБ считается наиболее гибким и социально ориентированным. Несмотря на это, вклад малого и среднего предпринимательства (МСП) в ВВП России остается относительно низким по сравнению с развитыми странами [3] — на уровне около 21 % [4].

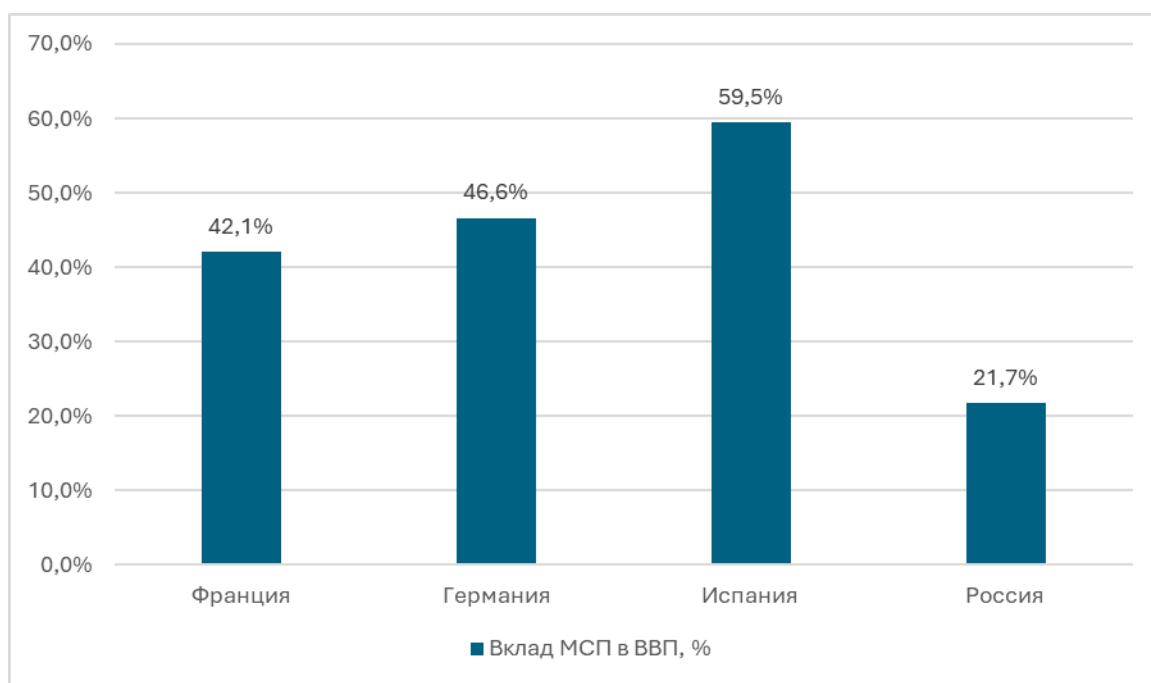

Рис. 1. Сравнение МСП в странах по данным института комплексных стратегических исследований «ИКСЫ»

Это свидетельствует о сохраняющейся зависимости экономики от крупных сырьевых компаний. Однако в несырьевых секторах, особенно в сфере услуг, розничной торговли и ИТ, предпринимательство играет ведущую роль, выступая основным фактором для эффективного распределения рисков и обеспечения стабильного дохода.

Также МСП является крупнейшим работодателем в ряде отраслей. По данным Росстата, на малых предприятиях (включая микропредприятия) была занята почти четверть от общей численности занятого населения [5]. Этот сектор обладает высокой способностью поглощать рабочую силу в регионах и мегаполисах, смягчая последствия структурных кризисов.

Если рассмотреть инновационную активность в российском предпринимательском секторе, то она сосредоточена преимущественно в сфере ИТ и цифровых технологий. Хотя доля инновационных МСП невелика, именно они являются источником роста. Кроме того, выход на локальные рынки новых компаний усиливает конкуренцию, вынуждая всех участников повышать эффективность и качество обслуживания. Тем не менее, предпринима-

тельный сектор формирует значительную часть налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, особенно в регионах, где отсутствуют крупные промышленные гиганты. Поддержка малого бизнеса ведет к сокращению межрегионального неравенства и выравниванию экономических условий по всей стране.

Давайте разберемся, что именно мешает российскому предпринимательству раскрыть все свои возможности. Во-первых, это административные барьеры. Чрезмерная бюрократия и недостаточная защита прав собственности делают среду для бизнеса непредсказуемой. Во-вторых, нехватка денег. Банки выдают кредиты под высокие проценты, а без залога получить займы почти невозможно, что особенно тяжело для небольших компаний и стартапов. В-третьих, проблема с кадрами. На рынке мало специалистов, которые обладают не только профессиональными знаниями, но и деловой хваткой. В-четвертых, нестабильная экономика. Колебания курса рубля, инфляция и зависимость от цен на нефть и газ мешают бизнесу строить долгосрочные планы.

Таким образом, российский бизнес вносит значительный вклад в экономику, обеспечивая занятость, сти-

мулируя инновации и способствуя развитию регионов. Однако для того, чтобы предпринимательство стало клю-

чевым двигателем роста, необходимо целенаправленно устранять системные барьеры.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.07.2024). — Статья 2.
- Бланк, А. С. Основы предпринимательства: учебник для вузов / А. С. Бланк. — М.: КноРус, 2021.
- Институт комплексных стратегических исследований «ИКСЫ» URL: https://icss.ru/images/macro/20240205_ИКСИ%20МСП%20%286%29.pdf
- Обзор МСП в России 2023// [Электронный ресурс] // Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) URL: <https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/eastern-partners/Russia-SME-Policy-Index-Russian.pdf>
- Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — М., 2023. — Раздел «Малое и среднее предпринимательство»

Тренды в инвестициях: что будет актуально в ближайшие годы

Хутова Элина Аслановна, студент
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Статья посвящена рассмотрению инвестиционных трендов на ближайшие годы. В качестве литературы для анализа использовались статьи экспертов в области инвестиций и экономики на мировом и отечественном рынках.

Ключевые слова: инвестиции, тренды, инвестиционные тренды, анализ, экономика.

Investment trends: what will be relevant in the coming years

The article is devoted to the consideration of investment trends for the coming years. The articles of experts in the field of investment and economics in the global and domestic markets were used as the literature used for the analysis.

Keywords: investments, trends, investment trends, analysis, economics.

Aктуальность данной статьи обусловлена тем, что в условиях быстро меняющегося глобального экономического ландшафта и технологических инноваций, вопрос о трендах в инвестициях становится особенно актуальным. Современные инвесторы сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, которые требуют глубокого анализа и понимания текущих тенденций.

Инвестиции — это вложения капитала в различные активы с целью извлечения прибыли или достижения иного полезного экономического результата. Более полное юридическое определение данного термина содержится в Федеральном законе от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляющей в форме капитальных вложений» [1].

В рамках макроэкономического анализа инвестиции определяются как часть совокупных экономических ресурсов, сознательно отвлекаемая от текущего потребления и направляемая на воспроизводство и прращение реального капитала общества. Данная категория включает в себя не только физический (основные фонды, инфраструктуру), но и интеллектуальный, а также человеческий капитал, выступая ключевым фактором дол-

госрочного экономического роста и технологического развития.

Отличительной и проблематичной характеристикой инвестиционной деятельности является её высокая волатильность и слабая предсказуемость в краткосрочной перспективе. Инвестиционные расходы демонстрируют наибольшую амплитуду колебаний среди всех компонентов совокупного спроса (потребления, государственных расходов, чистого экспорта). Это связано с комплексным воздействием трудноформализуемых факторов: изменений в ожиданиях инвесторов, динамики процентных ставок, технологических прорывов, а также институциональной и политической среды. Данная изменчивость усугубляется феноменом быстротечности инвестиционных трендов: объекты вложений, пользующиеся повышенным спросом в определённый период, могут стремительно терять свою привлекательность, уступая место новым направлениям, что отражает непостоянство рыночных предпочтений и конъюнктуры [2].

Целью настоящего исследования является систематизация и анализ перспективных направлений инвестирования, которые, по мнению экспертного сообщества,

будут определять динамику рынков в среднесрочной перспективе (на горизонте следующего десятилетия). Статья сфокусирована на двух основных аспектах: во-первых, на глобальных мегатрендах, формирующихся под влиянием технологических, социальных и экологических изменений, и, во-вторых, на специфических тенденциях, характерных для отечественного инвестиционного ландшафта. Выводы и прогнозы основываются на консенсусных оценках и аналитических материалах, представленных ведущими специалистами в сфере экономики, финансов и инвестиционного менеджмента.

В 2021 году Forbes Russia опубликовали статью на тему «10 главных инвестиционных трендов следующего десятилетия: куда вложить деньги». [3] Прошло 3 года, а значит можно в какой-то мере оценить достоверность и актуальность прогноза.

Рассмотрим основные тренды из статьи, написанной Евгением Шатовым и отметим свое мнение в связи с настоящими событиями:

1. Электрокары

«Главным локомотивом электрификации автомобильной индустрии выступает компания Tesla. Аналитики не сомневаются в успехе компании Илона Маска и верят, что уже в недалеком будущем акции компании достигнут уровня \$1800, что увеличит капитализацию компании на 70 %», — пишет Евгений Шатов. На момент 2024 года акции Tesla доходят до отметки в \$480, компания прогнозирует рост продаж автомобилей на 20–30 % в 2025 году, а также ожидается, что Cybercar достигнет массового производства к 2026 году с целевым показателем 2 миллиона единиц в год. [4] В третьем квартале 2024 года компания продемонстрировала сильные результаты с рекордными поставками, так что можно считать, что данная инвестиция все еще актуальна.

2. Интернет вещей

«Желание людей постоянно совершенствовать существующие процессы и упрощать жизнь на фоне охвата всемирной паутиной даже удаленных уголков мира, что ранее казалось невозможным, способствует развитию IoT». Автор в качестве компании, в которые стоит вкладываться, приводит в пример Xiaomi, и можно заметить, что компания давно ушла вперед, предлагая сейчас покупателям не только смартфоны, ноутбуки и т.д., но и многофункциональные лопату, алкотестер, складной нож, умную кормушку для животных, пылесосы, индукционную плиту и многое другое!

3. Кибербезопасность

Проблема все еще актуальна и требует развития в этой сфере, ведь жертвами киберпреступников стали не только простые граждане, но и государственные корпорации и даже правительственные организации

4. Космическая отрасль

«В 2024 году SpaceX отправила в миссию к Юпитеру и запустила самую мощную ракету в мире», — пишет Lenta.ru. У компании также много планов на это десятилетие, например, первый полет к Луне без астронавтов на

борту, запуск космического корабля Starship, удачный запуск которого может привести к первому пилотируемому полету на Марс, так что эта компания точно заслуживает вашего внимания.

5. Медтех

Нынешние технологии помогают врачам получить более точную информацию о состоянии здоровья пациента и проводить более эффективное лечение. К таким технологиям относится компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, позитронно-эмиссионная томография, лазерная хирургия и многие другие. Говоря об инновациях, стоит конечно же упомянуть 3D-печать, роботизированную хирургию, биоинженерию, цифровую медицину, геномику, телемедицину и многое другое. [5]

6. Управление отходами

Потребление составляет большую долю мирового ВВП. С каждым годом оно растет и приводит к огромному количеству выбросов в окружающую среду. Чтобы снизить негативное влияние до минимума, необходимо уделить огромное внимание переработке отходов

7. Искусственный интеллект

«Необходимость обработки огромных массивов данных в короткие сроки и использование их для определенных целей привела к появлению ИИ. Учитывая тот факт, что объем информации с каждым днем увеличивается, использование ИИ будет распространяться на все большее и большее число сфер жизни человека», — пишет Евгений Шатов. На данный момент ИИ занимает огромную часть нашей жизни, ведь он распространен в такие области как логистика, медицина, сельхоз, промышленные предприятия и многие другие. Мы считаем, что эта инвестиция популярна и по сей день и будет популярна еще долго.

2024 год стал этапом существенных структурных преобразований в российской финансовой системе. В контексте сохраняющейся геополитической нестабильности и внешних ограничений, данный сектор экономики проявил выраженную устойчивость, адаптируясь к изменившимся условиям и формируя новые приоритеты развития. Адаптация проявляется в переориентации инвестиционных потоков в сторону импортозамещающих и суверенных технологий, активном развитии кооперации с альтернативными внешними рынками, а также в стимулировании внутренней инфраструктуры и ускоренной цифровой трансформации финансовых услуг [6].

Один из домinantных векторов развития финансового рынка является системная цифровизация. Данный процесс носит многомерный характер, реализуясь через ряд взаимосвязанных технологических и институциональных инноваций. Во-первых, наблюдается постепенное развитие проекта цифрового рубля как суверенного актива нового типа. Расширение операционного контура пилотного тестирования в 2024 году позволит провести более презентативную оценку его функционального потенциала, в числе ключевых эффектов которого рассматриваются повышение прозрачности расчетов, снижение

системных издержек обращения и усиление мониторинговых возможностей регулирующих органов.

Во-вторых, углубление стандартизации и внедрения открытых банковских интерфейсов (Open API) формирует технологический базис для конвергенции традиционных финансовых институтов и финтех-компаний, что индуцирует возникновение гибридных финансовых сервисов и усиливает конкурентную динамику на рынке. В-третьих, происходит инкорпорация методов искусственного интеллекта, включая генеративные модели, в ключевые операционные процессы — от скоринга и риск-менеджмента до клиентаориентированной персонализации и автоматизации сервисных функций, что объективно ведет к росту операционной эффективности сектора.

Наконец, сегмент розничных платежей характеризуется распространением альтернативных схем, таких как модели «купи сейчас, заплати позже» (BNPL), отражающих адаптацию финансовых инструментов к изменяющимся паттернам потребительского поведения в условиях макроэкономической волатильности. В совокупности эти направления формируют контур трансформации, ведущей к изменению архитектуры финансового посредничества.

Так же можно отметить, что в 2024 году продолжится политика укрепления технологического суверенитета в российском финансовом секторе. Ключевым направлением станет импортозамещение программного обеспечения, где активизируется разработка отечественных решений для замещения зарубежных аналогов. Это критически важно для обеспечения бесперебойной работы финансовой системы в условиях санкций и киберугроз. Параллельно ведётся создание независимых банковских систем нового поколения, основанных на полностью отечественном технологическом стеке. Данные меры позволяют снизить зависимость от иностранных поставщиков и значительно повысить устойчивость финансовой инфраструктуры страны.

В дополнение к курсу на технологическую независимость, российский финансовый рынок активно трансформируется, находя новые точки роста. В ответ на ограниченный доступ к традиционным международным площадкам происходит стремительное развитие альтернативных финансовых инструментов, призванных обеспечить приток капитала и новые инвестиционные возможности.

Ожидается, что значительно расширится рынок цифровых финансовых активов (ЦФА) и утилитарных цифровых прав (УЦП). Эти инструменты позиционируются как эффективная альтернатива классическим ценным бумагам, открывая компаниям инновационные каналы для финансирования, а инвесторам — перспективный инструмент для диверсификации своих портфелей.

Параллельно набирает силу тренд на прямые инвестиции в частный бизнес. Всё больше физических лиц проявляют интерес к вложениям в частные компании

через специализированные онлайн-платформы. Эта активность отражает поиск инвесторами более высокой доходности в условиях, когда многие традиционные международные рынки капитала остаются малодоступными.

Под влиянием санкций и geopolитических реалий происходит фундаментальная перестройка системы международных расчетов. В 2024 году этот процесс будет углубляться, что проявится в двух ключевых направлениях:

1. Создание альтернативных платежных каналов.

Акцент будет смешен на формирование независимых от западных систем механизмов для трансграничных операций. В приоритете — развитие собственных систем передачи финансовых сообщений, работа над прямыми межбанковскими каналами, а также активное заключение двусторонних соглашений с партнерскими странами для создания защищенных платежных маршрутов.

2. Дедолларизация и переход на национальные валюты.

Второй важнейший тренд — ускоренный отход от доллара США и евро в международной торговле. Ожидается дальнейший рост доли расчетов в национальных валютах, прежде всего со странами, не присоединившимися к санкционному режиму. Это позволит не только минимизировать риски блокировки операций, но и укрепить финансовый суверенитет России и ее партнеров.

Финансовый сектор России продолжает оперативно реагировать на сложившиеся макроэкономические вызовы, вырабатывая новые модели работы в условиях высокой неопределенности. Ключевыми векторами этой адаптации станут действия регулятора, переориентация банковской системы и усиление государственной поддержки.

Ожидается, что Банк России продолжит курс на плавное смягчение денежно-кредитной политики в 2024 году. Снижение ключевой ставки призвано стимулировать экономическую активность, удешевив кредитные ресурсы для бизнеса.

В ответ на эти меры банковский сектор, вероятно, сместит фокус в сторону корпоративного кредитования, демонстрируя повышенную осторожность на рынке потребительских заемов. Эта стратегия направлена на точечную поддержку реального сектора экономики при сдерживании рисков закредитованности населения. Параллельно, в инвестиционной среде будет расти спрос на инструменты с плавающей ставкой и фонды денежного рынка, позволяющие инвесторам нивелировать волатильность процентной политики.

При этом государство сохранит свою активную роль как системный участник рынка. Будет расширяться спектр программ льготного кредитования и субсидирования ставок для предприятий в приоритетных отраслях. Кроме того, продолжится целенаправленное стимулирование импортозамещения и технологического развития через предоставление целевых налоговых льгот, государственных гарантий и иных форм поддержки для соответствующих проектов.

В качестве заключения можно отметить, что 2024 год стал периодом фундаментальной трансформации для российского финансового сектора, заложившим основы его развития в новой геоэкономической реальности. Ключевыми векторами этой перестройки стали неразрывно связанные процессы форсированной цифровизации и достижения технологического суверенитета, активного формирования рынка альтернативных финансовых инструментов и платежных каналов, а также системная адаптация к изменчивым макроэкономическим условиям при сохраняющейся значимой роли государства. Эта ком-

плексная эволюция, с одной стороны, создает принципиально новые возможности для бизнеса и инвесторов, а с другой — формирует более сложную среду, где успех напрямую зависит от глубокого понимания возникающих рисков, адаптивности и готовности осваивать инновационные решения. Несмотря на сохраняющиеся внешние вызовы, наблюдаемые процессы свидетельствуют о способности финансовой системы к структурной перестройке, что в конечном итоге направлено на повышение устойчивости, эффективности и конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Л. В. Лехтянская, И. И. Константинов Инвестиции в современном обществе: что необходимо знать начинающему инвестору // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 9 (103).
2. Чернышов М. Ю. Современные мировые инвестиционные тренды и инвестиционные сферы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4–2.
3. Forbes.ru: «10 главных инвестиционных трендов следующего десятилетия: куда вложить деньги»
4. Investing.com: «Результаты Tesla за третий квартал 2024 года демонстрируют уверенный рост и инновации»
5. «Нанотехнологии в медицине | Инновации 2024 года»
6. Инвестиции и финансовые тренды 2024 года в России: актуальный анализ <https://tenchat.ru/media/2646109-investitsii-i-finansovyye-trendy-2024-goda-v-rossii-aktualniy-analiz>

Сертификация безглютенового хлеба в Казахстане: кейс ремесленной пекарни в Астане

Чен Юлия Анатольевна, студент
Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Казахстан)

Наличие диагнозов целиакии и глютеновой непереносимости, а также возрастающая популярность концепции здорового и «осознанного» питания повышают спрос на безглютеновую продукцию в Казахстане. Речь в первую очередь идет о безглютеновом хлебе, как продукте ежедневного потребления. Для производителей это связано как с технологическими требованиями, так и с необходимостью корректной сертификации продукции в соответствии с требованиями уполномоченных органов и ожиданиями потребителей.

Целью данной статьи является анализ нормативной базы сертификации безглютенового хлеба в Казахстане и сопоставление ее с международными подходами. Эмпирическую основу статьи дополняет кейс-стади: проект ремесленной безглютеновой пекарни в Астане, ориентированный как на пациентов с целиакией и глютеновой чувствительностью, так и на ЗОЖ-аудиторию. Приводятся результаты онлайн-опроса потенциальных потребителей, характеризующие мотивацию покупки и уровень доверия к маркировке «без глютена», а также обсуждаются решения, необходимые для применения сертификации в малом бизнесе.

Сделан вывод о том, что действующая нормативная база ЕАЭС в целом совместима с международными стандартами, однако малым пекарням требуется адаптированная методическая поддержка по внедрению ХАССП, управлению кросс-контаминацией и выстраиванию прозрачной системы подтверждения безглютенового статуса продукции.

Ключевые слова: безглютеновый хлеб, сертификация, Казахстан, технические регламенты, целиакия, малый бизнес.

Введение

За последние десятилетия тема безглютенового питания вышла из чисто медицинского контура и стала популярной темой для adeptов здорового питания. Для пациентов с целиакией или подтвержденной глютеновой непереноси-

мостью строгая безглютеновая диета является насущной необходимостью, снижающей риск осложнений. Одновременно с этим, наблюдается рост доли потребителей, которые выбирают безглютеновую диету не из медицинских показаний (контроль веса, улучшения работы ЖКТ и в целом самочувствия, следование осознанному питанию).

Для Казахстана значимость темы определяется сочетанием нескольких факторов. Во-первых, существует объективная потребность со стороны пациентов с целиакией и другими формами глютеновой чувствительности. Исследования показывают, что даже среди врачей знания о целиакии (симптомы, диагностика, лечения) остаются отрывочными / фрагментарными, что затрудняет маршрутизацию пациентов и рекомендации по диете [1, 2].

Во-вторых, на рынке наблюдается интерес к низшевым хлебобулочным изделиям, в том числе безглютеновым и функциональным. Это отражается и в научной повестке: казахстанские исследователи активно работают над рецептурой безглютеновых хлебобулочных изделий, в том числе с использованием локальных зерновых культур [3–5].

В этих условиях, вопрос сертификации безглютенового хлеба имеет важное значение. Ошибки в маркировке и контроле кросс-контаминации могут приводить не только к утрате доверия, но и прямому риску для уязвимых групп. В то же время чрезмерная регуляторная и финансовая нагрузка может стать барьером для малых пекарен.

Данная статья направлена на то, чтобы систематизировать нормативно-правовые требования к безглютеновому хлебу в Казахстане, а также через анализ конкретного проекта малой пекарни показать, как эти требования могут быть реализованы на практике.

Нормативно-правовая база сертификации безглютенового хлеба

Казахстан, будучи членом ЕАЭС, живет в правовом поле технических регламентов данного Союза.

Для хлебобулочных изделий и безглютеновой продукции ключевыми являются три документа:

— ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» — устанавливает общие требования к безопасности пищевых продуктов, включая хлебобулочные изделия, на всех этапах жизненного цикла [6].

— ТР ТС 022/2011 «Пищевая продукция в части ее маркировки» — регламентирует правила маркировки, в том числе использование заявлений о специальных свойствах, таких как «без глютена». При указании такого свойства производитель обязан иметь документальные доказательства его достоверности и обеспечивать прослеживаемость [7].

— ТР ТС 027/2012 «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции» — определяет требования к специализированной пищевой продукции, включая продукты для лиц с непереносимостью глютена [8].

ТР ТС 027/2012 фактически закрепляет те же пороговые значения, что и Codex Alimentarius и регламент ЕС: продукт может быть отнесен к категории «без глютена», если содержание глютена в готовой продукции **не превышает 20 мг/кг**; категория «с низким содержанием глю-

тена» — от 20 до 100 мг/кг. При этом регламент устанавливает необходимость использования сырья, изначально не содержащего пшеницу, рожь и ячмень, либо специальной обработки такого сырья с контролем остаточного содержания глютена.

С точки зрения производителя хлеба это означает следующее:

— если продукт позиционируется как **обычный хлеб**, на него распространяются общие требования ТР ТС 021/2011 и 022/2011;

— если продукт позиционируется как **специализированный безглютеновый**, для него дополнительно актуальны нормы ТР ТС 027/2012 и, как правило, требуется **государственная регистрация** как специализированной продукции.

В обоих случаях использование на этикетке обозначений «без глютена», «gluten free» или визуальных знаков, соответствующих этому заявлению, допускается только при наличии подтвержденного контроля содержания глютена и выстроенной системы предотвращения кросс-контаминации.

В международной практике используются добровольные схемы сертификации, которые дополняют государственные локальные регламенты и служат для повышения доверия потребителей:

— **GFCO (Gluten-Free Certification Organization)** — охватывает широкий спектр продуктов, использует порог, как правило, ниже регламентных 20 мг/кг и предусматривает сочетание документарного аудита и лабораторного контроля.

— **Gluten-Free Food Program (GFFP)** и аналогичные программы — ориентированы на подтверждение более жёстких критериев (например, ≤5 ppm).

— **BRCGS Gluten-Free Certification Program** — интегрирует требования по безглютеновой безопасности в систему менеджмента пищевой безопасности предприятия.

Для казахстанских производителей безглютенового хлеба эти схемы остаются добровольными. Что касается малых пекарен, то стоимость и организационная сложность полной международной сертификации могут стать непосильной ношей. Вместе с тем, элементы этих схем (структура требований, чек-листы, подход к управлению рисками кросс-контаминации) могут быть использованы как как инструмент дифференциации на внутреннем рынке и/или ориентир при выстраивании внутренних процедур.

Кейс ремесленной безглютеновой пекарни в Астане

Рассматриваемый проект представляет собой минипекарню в Астане, специализирующуюся на производстве безглютенового хлеба и выпечки на основе рисовой, кукурузной, гречневой и других безглютеновых видов муки. Ассортимент ориентирован на повседневное потребление (формовые и порционные хлеба) и дополнен булочками, печеньями и замороженными полуфабрикатами.

Для оценки спроса и ожиданий была проведена онлайн-анкета среди жителей Астаны, интересующихся темой питания и ЗОЖ. Опрос показал, что:

- часть респондентов имеет медицинские показания (целиакия, диагностированная или предполагаемая непереносимость глютена) и заинтересована в стабильном доступе к безопасному хлебу;
- значительная доля респондентов выбирает или планирует выбирать безглютеновую выпечку по мотивам здорового образа жизни, контроля веса, снижения «нагрузки» на пищеварительную систему;
- среди не покупающих пока безглютеновый хлеб заметна группа, которая рассматривает такую покупку при условии разумной цены, удобных каналов приобретения и доверия к маркировке.

Критически важными факторами выбора (ТОП-3) респонденты назвали: вкус и текстуру хлеба, прозрачный состав и отсутствие «лишней химии», доказанную безглютеновость.

Таким образом, опрос подтверждает, что безглютеновый хлеб в Астане воспринимается как продукт на стыке медицинской необходимости и lifestyle-выбора, а доверие к сертификации и маркировке является одним из ключевых драйверов спроса.

В части соответствия нормативным требованиям модель пекарни строится следующим образом:

— **правовой статус продукции:** основной ассортимент декларируется как хлебобулочные изделия, соответствующие требованиям ТР ТС 021/2011 и 022/2011, с использованием обозначения «без глютена» при наличии подтверждающих испытаний; для отдельных позиций, адресованных пациентам с целиакией, рассматривается возможность регистрации как специализированного продукта по ТР ТС 027/2012;

— **технологический контур:** цех организуется как полностью безглютеновый;

— **управление кросс-контаминацией:** внедряются принципы ХАССП, критическими точками считаются приёмка сырья, хранение, дозирование муки, замес, выпечка и упаковка;

— **лабораторный контроль:** планируется регулярное определение содержания глютена в готовой продукции в аккредитованной лаборатории для подтверждения соответствия пороговому значению $\leq 20 \text{ мг/кг}$;

— **коммуникация с потребителем:** используется понятная маркировка на русском и казахском языках, готовность предоставить информацию о рецептуре, технологиях и результатах испытаний.

На практике именно сочетание выполнения формальных регламентных требований и выстраивания прозрачной коммуникации с клиентами формирует доверие к бренду и снижает риски для пекарни.

Анализ показывает, что нормативно-правовая база ЕАЭС в области безглютеновой продукции в значительной степени гармонизирована с международными стандартами: пороговое значение 20 мг/кг, закреплённое

в ТР ТС 027/2012, соответствует Codex Standard 118-1979, а требования к маркировке и безопасности в ТР ТС 021/2011 и 022/2011 сопоставимы с практикой ЕС [6–11].

Основные вызовы для малых ремесленных пекарен связаны не столько с формальной стороной сертификации, сколько с её организационной и экономической реализацией: необходимостью инвестировать в отдельный производственный контур, выстроить систему ХАССП с учётом рисков кросс-контаминации, организовать регулярные лабораторные испытания и при этом удерживать цену продукта на приемлемом для потребителя уровне.

Кейс пекарни в Астане демонстрирует, что при грамотном сочетании технологических решений, правовой стратегии (выбор формата — декларация соответствия, государственная регистрация, добровольная сертификация) и активной работы с потребительским доверием возможно создание устойчивой бизнес-модели в нише безглютенового хлеба. Результаты опроса подчеркивают, что рынок Астаны содержит не только «узкую» медицинскую аудиторию, но и несколько перспективных сегментов ЗОЖ-ориентированных потребителей, для которых ключевыми являются не только вкус и цена, но и прозрачность происхождения и сертификации продукта.

С точки зрения государственной политики и поддержки малого бизнеса целесообразно развитие адаптированных методических материалов для пекарен: типовых ХАССП-планов для безглютенового производства, рекомендаций по организации контроля кросс-контаминации и взаимодействию с аккредитованными лабораториями, а также разъяснений по выбору между различными форматами сертификации и регистрации продукции.

Заключение

Сертификация безглютенового хлеба в Казахстане находится на пересечении требований технических регламентов ЕАЭС, международных стандартов и практики малых ремесленных производств. Нормативная база в целом создаёт достаточные условия для обеспечения безопасности и корректной маркировки продукции, однако её практическая реализация в малом бизнесе требует дополнительных методических и организационных решений.

Представленный кейс пекарни в Астане и результаты опроса потребителей показывают наличие устойчивого интереса к безглютеновому хлебу как со стороны пациентов с целиакией и глютеновой чувствительностью, так и со стороны ЗОЖ-аудитории. При этом ключевым фактором конкурентоспособности в этой нише становится способность производителя не только формально соответствовать требованиям ТР ТС, но и выстраивать прозрачную систему управления безглютеновой безопасностью, кросс-контаминацией и коммуникацией с потребителями.

В долгосрочной перспективе формирование понятной и доверенной системы сертификации безглютеновой продукции может способствовать одновременному улучшению

качества жизни пациентов, развитию локальных брендов ремесленной выпечки и укреплению репутации казахстанских производителей на внутреннем и внешних рынках.

Литература:

1. Вестник Казахского национального медицинского университета, 2023. Обзор по целиакии у взрослых в Казахстане;
2. Кожахметова А. и др., 2022. Современные знания и мифы о целиакии среди врачей Республики Казахстан;
3. КазНИИПиПП, «Глютенсіз снектер: тренд пе, қажеттілік пе? Неліктен адамдар денсаулыққа пайдалы баламаны таңдайды?», <https://rpf.kz/?p=3637>;
4. КазНИИПиПП, Лаборатория технологии хлебопекарного производства, https://rpf.kz/?page_id=211;
5. Атамбаева Ж. М. и др., 2025. Модернизация технологии производства безглютенового хлеба. Вестник Университета Шакарима. Серия технические науки. (2(18)):291–299. [https://doi.org/10.53360/2788-7995-2025-2\(18\)-35](https://doi.org/10.53360/2788-7995-2025-2(18)-35);
6. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011).
7. Технический регламент Таможенного союза «Пищевая продукция в части её маркировки» (ТР ТС 022/2011).
8. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции...» (ТР ТС 027/2012).
9. Codex Alimentarius. Standard for foods for special dietary use for persons intolerant to gluten (CXS 118–1979). — FAO/WHO Codex Alimentarius Commission.
10. ISDI. Guidance on gluten-free labelling. — International Special Dietary Foods Industries, 2018.
11. SGS. Gluten-Free Certification Organization — service description. URL: <https://www.sgs.com>

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Интернет-коммуникации и социальные сети как инструмент формирования имиджа образовательной организации (на примере Московского международного университета)

Максимчук Алина Олеговна, студент магистратуры
Московский международный университет

В статье исследуется роль интернет-коммуникаций и социальных сетей в формировании и продвижении имиджа современного высшего учебного заведения. Актуальность темы обусловлена цифровой трансформацией общества, когда цифровой образ организации становится ключевым фактором привлечения абитуриентов и укрепления репутации. На примере Московского международного университета рассматриваются стратегии использования социальных медиа для позиционирования вуза, взаимодействия с целевыми аудиториями и управления репутацией. В результате анализа выделены ключевые эффективные инструменты и даны рекомендации по оптимизации цифрового присутствия университета. Цель исследования — выявить закономерности и разработать предложения по повышению эффективности использования интернет-ресурсов для построения устойчивого положительного имиджа образовательной организации.

Ключевые слова: цифровой имидж, социальные сети, интернет-коммуникации, репутация вуза, маркетинг в образовании, социальные медиа, высшее учебное заведение, целевая аудитория, управление репутацией, онлайн-продвижение.

Internet communications and social networks as a tool for forming the image of an educational organization (on the example of the Moscow International University)

Maksimchuk Alina Olegovna, master's student
Moscow International University

The article examines the role of Internet communications and social networks in forming and promoting the image of a modern higher education institution. The relevance of the topic is due to the digital transformation of society, when the digital image of an organization becomes a key factor in attracting applicants and strengthening reputation. Using the example of the Moscow International University, strategies for using social media to position the university, interact with target audiences and manage reputation are considered. As a result of the analysis, key effective tools are identified and recommendations are given for optimizing the university's digital presence. The purpose of the study is to identify patterns and develop proposals for increasing the efficiency of using Internet resources to build a sustainable positive image of an educational organization.

Keywords: digital image, social networks, Internet communications, university reputation, marketing in education, social media, higher education institution, target audience, reputation management, online promotion.

Введение

Современная цифровая среда коренным образом трансформировала принципы формирования имиджа и репутации любых организаций, в том числе и образовательных. Образовательные учреждения сегодня вынуждены конкурировать не только на национальном, но и на международном уровне, где цифровой след и он-

лайн-репутация зачастую становятся решающими факторами выбора для абитуриентов и их родителей [3, с. 45]. Актуальность данного исследования определяется острой необходимостью для вузов выстраивать эффективную, прозрачную и привлекательную коммуникацию в интернет-пространстве, чтобы отвечать запросам нового поколения цифровых абитуриентов и укреплять свои позиции на рынке образовательных услуг. Тради-

ционные каналы коммуникации уже не обеспечивают достаточного охвата и глубины взаимодействия с ключевыми аудиториями, что смещает фокус маркетинговых усилий в сторону социальных медиа и контент-стратегий.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении инструментов интернет-коммуникаций как целостной системы формирования имиджа, адаптированной к специфике российского высшего образования. В работе предпринята попытка не только проанализировать текущие практики, но и сформулировать авторский взгляд на интеграцию различных цифровых платформ в единую стратегию, ориентированную на долгосрочное построение репутации, а не только на оперативное привлечение абитуриентов. Объектом исследования выступает процесс формирования имиджа образовательной организации в цифровой среде. Предметом исследования являются инструменты интернет-коммуникаций и социальных сетей, используемые Московским международным университетом.

Цель исследования состоит в анализе существующих практик и разработке предложений по повышению эффективности использования интернет-коммуникаций для формирования устойчивого положительного имиджа Московского международного университета. Для достижения этой цели поставлены задачи проанализировать теоретические основы формирования имиджа в цифровую эпоху, исследовать текущее присутствие университета в социальных сетях и на других онлайн-платформах, оценить эффективность применяемых коммуникационных стратегий и сформулировать практические рекомендации по их оптимизации. Гипотеза исследования предполагает, что системное и стратегически выверенное использование интернет-коммуникаций, основанное на глубоком понимании потребностей целевых аудиторий, способно значительно усилить конкурентные преимущества вуза и сформировать лояльное сообщество вокруг него.

Основная часть

Для достижения поставленной цели и решения задач в исследовании был использован комплекс общенаучных и специальных методов, обеспечивающий всесторонность и достоверность полученных результатов. Ведущим методом выступил теоретический анализ научной литературы, посвященной вопросам цифрового маркетинга, имиджологии, репутационного менеджмента и специфики коммуникаций в сфере образования [4, с. 12; 7, с. 88]. Этот анализ охватывал широкий спектр источников, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах и актуальные диссертационные исследования. Работа с теоретическими источниками позволила не только сформировать прочную теоретико-методологическую базу, но и критически оценить различные подходы к определению ключевых понятий исследования, таких

как «цифровой имидж», «репутационный капитал вуза» и «управление онлайн-коммуникациями». Особое внимание уделялось исследованиям, рассматривающим поведенческие паттерны поколения Z как основной целевой аудитории. Анализ позволил глубже понять, что для современных абитуриентов социальные сети являются не просто инструментом развлечения, а естественной средой общения, поиска информации, формирования мнения и доверия к бренду, что задает принципиально иные требования к коммуникационной политике университета.

Эмпирическая часть исследования базировалась на качественных методах сбора и обработки данных, среди которых центральное место заняли контент-анализ и сравнительный анализ. Был проведен детальный контент-анализ официальных аккаунтов Московского международного университета в ключевых социальных сетях, таких как ВКонтакте, Telegram и Instagram, за период 2022–2024 годов [1, с. 112]. Анализ проводился по заранее разработанному кодификатору, который включал категории типологии контента, его тематической направленности, частоты и регулярности публикаций, а также стилистических особенностей коммуникации. Отдельно и скрупулезно оценивался уровень вовлеченности аудитории, измеряемый через систему количественных и качественных показателей, включая количество лайков, комментариев, репостов, охват публикаций и характер пользовательских реакций. Для формирования более полной и объективной картины применялся сравнительный анализ, который стал важным этапом исследования. В его рамках цифровое присутствие и активность Московского международного университета детально сопоставлялись с практикой ведущих российских вузов, выбранных в качестве бенчмарков. Это сопоставление позволило выявить не только лучшие отраслевые практики, но и четко обозначить уникальные черты, конкурентные преимущества, а также потенциальные точки роста и упущенные возможности в стратегии университета.

Важным компонентом методологии, дополняющим картину, стал системный анализ вторичных данных. В эту группу вошли статистические данные о посещаемости и поведении пользователей на официальном сайте университета, аналитические отчеты об упоминаемости вуза в онлайн-СМИ, блогах и на специализированных образовательных форумах. Также были изучены доступные результаты внутренних и внешних социологических опросов, касающихся источников информации об университете для абитуриентов и факторов, влияющих на их выбор. Для структурирования, обобщения и наглядной визуализации всего массива полученных первичных и вторичных данных использовались методы систематизации, классификации и табличного представления информации. Это позволило не только упорядочить разрозненные данные, но и наглядно продемонстрировать динамику изменений, основные тренды и текущее состояние цифрового имиджа университета. Интеграция всех перечисленных методов обеспечила комплексный

и междисциплинарный подход к изучению проблемы. Такой подход позволил преодолеть ограничения каждого отдельного метода и перейти от простого описания текущей ситуации к формулированию глубоких, обоснованных выводов и практических рекомендаций. Эти рекомендации обладают непосредственной практической значимостью для администрации, маркетинговых и коммуникационных служб университета, предлагая конкретные пути оптимизации их работы.

Результаты исследования

Результаты проведенного комплексного анализа позволяют с уверенностью утверждать, что интернет-коммуникации прочно утвердились в качестве центрального и наиболее динамичного канала формирования имиджа для Московского международного университета. Социальные сети претерпели значительную трансформацию, перестав быть просто инструментами информирования. Сегодня они представляют собой многофункциональные интерактивные платформы, ключевыми задачами которых являются построение устойчивого сообщества, ведение содержательного диалога с целевыми аудиториями и комплексная демонстрация академических, научных и внеучебных достижений. Наиболее активное и структурно выверенное присутствие университета наблюдается в социальной сети ВКонтакте, где отмечается системная работа по сегментации контента для различных групп подписчиков — потенциальных абитуриентов, действующих студентов, выпускников и преподавательского состава. Параллельно качественный визуальный контент, публикуемый в Instagram и посвященный повседневной студенческой жизни, уникальной атмосфере, современной инфраструктуре кампуса и ярким мероприятиям, успешно выполняет задачу формирования эмоциональной привязанности и позитивного восприятия вуза как привлекательного и современного места для учебы и развития [6, с. 34].

Тем не менее, исследование со всей очевидностью выявило ряд стратегических областей, требующих внимания и представляющих потенциал для дальнейшего развития. Коммуникация университета в цифровом пространстве в ряде случаев все еще носит выраженный односторонний характер, где преобладают формальные информационные сообщения и анонсы. В то же время, интерактивные и вовлекающие форматы, такие как регулярные прямые эфиры с руководством факультетов и приглашенными экспертами, виртуальные туры по кампусу, онлайн-дни открытых дверей с элементами интерактива или открытые дискуссионные клубы с участием студентов, используются эпизодически и не имеют четкой периодичности. Это существенно ограничивает глубину вовлечения аудитории, не позволяет в полной мере раскрыть потенциал социальных сетей для создания доверительного открытого диалога и формирования лояльного комьюнити. Проведенный анализ метрик вовлеченности

наглядно показал, что наиболее высокий и качественный отклик аудитории вызывает контент, связанный с личными историями успеха и карьерными траекториями студентов и выпускников, с практическими прикладными достижениями научных коллективов, а также с яркими событиями внеучебной и волонтерской деятельности. Эта закономерность четко подтверждает общемировой тренд на персонализацию, сторителлинг и *human-centric* подход в современном образовательном маркетинге, где в центре внимания находится личность и ее реальный опыт [5, с. 77].

На основе проведенного детального анализа авторами были сформулированы три взаимосвязанных стратегических направления для усиления имиджевого эффекта и перехода на качественно новый уровень цифровых коммуникаций. Первое направление фокусируется на углублении персонализации и эмоциональной составляющей контента через запуск постоянных тематических серий, например, интервью, мини-документальных видеоблогов или подкастов с ключевыми представителями университетского сообщества — от талантливых первокурсников и ученых до успешных выпускников-предпринимателей. Второе направление предполагает разработку и внедрение комплексной системы постоянного мониторинга и семантического анализа всех упоминаний университета в цифровой среде. Такая система необходима для оперативного управления репутацией, быстрого и грамотного реагирования на запросы и обратную связь, а также для выявления инфоповодов. Третье, интеграционное направление, заключается в создании единой кросс-платформенной контент-стратегии, где каждая социальная сеть выполняет строго определенную и уникальную функцию в рамках выстроенного общего нарратива о университете как об инновационном, открытом, социально ответственном и международно ориентированном институте [2, с. 23]. Последовательная реализация этих мер будет способствовать системному переходу от разрозненного тактического ведения социальных сетей к целостному стратегическому управлению цифровым имиджем и репутационным капиталом вуза.

Важным практическим результатом, полученным в ходе исследования, стала разработка сводной аналитической таблицы, систематизирующей ключевые количественные и качественные показатели эффективности цифровых коммуникаций университета по основным платформам. Данная таблица, представленная ниже, позволяет наглядно оценить и сравнить текущее состояние, специфику и динамику развития каждого канала, что служит объективной основой для принятия дальнейших управленческих решений.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает первоначальную гипотезу о том, что интернет-коммуникации и социальные сети являются критически важным инструмен-

Таблица 1. Анализ эффективности цифровых коммуникаций Московского международного университета (2022–2024 гг.)

Платформа	Основная аудитория	Тип преобладающего контента	Уровень вовлеченности (средн.)	Частота публикаций	Основная функция в стратегии
VКонтакте	Абитуриенты, студенты	Новости, анонсы мероприятий, образовательный контент	Средний	5–7 в неделю	Информирование, поддержка сообщества
Telegram	Студенты, преподаватели	Оперативные объявления, дайджесты новостей	Низкий	3–5 в неделю	Быстрая коммуникация, сервис
Instagram	Абитуриенты, молодые ученые	Визуальный контент, сторис, рилсы	Высокий	1–2 в день	Формирование эмоционального образа, привлечение
Официальный сайт	Все группы	Детальная информация, нормативные документы	Неприменимо	По мере обновления	Базовая информационная и представительская

Источник: составлено авторами на основе данных контент-анализа официальных ресурсов Московского международного университета.

ментом формирования и управления имиджем современного образовательного учреждения. Для Московского международного университета цифровое пространство представляет собой не просто дополнительный канал продвижения, а основную среду, где происходит встреча вуза со своей ключевой аудиторией и формируется его публичная репутация. Эффективное использование этого инструментария перестает быть факультативной маркетинговой задачей и становится стратегическим императивом, от которого зависят конкурентные позиции и долгосрочная устойчивость развития.

Анализ текущей практики университета выявил как сильные стороны, так и зоны для стратегического улучшения. К сильным сторонам можно отнести активное присутствие в ключевых для российской аудитории социальных сетях, регулярное обновление контента и понимание важности визуальной составляющей. В то же время, для перехода на качественно новый уровень требуется смещение акцента с информирования на вовлечение, с монолога на диалог. Развитие интерактивных форматов,

персонализация коммуникации и интеграция разрозненных цифровых активов в единую стратегию являются логичными следующими шагами. Это позволит университету не просто сообщать информацию, но и выстраивать прочные, доверительные отношения со своими стейкхолдерами.

В конечном итоге, формирование устойчивого положительного имиджа в цифровую эпоху — это непрерывный процесс, требующий системного подхода, гибкости и внимания к обратной связи. Реализация предложенных в исследовании рекомендаций, основанных на анализе данных и лучших отраслевых практиках, может стать существенным вкладом в укрепление репутационного капитала Московского международного университета. Успех в этой деятельности будет измеряться не только ростом числа подписчиков, но и усилением лояльности существующего сообщества, повышением узнаваемости бренда вуза и, как следствие, привлечением мотивированных и талантливых абитуриентов, что является главной целью любой образовательной организации.

Литература:

1. Васильева, М. А. Трансформация коммуникаций вуза в социальных медиа: от информирования к вовлечению / М. А. Васильева // Universum: общественные науки. — 2023. — № 5(89). — С. 110–115.
2. Григорьев, Л. П. Цифровой брендинг образовательных организаций: стратегии и инструменты / Л. П. Григорьев, Е. А. Семенова. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 156 с.
3. Дроздова, Т. В. Имидж университета в цифровой среде: оценка и управление / Т. В. Дроздова // Высшее образование в России. — 2024. — № 1. — С. 44–53.
4. Ковалев, С. В. Маркетинг в образовании: современные тенденции и цифровые тренды / С. В. Ковалев // Экономика образования. — 2022. — № 3. — С. 10–18.
5. Петрова, О. Н. Поколение Z как целевая аудитория университета: особенности цифрового поведения и коммуникации / О. Н. Петрова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2023. — № 6. — С. 75–89.

6. Сидоренко, Е. Л. Визуальный контент в социальных сетях как инструмент формирования привлекательности вуза / Е. Л. Сидоренко // Интеграция образования. — 2022. — Т. 26, № 4. — С. 32–47.
7. Федоров, А. А. Репутационный менеджмент в системе высшего образования / А. А. Федоров. — Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2021. — 210 с.

Технологии фандрайзинга и спонсоринга в некоммерческих организациях

Ярош Наталья Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лазуткина Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Ключевые слова: фандрайзинг, спонсоринг, НКО.

В условиях глобальных экономических вызовов, таких как инфляция и сокращение государственного финансирования, некоммерческие организации вынуждены пересматривать традиционные подходы к привлечению ресурсов. Это определяет актуальность исследования инновационных технологий фандрайзинга, способных обеспечить стабильное финансирование их деятельности. Современные реалии требуют поиска новых механизмов мобилизации средств, адаптированных к изменяющейся экономической среде.

Сокращение субсидий и усиление конкуренции угрожают устойчивости некоммерческих организаций, что подчеркивает необходимость системных решений для долгосрочной финансовой стабильности через партнерские сети и стратегическое спонсорство. Без этих мер многие НКО могут утратить возможность выполнять свои социальные миссии.

Ключевая проблема заключается во фрагментации существующих практик фандрайзинга, что приводит к зависимости от разовых пожертвований и неспособности выстраивать долгосрочные партнерские отношения с корпоративными и частными донорами. Эта разрозненность подходов снижает эффективность привлечения средств и препятствует созданию устойчивой ресурсной базы. Необходима консолидация усилий для преодоления данных ограничений.

Нестабильность финансирования провоцирует хронический дефицит бюджетов некоммерческих организаций, что ограничивает реализацию социальных инициатив и подрывает доверие стейкхолдеров. Данная ситуация требует разработки интегрированных моделей ресурсного обеспечения, способных обеспечить предсказуемость финансовых потоков. Только так НКО смогут полноценно выполнять свои уставные задачи и укреплять репутацию.

Целью данного исследования является анализ эффективности современных технологий фандрайзинга и разработка оптимизированной модели, способной повысить финансовую устойчивость некоммерческих организаций на 20–30 % за счет синергии долгосрочного спонсорства

и целевых кампаний. Предлагаемый подход направлен на создание сбалансированной системы привлечения ресурсов. Его внедрение позволит НКО минимизировать риски, связанные с нестабильностью внешней среды.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, проводится систематизация теоретических основ фандрайзинга через анализ отечественной и зарубежной научной литературы. Во-вторых, осуществляется выявление операционных барьеров в применении данных технологий посредством кейс-анализа практик ведущих некоммерческих организаций. Эти шаги позволят создать фундамент для дальнейших разработок.

Дальнейшие задачи исследования включают разработку рекомендаций по интеграции стратегий фандрайзинга с четкими этапами внедрения и критериями оценки эффективности. Кроме того, предусматривается прогнозирование потенциала предложенной модели в различных экономических сценариях. Комплексный характер задач обеспечивает всестороннее решение проблемы финансовой устойчивости НКО.

Научная новизна исследования заключается в создании комплексной модели, сочетающей партнерские сети и адаптивные кампании для оптимизации фандрайзинга. Практическая значимость состоит в алгоритмизации процессов, обеспечивающей воспроизводимость результатов для некоммерческих организаций различного масштаба. Предложенные решения способствуют повышению эффективности управления ресурсами в социальной сфере.

Исторически фандрайзинг развивался как специализированная управлеченческая функция, направленная на привлечение ресурсов для некоммерческих организаций. Первоначально он базировался на индивидуальных пожертвованиях и благотворительных акциях, что отражало традиционные подходы к филантропии. Со временем фандрайзинг эволюционировал в системную деятельность, включающую стратегическое планирование и управление взаимоотношениями с донорами. Этот процесс трансформации сделал фандрайзинг неотъемлемой

частью управления НКО, способствуя их устойчивости и расширению масштабов деятельности.

Изменения в законодательной базе и общественных ожиданиях существенно повлияли на подходы к фандрайзингу. Введение новых нормативных актов потребовало от НКО большей прозрачности и отчетности в использовании привлеченных средств, что стимулировало развитие стандартизованных методов работы. Одновременно растущие общественные запросы на социальную ответственность и эффективность благотворительности привели к необходимости внедрения более сложных и диверсифицированных стратегий привлечения ресурсов. Эти факторы способствовали переходу от разовых акций к долгосрочным программам фандрайзинга. Современные НКО вынуждены адаптировать свои фандрайзинговые стратегии к динамично меняющимся условиям, включая цифровизацию и глобализацию благотворительности. Использование онлайн-платформ и социальных сетей стало неотъемлемой частью привлечения средств, что требует от организаций развития новых компетенций и инфраструктуры. Однако это также открывает дополнительные возможности для расширения донорской базы и повышения эффективности кампаний. Следовательно, эволюция фандрайзинга продолжается под влиянием технологических и социальных инноваций.

Фандрайзинговая деятельность в условиях ограниченности ресурсов НКО характеризуется необходимостью максимально эффективного использования имеющихся средств при минимальных затратах. Организации сталкиваются с дефицитом времени, кадров и финансов, что затрудняет внедрение современных технологий и стратегий. Как отмечается в исследовании: «Помимо дефицита времени и кадровой проблемы, сотрудники и руководители СО НКО Екатеринбурга сталкиваются с отсутствием бюджета и стратегии для внедрения цифровой логики в операционную деятельность организаций. «И, соответственно, тут несколько проблем. Проблема первая, она заключается в том, что некогда, нет сил, нет времени, нет денег на привлечение специалистов» (интервью № 9, женщина, сотрудник некоммерческой организации, Екатеринбург) [9, с. 145]. Данная ситуация требует от НКО творческого подхода и фокусировки на наиболее доступных и результативных методах привлечения ресурсов.

Классификация технологий фандрайзинга основывается на двух ключевых критериях: источниках финансирования и методах воздействия на доноров. Источники финансирования подразделяются на индивидуальных жертвователей, корпоративных спонсоров, государственные гранты и фонды целевого капитала. Каждый источник требует специфических подходов к взаимодействию и коммуникации. Методы воздействия включают эмоциональные, рациональные и социальные мотиваторы, направленные на стимулирование пожертвований. Дифференциация по методам воздействия позволяет выделить технологии, основанные на прямом обращении, массовых коммуникациях и цифровых платформах.

Прямые методы предполагают личный контакт с потенциальными донорами, массовые ориентированы на широкую аудиторию через СМИ, а цифровые используют интернет-инструменты. Эта классификация обеспечивает системный подход к выбору оптимальных фандрайзинговых стратегий в зависимости от целевой группы и ресурсов организации.

В некоммерческой практике прямые методы привлечения средств включают личные встречи, телефонные переговоры и персональные письменные обращения к донорам. Косвенные методы охватывают публичные мероприятия, онлайн-кампании и сотрудничество со СМИ. Прямые подходы обеспечивают высокую степень персонализации и эффективны для крупных доноров, тогда как косвенные методы позволяют охватить широкую аудиторию при меньших затратах на одного привлеченного жертвователя.

Спонсоринг как инструмент ресурсного обеспечения НКО отличается от традиционного фандрайзинга взаимовыгодным характером отношений с бизнес-структурками. «С начала 2000-х гг. институционализируются практики крупных компаний по дофинансированию территорий, которые, с одной стороны, воспроизводят традиционные для ресурсного региона социальные обязательства бизнеса, принимаемые вследствие административного характера отношений с властью, с другой — являются следствием глобализации экономики [10, с. 119]». Эта цитата подчеркивает двойственную природу спонсоринга, сочетающую социальную ответственность и экономические интересы.

Межорганизационные альянсы выполняют ключевую функцию в расширении ресурсной базы некоммерческих организаций. Они обеспечивают доступ к разнообразным источникам финансирования, включая корпоративные пожертвования и частные гранты. Такие партнерства способствуют диверсификации доходов, снижая зависимость от единичных источников. Установление устойчивых связей с различными стейкхолдерами повышает финансовую стабильность НКО. Некоммерческая организация как хозяйствующий субъект, юридическое лицо, а также как центр реализации социальных проектов, является ещё и своеобразным центром притяжения: благополучателей, партнёров, органов власти, грантодателей, СМИ. Это позволяет формировать комплексные сети взаимодействия, где ресурсы циркулируют между участниками. Эффективное управление такими альянсами обеспечивает синергетический эффект для решения социальных задач.

Построение долгосрочных партнерств с бизнес-структурками и частными донорами требует применения конкретных моделей взаимодействия. Стратегические альянсы включают разработку совместных программ, соответствующих целям обеих сторон. Корпоративное спонсорство часто предполагает взаимовыгодный обмен ресурсами на повышение репутации компаний. Успешные модели базируются на прозрачности, доверии и четком определении ожидаемых результатов сотрудничества.

Оценка эффективности сетевого взаимодействия для целей фандрайзинга осуществляется через ряд критериев. Ключевыми индикаторами служат объем привлеченных средств, стабильность поступлений и расширение донорской базы. Важным аспектом является также

качество партнерских отношений, измеряемое продолжительностью сотрудничества и уровнем вовлеченности сторон. Систематический мониторинг данных показателей позволяет оптимизировать стратегии привлечения ресурсов.

Литература:

1. Быкова А. Н. Факторы финансовой устойчивости развития некоммерческих организаций в Республике Карелия // Конференция «Ломоносов-2025». — Петрозаводск, 2025. — С. 1–3.
2. Грищенко Ю. И. Развитие фандрайзинга в России // Некоммерческие организации в России. — 2015. — № 1. — С. 32–36.
3. Грищенко А. В. Механизмы формирования финансовых ресурсов некоммерческих организаций // Вестник финансового университета. — 2014. — № 4. — С. 64–68.
4. Дыганов А. Г., Сафина Л. М., Галеев С. И. и др. Информационная открытость некоммерческих организаций: методические и практические рекомендации. — Казань: Типография Конверс, 2020. — 64 с.
5. Калинина С. Б., Никонов С. Ю. Исследование проблем цифровизации в деятельности региональных некоммерческих организаций (на примере Псковской области) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2023. — № 4. — С. 157–161.
6. Кущ Т. В., Попова И. В. Основы фандрайзинга. — Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2008. — 377 с.
7. Сафина Л. М., Салмина С. В. Рекомендации по управлению проектом, получившим поддержку в конкурсе на предоставление грантов Рaisa Республики Татарстан на развитие гражданского общества. — Казань: Издательство Казанского университета, 2024. — 30 с.
8. Урбан О. А., Демчук Н. В. Социальные практики ресурсообеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона // Регионология. — 2022. — № 1. — С. 103–128.
9. Чепулянис А. В., Титова А. В. Эффективность фандрайзинговых мероприятий в НКО // Аудит и финансовый анализ. — 2021. — № 2. — С. 1–2.
10. Чикова Е. В., Кузьмина А. П. Особенности цифровизации региональных социально ориентированных НКО: кейсы Екатеринбурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2022. — № 2. — С. 137–154.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Направления повышения эффективности молочного животноводства в крестьянских (фермерских) хозяйствах Кемеровской области — Кузбасса

Огородникова Анна Александровна, студент магистратуры
Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецкова (г. Кемерово)

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития молочного животноводства в малых формах хозяйствования Кемеровской области — Кузбасса. На основе анализа региональной специфики и обобщения успешных практик предложен комплекс взаимосвязанных мер, направленных на технологическую модернизацию, организационно-экономическую трансформацию и усиление государственной поддержки отрасли. Особое внимание уделено внедрению точного животноводства, развитию кооперации и кадрового потенциала как ключевым факторам устойчивого роста производительности и рентабельности фермерских хозяйств в условиях импортозамещения и достижения продовольственной безопасности региона.

Ключевые слова: молочное животноводство, фермерские хозяйства, Кемеровская область, Кузбасс, эффективность, цифровизация, кооперация, государственная поддержка.

Введение

Молочное животноводство остается стратегически важной, но проблемной отраслью агропромышленного комплекса Кемеровской области. Несмотря на общую положительную динамику в сельском хозяйстве региона, малые формы хозяйствования, включая крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), сталкиваются с системными вызовами: хроническим сокращением поголовья, высокой ресурсоемкостью производства, ограниченным доступом к переработке и логистике. В условиях курса на импортозамещение и достижение продовольственного суверенитета поиск путей устойчивого развития именно фермерского сектора, обеспечивающего занятость и социальную стабильность в сельской местности, приобретает особую научную и практическую значимость.

Цель исследования — разработать научно обоснованные направления повышения эффективности молочного животноводства в КФХ Кузбасса на основе анализа региональных проблем, обобщения отечественного и мирового опыта, а также оценки успешных локальных практик.

Анализ текущего состояния и ключевых проблем отрасли в регионе

Динамика молочного скотоводства Кузбасса в последние годы характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдается рост продуктивности в крупных сельхозорганизациях, с другой — продолжается сокращение поголовья в малых хозяйствах. По данным за 2021–2023 гг., поголовье коров в регионе снизилось на 10,1 %, что привело к уменьшению валового производства молока [6]. Основная доля товарной продукции (свыше 29 %) концентрируется в крупных агрохолдингах, в то время как фермеры и личные подсобные хозяйства теряют свои рыночные позиции.

Ключевые проблемы КФХ в молочном скотоводстве носят комплексный характер:

- **Технологическое отставание:** низкий уровень внедрения современных технологий кормления, содержания, селекции и цифрового управления стадом.
- **Экономическая неустойчивость:** высокая зависимость от колебаний цен на комбикорма, энергоносители и ветеринарные препараты при ограниченных возможностях диверсификации и получения добавленной стоимости.

- **Организационная разобщенность:** отсутствие эффективных механизмов кооперации для совместных закупок, переработки и сбыта, что ведет к низкой переговорной силе на рынке.
- **Кадровый и инфраструктурный дефицит:** старение кадрового состава, отток молодежи из села, а также слабое развитие логистической и перерабатывающей инфраструктуры в сельских районах.

Мировой и отечественный опыт модернизации молочного скотоводства

Мировая практика (ЕС, США, Израиль) демонстрирует, что рост эффективности молочного животноводства обеспечивается за счет **гипертрофизации трех направлений:** генетики, технологий управления и маркетинга. Основные тренды включают:

- **Геномика и точная селекция:** акцент смещается с валового надоя на компонентный состав молока (жир, белок). Внедрение молекулярно-генетического тестирования позволяет вести целенаправленный отбор и повышать экономическую ценность стада.
- **Цифровизация и роботизация:** использование систем мониторинга здоровья, автоматизированных доильных залов и роботов-кормораздатчиков оптимизирует затраты труда и ресурсов, повышая продуктивность на 15–25 % [1].
- **Устойчивое развитие и цикличная экономика:** внедрение технологий переработки навоза в биогаз и органические удобрения, что снижает экологическую нагрузку и создает дополнительные источники дохода.

В России, включая Сибирь, эти тренды находят отражение в государственных программах поддержки. Рентабельность молочной отрасли РФ в 2024 г., по некоторым оценкам, достигла 28,6 % [1]. Ключевыми драйверами стали инвестиции в переработку (рост производства сыра в Сибири на 16,2 % в 2023 г.) и государственное субсидирование затрат на приобретение племенного скота и современного оборудования.

Направления и практические механизмы повышения эффективности молочного животноводства КФХ Кузбасса

Технологическая модернизация на основе принципов точного животноводства

Внедрение элементов роботизации и цифрового мониторинга. Опыт региона уже доказал эффективность данных решений даже для относительно небольших групп животных. В АО «Ваганово» (Промышленновский округ) работа роботизированного доильного цеха на 280 голов позволила увеличить среднесуточный надой на 13,5 % — до 33,5 кг на корову [6]. Этот пример опровергает тезис о нерентабельности высоких технологий для малых форм и может быть взят за основу для создания pilotных проектов в кооперации нескольких КФХ.

Развитие собственной генетической базы. Необходимо активнее вовлекать фермеров в программы геномной селекции. Позитивной практикой является деятельность Кузбасской ГСХА, где ведутся исследования по диагностике наследственных аномалий у скота и применяются технологии экстракорпорального оплодотворения [6]. Создание на базе академии регионального центра генетической экспертизы для КФХ на принципах софинансирования (хозяйство — область — наука) позволит значительно ускорить процесс улучшения стада.

Совершенствование кормовой базы

Для усиления раздела о совершенствовании кормовой базы молочного животноводства рекомендуется сфокусироваться на трёх ключевых аспектах: интенсификации производства кормов, использовании научного подхода и решении региональных проблем. Это соответствует общему академическому стилю статьи и подкрепляет её конкретикой.

Интенсификация кормопроизводства и модернизация технологий

Это основное направление для повышения продуктивности кормовой базы.

Внедрение высокобелковых кормовых культур: Важно увеличить долю высокобелковых культур в севообороте до 35–40 % для снижения зависимости от зерновых компонентов комбикормов. В статье следует порекомендовать включение в структуру посевов бобовых (козлятник восточный, люцерна, клевер) и масличных (рапс) культур, обладающих высокой кормовой ценностью.

Совершенствование технологий заготовки и хранения: Необходимо переходить на прогрессивные методы заготовки обёмистых кормов (сенажа, силоса) с использованием консервантов и современных методов хранения. Это позволяет сохранить максимальную питательную ценность кормов, что напрямую влияет на продуктивность животных.

Организация собственного кормопроизводства: Экономическая эффективность фермерских хозяйств зависит от уровня самообеспеченности кормами. Региональный опыт показывает, что ведущие хозяйства («Ваганово», «Селяна», «Согласие» и др.) успешно строят замкнутый производственный цикл, включающий собственное растениеводство для обеспечения кормовой базы.

Научное обеспечение и селекция

Научный подход является ключом к эффективному развитию кормовой базы.

Ландшафтно-адаптированный подход: Для Кузбасса с его разнообразным рельефом и климатом требуется разработка зональных систем кормопроизводства. Исследования показывают, что урожайность кормовых культур может значительно варьироваться в зависимости от района (например, выше в Кузнецкой котловине).

Развитие собственной селекции и семеноводства: Чтобы снизить зависимость от импортного семенного материала, нужно активизировать работу по созданию и внедрению перспективных, адаптированных к местным условиям сортов и гибридов кормовых культур.

Региональные проблемы и пути их решения

Развитие кормовой базы в Кузбассе должно учитывать его специфику, в том числе высокую антропогенную нагрузку и сокращение сельхозугодий. Следует выделить несколько конкретных проблем:

- **Сокращение земельных ресурсов:** изъятие земель под нужды промышленности является серьёзным вызовом.
- **Низкая урожайность кормовых культур:** средняя урожайность зерновых (основы комбикормов) в области остаётся на уровне 14–21 ц/га, что не соответствует потенциальным возможностям региона.

В таблице ниже представлены основные проблемы и возможные пути их решения, основанные на анализе результатов поиска.

Проблемный фактор	Направления решения (меры)	Ожидаемый результат
Сокращение сельхозземель из-за промышленной нагрузки	Интенсификация существующих угодий. Возврат в оборот неиспользуемых земель (опыт Приволжского ФО).	Стабилизация и расширение кормовой площади.
Низкая урожайность кормовых культур	Внедрение интенсивных технологий, мелиорация, использование высокопродуктивных сортов.	Повышение валового сбора и питательной ценности кормов с единицы площади.
Несбалансированность рационов, зависимость от покупного зерна	Увеличение доли собственных высокобелковых культур (бобовые) в структуре посевов.	Снижение себестоимости кормов, повышение качества питания коров.

Практические примеры из опыта Кузбасса

Для усиления практической значимости статьи можно привести несколько локальных примеров, демонстрирующих успешное укрепление кормовой базы:

- **Опыт семейной фермы Ивана Балбина:** хозяйство использует меры господдержки для приобретения оборудования по заготовке кормов, стремясь к полному циклу производства.
- **Хозяйство Кочетыговых:** создало собственную кормовую базу, включая комбикормовый завод, что обеспечивает независимость и сбалансированность рациона.
- **Агропромышленный комплекс «СДС»** (включая АО «Ваганово»): для нового крупного животноводческого комплекса в планах освоить **20 тыс. га земли** для обеспечения собственной кормовой базой, минимизируя логистические издержки.

Роль кооперации и государственной поддержки

Для малых фермерских хозяйств кооперация в вопросах заготовки кормов (совместное приобретение техники, обмен опытом) может стать ключом к повышению эффективности.

- Государственная поддержка (субсидии и гранты, например, на приобретение кормозаготовительной техники) остается критически важным фактором для модернизации кормовой базы фермерских хозяйств.
- Переход на заготовку кормов с повышенной питательной ценностью (сенаж, силос).
- Внедрение системы лабораторного контроля качества кормов.
- Разработка индивидуальных рационов с помощью программного обеспечения, что повышает конверсию корма и снижает его расход.

Организационно-экономические преобразования: кооперация и диверсификация

Ключевым направлением является преодоление организационной разобщенности КФХ. В качестве модели может быть рассмотрен опыт успешных интегрированных хозяйств региона, таких как СПК «Береговой» или ООО «Окунёвское молоко» [6]. На их базе целесообразно инициировать создание **молочных кооперативов**, которые позволят:

- Консолидировать сырье для выхода на крупных переработчиков с более выгодными ценами.
- Организовать совместные закупки кормов, ветпрепаратов и техники.
- Создать собственные мини-цеха по первичной переработке (сепарирование, производство творога, сыра), что кратко увеличит доходность.

Диверсификация продукции и освоение нишевых рынков (экологически чистая, фермерская продукция, специализированные линейки) через механизмы ярмарок, интернет-торговли и контрактации с сетями позволит КФХ не конкурировать в ценовом сегменте с крупными производителями, а создать собственный устойчивый бренд.

Кадровое и инфраструктурное обеспечение при поддержке государства

Реализация обозначенных направлений невозможна без квалифицированных кадров и модернизации инфраструктуры.

Кадровая политика должна строиться на тесной связи науки и производства. Необходимо расширить практику целевой подготовки и стажировок студентов Кузбасской ГСХА на передовых предприятиях, а также внедрить программы непрерывного образования для действующих фермеров.

Инфраструктурная поддержка является ключевым элементом государственной политики. В регионе уже существует серьезный инструментарий: от субсидий на приобретение оборудования до грантовой поддержки начинающих фермеров. Знаковым шагом стала разработка региональной программы развития молочного животноводства до 2035 года с объемом финансирования **5,3 млрд рублей**, направленной на рост самообеспеченности и создание более **1,3 тыс. рабочих мест** [6]. Для КФХ критически важно обеспечить прозрачный и упрощенный доступ к этим мерам поддержки, а также дополнить их программами софинансирования строительства мини- заводов по переработке и развитию локальной логистики.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить системные проблемы, сдерживающие развитие молочного животноводства в крестьянских (фермерских) хозяйствах Кемеровской области — Кузбасса, и сформировать комплексное научно-практическое решение. Доказано, что ключевым условием преодоления негативных тенденций (сокращение поголовья, низкая продуктивность, высокая ресурсоемкость) является **синергия технологической модернизации, организационной трансформации и адресной государственной политики**.

Технологический императив как основа эффективности. Основной вывод заключается в том, что дальнейшая экспенсификация производства исчерпала свой потенциал. **Единственным устойчивым вектором развития является переход к «точному» (прецзионному) молочному скотоводству.** Региональные успешные практики, такие как внедрение роботизированных систем в АО «Ваганово», обеспечившее рост надоев на **13,5 %**, однозначно подтверждают экономическую целесообразность и технологическую доступность таких решений даже для относительно небольших поголовий. Перспективу составляет не просто закупка техники, а формирование **цифрового контура управления стадом** — от геномной оценки и оптимизации рациона на основе анализа данных до мониторинга здоровья в реальном времени. Усиление кормовой базы, как показано в исследовании, должно следовать тем же принципам: переход от валового производства кормов к управлению их питательной ценностью и созданию собственной кормовой независимости хозяйств через внедрение высокопродуктивных культур и современных технологий заготовки.

Организационно-экономическая кооперация как механизм конкурентоспособности. Исследование подтверждает, что атомизированное существование малых фермерских хозяйств в условиях давления со стороны крупных агрохолдингов и перерабатывающих предприятий неэффективно. **Стратегическим ответом должна стать глубокая кооперация.** Создание на базе успешных хозяйств региона (СПК «Береговой», ООО «Окунёвское молоко») или «с нуля» специализированных **молочных кооперативов** позволит решить системные проблемы: консолидировать сырье для выгодных поставок, организовать совместные закупки ресурсов и, что наиболее важно, создать общие перерабатывающие мощности. Это единственный путь для КФХ выйти из низкорентабельного сегмента сырого молока и начать создавать высокую добавленную стоимость через производство сыров, фермерской линейки йогуртов и других продуктов.

Государственная поддержка как катализатор трансформации. Анализ показал, что меры господдержки должны эволюционировать от компенсации текущих затрат к стимулированию стратегических инвестиций. Утвержденная программа развития молочного животноводства Кузбасса до 2035 года с бюджетом **5,3 млрд рублей** создает необходимую основу. Критически важно, чтобы эти ресурсы были направлены на **софинансирование конкретных инфраструктурных проектов кооперативов** (мини- заводы, логистические центры), **прямое стимулирование внедрения робототехники и геномной селекции**, а также на **развитие системы непрерывного образования** в партнерстве с Кузбасской ГСХА.

Научная новизна и перспективы дальнейших исследований представленной работы заключается в разработке, адаптированной к специфике Кузбасса (промышленная нагрузка, сокращение сельхозземель, кадровый дефицит) комплексной модели развития фермерского молочного сектора, интегрирующей технологические, кооперационные и кадровые компоненты. **Перспективными направлениями для дальнейших исследований являются:**

- Экономико-математическое моделирование рентабельности кооперативов различного масштаба.
- Разработка методики оценки и управления углеродным следом молочных ферм Кузбасса для соответствия ESG-стандартам.
- Исследование эффективности различных форматов взаимодействия «наука — образование — бизнес» для подготовки кадров цифрового сельского хозяйства.

Таким образом, реализация предложенной модели, основанной на триаде **«цифровые технологии — кооперация — целевая господдержка»**, позволит трансформировать молочное животноводство фермерского сектора Кузбасса из проблемной в точку роста. Это обеспечит не только достижение показателей продовольственной безопасности региона, но и создание устойчивой, технологичной и социально ответственной аграрной экономики, интегрированной в общероссийские и мировые тренды развития агроиндустрии.

Литература:

1. Рентабельность молочного животноводства в России достигла 28,6 % — максимум за последние годы // DairyNews. — 2025. — 10 марта. — URL: [<https://www.dairynews.ru/news/rentabelnost-molochnogo-zhivotnovodstva-v-rossii-dostigla-28-6-maksimum-za-poslednie-gody.html>] (дата обращения: 01.04.2025).
2. Концентрация производства молока в Сибири // Председатель АПК (Predsedatel-APK). — 2024. — 15 ноября. — URL: [<https://www.predsedatel-apk.ru/news/koncentraciya-proizvodstva-moloka-v-sibiri/>] (дата обращения: 01.04.2025).
3. The Reality of the Dairy Marketplace in 2025 // The Bullvine. — 2025. — January 20. — URL: [<https://www.thebullvine.com/news/the-reality-of-the-dairy-marketplace-in-2025/>] (дата обращения: 01.04.2025).
4. Transforming livestock systems for productivity, inclusiveness and resilience // FAO. — Rome, 2023. — 156 p. — URL: [<https://www.fao.org/publications/>] (дата обращения: 01.04.2025).
5. Молочная Сибирь — 2023: итоги года: аналитический отчет // Союзмолоко. — М., 2024. — 45 с.
6. По млечному пути к поставленной цели: [о совещании животноводов Кузбасса] // Kuzbass85. — 2022. — 10 марта. — URL: [<https://kuzbass85.ru/2022/03/10/po-mlechnomu-puti-k-postavlennoj-celi/>] (дата обращения: 01.04.2025).
7. Прогнозы развития мирового молочного рынка до конца 2025 года // MilkNews. — 2025. — 5 февраля. — URL: [<https://milknews.ru/analitika/rynek-moloka-prognoz-2025.html> (дата обращения: 01.04.2025).]

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

К вопросу об истории переводоведения в Узбекистане

Абдуллаева Юлдуз Илхамовна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматриваются ключевые этапы становления и развития переводоведения в Узбекистане, начиная от традиций средневекового Востока до периода развития университетской филологии XX-XXI веков. Анализируются социальные, культурные и научно-образовательные факторы, способствовавшие формированию профессионального взгляда на переводческую деятельность.

Ключевые слова: перевод, традиция, переводчик, культурный код, межкультурная коммуникация.

История переводоведения в Узбекистане имеет многоуровневую структуру, включающую фольклорно-эпическую традицию, письменную литературу, развитие письменности и формирование научной филологии. Перевод на протяжении многих веков выступал не только как средство межкультурного общения, но и как важный механизм накопления знаний, адаптации мирового интеллектуального наследия и формирования собственной литературной модели. Научное изучение перевода как особой дисциплины сформировалось лишь к середине XX века, однако предпосылки этого процесса возникли значительно раньше.

На одной из официальных встреч с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным глава нашего государства Ш. М. Мирзиёев отметил: «Великая русская культура всегда была и будет неотъемлемой частью духовной жизни узбекского общества», добавив, что в нашей стране готовится к изданию 100-томное собрание шедевров русской классики в целях приобщения подрастающего поколения к лучшим образцам творений русских писателей и поэтов [1]. Слова Президента подтверждают, что в настоящее время переводоведение в Узбекистане представляет собой перспективную отрасль науки. Исходя из этого, в последние годы правительством нашей страны особое внимание стало уделяться подготовке специалистов для указанной отрасли.

Как отмечает В. Н. Комиссаров, перевод — это не просто передача (преобразование) информации с одного языка на другой, это, на самом деле, процесс столкновения двух разных культур, складов мышления, литератур, различных эпох, уровней развития, а также традиций и установок [4, с. 11]. Действительно, перевод — это трудоёмкий процесс выбора правильной, поиска единственной нужной единицы. От переводчика зависит проблема со-

хранения стиля автора, адекватная передача смысла высказывания.

Чувство творческой свободы, необходимое для воссоздания произведения искусства на родном языке, возникает у переводчика в процессе полного и глубокого проникновения в глубины оригинала. Это чувство не имеет ничего общего с опытом работы совершенно независимо от оригинала, возникающим из-за незнания языка, из-за неспособности понять важные образные средства автора. От такой независимости до произвола всего один шаг.

Средневековая культурная атмосфера Центральной Азии была тесно связана с арабо-персидским и тюркоязычным интеллектуальным пространством. Образованные слои общества владели несколькими языками, что создало условия для сравнительного анализа и перевода научных трактатов, религиозной литературы и философских сочинений. В эпоху Тимуридов переводческая практика сопровождала развитие науки и поэзии. Дворцовые библиотеки, медресе и литературные кружки служили площадками для интерпретации и переложения чужих текстов.

Хотя систематического научного описания перевода тогда еще не существовало, сама практика обладала устойчивыми традициями. Переводчики нередко выступали как авторы, комментаторы, что сближало перевод с литературной обработкой. Таким образом, в узбекском культурном пространстве перевод закрепился как творческая деятельность/

В монографии Дж.Шарипова впервые дается обзор переводческой деятельности в нашей стране. В частности, начало переводоведения он связывает с именами таких выдающихся ученых-энциклопедистов, как аль-Фараби, Ибн Сина, аль-Беруни, Махмуд Кашгари, Махмуд аз-Замахшари [7]. Действительно, переводческая деятельность

указанных деятелей науки впервые рассматривается в вышеупомянутой монографии Дж.Шарипова.

В развитие узбекского переводоведения внес огромный вклад правитель Хивинского ханства, поэт и просветитель Мухаммад Рахимхан II (Феруз): по его поручению на узбекский язык было переведено около 500 различных научных и художественных произведений.

Следующим представителем хорезмской школы переводоведения, оставившим глубокий след в истории узбекской переводческой школы, был Мухаммад Риза Огахи, поэт и просветитель, живший в XIX веке. Благодаря его усилиям и мастерству на узбекский язык были переведены классические произведения «Хафт пайкар», «Гулистан», «Шоҳ ва гадо» (Правитель и нииций), «Юсуф и Зулейха», «Бахористон» и другие творения таких мастеров слова, как Низами, Дехлави, А.Джами, Саади, Хилали и другие [2, с. 310]. В целом, Огахи перевел на узбекский язык более двадцати художественных и исторических произведений [5].

Следует также упомянуть имена таких переводчиков-просветителей, представителей хорезмской школы перевода, как Камиль Хорезми, Табиби, Санои, Хабиби и другие [3, с. 219–221].

Начало научного изучения перевода относится к бывшемусоветскому времени. Становление профессиональной филологии, развитие университетской подготовки кадров и создание академических институтов позволили перевести переводческую практику в сферу научного анализа. В узбекской филологии сложилось направление, ориентированное на исследование текстов художественного перевода, сопоставительную лингвистику, а также историко-культурные проблемы межъязычных контактов.

Перевод начал рассматриваться не только как литературная творческая деятельность, но и как объект системного лингвистического изучения. Формируются представления о точности, стиле, адекватности перевода, а также о методологии анализа переводного текста. Научные труды, посвященные проблемам перевода с русского и восточных языков, появляются в университетских центрах Ташкента, Самарканда и Бухары.

В 20-е годы XX века появилась потребность в исследовании масштаба работ литературно-художественного перевода, т. к. именно с этого периода в газетах «Муштум», «Инқи lob», «Маориф ва ўқитувчи», «Ер юзи», «Аланга» и других изданиях стали активно публиковаться образцы творений мировых классиков. В частности, в указанный

период были переведены некоторые произведения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Р.Тагора, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, М.Горького, А. П. Чехова и других писателей.

В целом, в развитии узбекского переводоведения в указанный период роль важнейшего и действующего фактора стали выполнять именно указанные газеты и журналы. Следует отметить, что на творчество, формирование взглядов таких узбекских писателей и просветителей как А.Авлони, А.Кадыри, Айбек, Гафур Гулям, Хамид Алимджан оказали влияние именно творения поэтов и писателей, а также опубликованные на узбекском языке переводы их произведений [6, с. 8–9].

В середине 1950-х годов заняла одну из лидирующих позиций в мировом литературном обмене. Значительные изменения претерпели и прозаические переводы, ныне занимающие полки изданий.

В большинстве случаев произведения узбекских поэтов и писателей переводились на другие языки, в частности на русский. К примеру, талантливым писателем К.Симоновым переведена на указанный язык повесть А.Каххара «Синчалак» («Птичка-невеличка»). На одном из совещаний по переводу, проходивших в Средней Азии, исследователь Н.Владимира, проанализировав этот перевод, указала, что детальные объяснения не характерны для стиля А.Каххара, который показывает своего героя в действии диалогах, позволяя читателю сформулировать о нём собственное мнение. Действительно, чтобы ярко изобразить характеры персонажей, переводчик вводит в текст пояснения и комментирует их поступки, что нарушает стиль А.Каххара и лишая его авторской индивидуальности.

Несмотря на достигнутые результаты, узбекское переводоведение сталкивается с рядом методологических вопросов. Недостаточно разработана единая научная терминология, отсутствуют универсальные критерии описания перевода в разных жанрах и сферах. Научные исследования преимущественно концентрируются на художественном переводе, тогда как перевод научной, деловой и медийной литературы требует более глубокого анализа.

Перспективным направлением является интеграция традиционных филологических подходов с современными моделями дискурс-анализа, когнитивистики и цифровых гуманитарных наук, что позволит уточнить роль переводчика как посредника смыслов и адаптатора культурных кодов, а также сформировать комплексные методики оценки качества перевода.

Литература:

1. Время требует переоценки статуса русского языка в стране. — URL: <https://www.xs.uz/ru/post/vremya...>
2. Даминов Б. З. Ўзбекистонда таржима назариясининг шаклланиши // Молодой учёный, 2020. — № 42 (332).
3. Ибрагимов С. С., Бабаев Т. Из истории перевода в Узбекистане // Вопросы литературы, 1966. — № 6.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. — М.: ЭТС, 1999.
5. Мухаммад Риза Агахи. — URL: www.arboblar.uz
6. Ўзбекистонда бадиий таржима тарихи (таржима тарихидан лавҳалар). Отв. Редактор С.Мамажонов. — Тошкент: Фан, 1985.
7. Шарипов Ж. Ўзбекистонда таржима тарихидан / Г.Саломов таҳрири остида. — Тошкент: Фан, 1965.

Ключевые слова текущего момента в медиадискурсе как маркеры базовых ценностей общества: кросс-культурный анализ русскоязычных и узбекскоязычных медиа

Аликулов Одилжон Исломилович, студент магистратуры

Научный руководитель: Данилова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (Республика Татарстан)

Современный медиадискурс отражает трансформацию общественных ценностей и культурных кодов, что делает изучение ключевых слов текущего момента актуальным инструментом анализа национальных картин мира. Особое значение приобретает сопоставление русскоязычного и узбекскоязычного информационного пространства, где глобальные концепты реализуются через локальные идеологические и культурные акценты.

Ключевые слова: ключевые слова текущего момента, медиадискурс, кросс-культурная коммуникация, Россия, Узбекистан, базовые ценности общества.

Введение

Цель исследования заключается в выявлении национально-культурных особенностей интерпретации понятий «безопасность», «развитие», «традиции» и «духовность» в медиатекстах России и Узбекистана. В соответствии с целью поставлены задачи определить коннотативные различия употребления ключевых слов и проследить влияние ценностных ориентаций общества на формирование смыслового поля медиадискурса.

Методологическую основу составляют методы сопоставительного и контекстуального анализа, опирающиеся на выборку новостных материалов 2023–2024 годов из русско- и узбекскоязычных изданий. Рассматриваются лексические и семантические стратегии, отражающие процесс «глобализации» медиаязыка, когда заимствованная глобальная лексика адаптируется под местные культурные нормы.

Результаты исследования показывают, что в русскоязычном медиадискурсе преобладает риторика суворенитета и защиты традиционных ценностей, тогда как в узбекскоязычном — дискурс модернизации, открытости и национального самоопределения, концептуализированный через категории Ma'naviyat и Yangi O'zbekiston.

Основная часть

Современное информационное пространство представляет собой систему, характеризующуюся высокой степенью глобализационных процессов, что обуславливает существенные трансформации языковых средств массовой коммуникации. В рамках глобального медиадискурса наблюдается формирование общепринятой лексической базы, включающей универсальные политические, экономические и социокультурные понятия, такие как «демократия», «инновации», «безопасность», «устойчивое развитие». Вместе с тем, при интеграции указанных концептов в национальные медиасистемы происходит их семантическая модификация, обусловленная спецификой

ценностных ориентаций, историческим опытом и актуальными геополитическими контекстами конкретного общества.

Анализ функционирования данных лексем в дискурсах русскоязычных и узбекскоязычных средств массовой информации позволяет идентифицировать особенности вербализации национальных моделей мира. Данная сравнительная перспектива выявляет не только общие черты, продиктованные общей исторической основой, но и существенные различия, обусловленные ди-вергенцией стратегий социально-политического и культурного развития, реализуемых на современном этапе в каждой из стран. Указанный подход подтверждает, что миграция глобальных концептов в национальные медиа-среды неизбежно сопровождается процессом локализации, результатом которого становятся вариативные смысловые интерпретации, фиксируемые на уровне медиатекста.

Теоретической базой исследования послужила концепция «ключевых слов текущего момента» (keywords of the moment; далее — КСТМ), разработанная в трудах А. Вежбицкой [3] и развитая в российской лингвистике А. Д. Шмелевым и Т. В. Шмелевой [8]. Под ключевыми словами понимаются лексемы, частотность и контекстуальная нагруженность которых делает их маркерами общественного сознания в конкретный исторический период. Материалом для анализа послужили публикации ведущих изданий: для русскоязычного сегмента — РИА Новости, Коммерсантъ, Российская газета [6]; для узбекскоязычного сегмента — Kun.uz, masmedia.uz, а также материалы Национального информационного агентства Узбекистана (UzA) [1] за период 2023–2024 гг.

Наиболее показательной для сопоставления выступает категория общественно-политической лексики, непосредственно связанной с проблематикой государственно-политического строительства. В российском медиадискурсе последних лет наблюдается выраженная семантическая и частотная доминанта лексемы «суворенитет», репрезентируемой в ряде вариативных сочетаний (технологиче-

ский, культурный, государственный и др.). Употребление данного концепта преимущественно фиксируется в контекстах, акцентирующих мотивы защиты, противодействия внешнему воздействию и обеспечения самодостаточного развития государства [2].

Коллокации типа «защита суверенитета», «укрепление суверенитета», «суверенная экономика» формируют устойчивое смысловое поле, в котором суверенитет интерпретируется как ключевое условие политической и экономической автономии. Подобная конфигурация значений отражает закрепившуюся в публичном дискурсе ценностную установку на приоритет самостоятельности и позиционирование России в качестве независимого центра силы в мировой политической системе: «Россия и сегодня, как и в 1612 году, защищает свой суверенитет, продолжая традиции, которые позволили отстоять ей право на собственные корни и нравственные опоры, заявил президент РФ Владимир Путин» [6] и т. п.

В узбекоязычном медиадискурсе функциональным коррелятом рассматриваемого российского концепта выступает лексема *Mustaqillik* («независимость»), однако ее семантическое наполнение демонстрирует иные акценты и прагматические функции. В отличие от российского публичного пространства, где ключевой является стратегия «защиты» суверенитета от внешнего давления, *Mustaqillik* репрезентируется как сакральная, аксиологически маркированная основа государственности, выступающая символическим фундаментом проекта *Yangi O'zbekiston* («Новый Узбекистан»). Примеры использования в узбекских СМИ:

- 1) O'zbekiston Mustaqilligi kuni muborak! («День независимости Узбекистана благословен!»);
- 2) в заголовках и слоганах центральные идеи переплетают экономическое и духовное значение независимости: *Mustaqillik* — *barcha yutuq va marralarimiz poydevori, erkin hayotimiz kafolati, kelajakka ishonch bilan intilishimizni ta'minlaydigan buyuk ne'mat* («Независимость — это основа всех наших достижений и успехов, гарантия свободной жизни и великое благо, обеспечивающее нашу устремлённость в будущее с уверенностью»; пер. авт.) [1].

Во втором значимом для сопоставительного анализа параметре рассматривается интерпретация КСТМ «безопасность» и «мир», задающих ценностно-смысловые координаты медиадискурса. В современном русском языке лексема «мир» функционирует в сложном семантическом окружении, нередко вступая в конкуренцию с такими ключевыми идеологемами, как «победа» и «безопасность», что приводит к перераспределению акцентов между идеей прекращения конфликта и идеей его «правильного» исхода: ««Тесно взаимодействуем в целях формирования на всём обширном евразийском пространстве атмосферы безопасности, доверия и мирного устройства», — сказал Путин в ходе государственного приема» [6]. В данном и подобных контекстах безопасность репрезентируется преимущественно как условие сохранения государственности и защиты от многообразных угроз.

В узбекоязычном медиапространстве центральным словом-концептом выступает *Tinchlik* («мир/спокойствие»), имеющее расширенное аксиологическое наполнение и выходящее за рамки простой оппозиции «война — ее отсутствие». *Tinchlik* осмысливается как базовая этнокультурная ценность, связанная с гармонией повседневной жизни и социальным порядком. Характерным проявлением является институционализация ранее бытовой формулы благопожелания *Yurtimiz tinch, osmonimiz musaffo bo'l sin* («пусть наша страна будет спокойной, а небо чистым»; пер. авт.), которая в современных медиатекстах функционирует как устойчивое клише официальной журналистики. Примеры использования:

- 1) «Как говорят в Узбекистане: тинчлик бор ерда — барака бор» («где есть мир — там есть благодать»; пер. авт.);
- 2) в официальных поздравлениях: *Yurtimiz tinch, xalqimiz farovonligi yanada mustahkam va barqaror bo'l sin!* («Пусть наша страна будет спокойной, благополучие нашего народа будет крепче и устойчивее!»; пер. авт.) [1].

Ценность *Tinchlik* в узбекских СМИ конструируется как высшее коллективное достижение, требующее постоянной охраны и поддержания, что эксплицируется в выражениях типа *Tinchlikni asrash* («беречь мир»). Подобная репрезентация отражает специфику социокультурной ментальности, в рамках которой приоритет отдается стабильности и спокойствию в пространстве *mahalli* (общины), тогда как радикальные политические трансформации воспринимаются как потенциально дестабилизирующий фактор.

Примеры контекстов:

- 1) в студенческих дискуссиях при просмотре социально ориентированных фильмов: *Tinchlikni asrash — har bir insonnin burchi ekanini ta'kidladillar* («Беречь мир — это долг каждого человека»; пер. авт.);
- 2) в официальном дискурсе органов власти: *Biz avlodlar ota-bobolarimizga munosib bo'lib tinchlikni asrash, xalqimizning baxtli va farovon hayotini ta'minlashga* («Мы должны быть достойны наших предков, храня мир, обеспечивая счастливую и процветающую жизнь нашего народа»; пер. авт.) [1].

На этом фоне становится очевидным различие дискурсивных установок: если в российском медиаполе категория безопасности тесно сопряжена с мобилизационными нарративами и обращением к историческому опыту, то в узбекском медиийном дискурсе доминирует ориентация на сохранение мирного уклада и предотвращение любых форм социального потрясения.

В аксиологическом измерении медиадискурса особое значение приобретает блок, связанный с духовно-нравственной сферой. В российском информационном пространстве с 2022 года фиксируется и институционально закрепляется терминологема «традиционные ценности», получившая нормативную кодификацию и функционирующую в качестве ключевого идеологического ориентира: «Россия будет укреплять и продвигать традиционные семейные ценности, в том числе защищать институт брака

как союза мужчины и женщины, следует из указа президента РФ Владимира Путина «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6]. В медиатекстах она систематически репрезентируется как антитеза образу «западной вседозволенности», задавая оппозицию между собственным цивилизационным кодом и внешними ценностными моделями.

Содержательный состав данного кластера формируют такие концепты, как «семья», «вера», «служение Отечеству», а также сопряженные с ними представления о духовно-нравственном долге, исторической памяти и национальном единстве. Медиадискурс конструирует на этой основе устойчивую бинарную оппозицию «свои — чужие», в рамках которой «традиционные ценности» функционируют как маркер коллективной идентичности и критерий символического включения или исключения из национального сообщества.

В узбекоязычном медиадискурсе центральное место занимает специфический концепт Ma'nnaviyat (духовность), не имеющий исчерпывающего эквивалента в русском языке и выходящий за рамки обобщающего понятия «духовность». Он репрезентирует комплекс взаимосвязанных представлений, включающих этические нормы, систему воспитания, просветительские практики и формирование национального самосознания. В медиапространстве Узбекистана (в том числе на платформах UzA, Manaviyat.uz) данный термин используется преимущественно в контексте внутренней ценностной консолидации и воспитания молодежи (yoshlar tarbiyasi), а не как инструмент идеологической оппозиции Западу.

Примеры использования:

1) на портале Manaviyat.uz и в материалах Центра духовности и просвещения Национальной гвардии регулярно публикуются материалы вроде: Yoshlarning ma'nnaviy olamini boyitish orqali («Обогащение духовного мира молодежи»; пер. авт.);

2) в официальных документах воспитательного содержания используется устойчивое выражение ma'nnaviy-ma'rifiy ishlar («духовно-просветительские работы»; пер. авт.) [1].

Знаковым является устойчивое словосочетание Ma'nnaviy immunitet («духовный иммунитет»; пер. авт.), которым обозначается защищенность молодежи от «чужих» идей не посредством жестких запретительных мер, а через повышение уровня просвещенности и критического мышления.

Примеры употребления:

1) в проекте, реализуемом Центром духовности и просвещения, используется выражение: Yoshlarning ma'nnaviy immuniteti mustahkam bo'lishi kerak («Духовный иммунитет молодежи должен быть крепким»; пер. авт.);

2) в докладах государственных деятелей подчеркивается, что asosiy maqsad — yoshlarda ilm-fan, fazo-farido va ma'nnaviy immunitetni shakllantirishdir («главная цель —

формирование у молодежи науки, культуры и духовного иммунитета»; пер. авт.);

3) в программах Национальной гвардии часто встречается фраза: Chalkash ta'sirlardan ma'naviy immunitetni himoya qilish («Защита духовного иммунитета от деструктивных воздействий»; пер. авт.) [1].

Существенную роль в ценностной архитектуре узбекского медиадискурса играет и концепт Mahalla (махалля). В публикациях 2023–2024 гг. «махалля» позиционируется не только как низовая административно-территориальная единица, но и как ключевой институт гражданского общества, выполняющий функцию хранителя национального кода и посредника между государством и локальным сообществом.

Примеры контекстуализации:

1) в указе Президента Узбекистана от 21 декабря 2023 года подчеркивается, что Mahalla — davlat va xalq o'rtasidagi pul («Махалля — мост между государством и народом»; пер. авт.);

2) на портале Института махалли заявляется: Mahalla — milliy kodning saqlanuvchisi va milliy qadriyatlarning asosi («Махалля — хранитель национального кода и основа национальных ценностей»; пер. авт.);

3) в газетных материалах 2024 года приводится выражение: Har bir mahalla — o'z ichida jamiyat («Каждая махалля — общество само по себе»; пер. авт.) [9].

В российском медиапространстве структурно сопоставимые понятия (например, «община» или «двор») практически не функционируют в статусе самостоятельного субъекта политического действия, что подчеркивает типологическое различие моделей социальности, транслируемых через медиа.

Экономический сегмент медиадискурса также демонстрирует специфику доминирующих смысловых ориентиров. В российских средствах массовой информации ключевыми концептами выступают «импортозамещение», «санкции», «переориентация» (прежде всего на восточные рынки и партнеров), что свидетельствует о закреплении повестки адаптации к внешнему экономическому давлению иструктурной перестройке хозяйственных связей. Эти лексемы формируют семантическое поле, в центре которого находятся стратегии компенсации утраченных возможностей и поиска новых направлений развития.

Дискурсивное оформление экономической тематики в российских медиа носит преимущественно адекватационный и мобилизационный характер: подчеркивается необходимость консолидации ресурсов, гибкости экономических акторов и готовности к длительному функционированию в условиях ограничений. Эмоционально-оценочная тональность таких текстов в целом характеризуется как сдержанно оптимистичная: фиксируется признание существующих трудностей при одновременном акцентировании мотивов их преодолимости, поиска внутренних резервов и перспектив постепенной стабилизации и роста: ««Ускорят программу импортоза-

мешения», — сказал Мантуров, отвечая на вопрос как по-влияют санкции США на деятельность «АвтоВАЗа» [6].

В узбекскоязычном информационном пространстве экономический медиаnarратив формируется вокруг лексем Investitsiya (инвестиции), Turizm (туризм), которые задают ориентиры на модернизацию, открытость и интеграцию в глобальные рынки.

Примеры использования:

1) на форуме UzInvest в выступлениях государственных деятелей звучит: O'zbekiston katta hajmdagi investisiyalar keltirishga tayyor («Узбекистан готов привлекать огромные объемы инвестиций»; пер. авт.);

2) газета «Газета.uz» публикует регулярные рубрики о туризме с заголовками типа: Turizm — davlatning taraqqiyotini tezlashtiruvchi kuch («Туризм — сила, ускоряющая развитие государства»; пер. авт.) [1].

В сфере гендерной проблематики медиаискурс также демонстрирует заметные расхождения. В глобальном информационном пространстве тема прав женщин занимает одно из центральных мест и рассматривается как ключевой компонент повестки прав человека и социального равенства. В российских средствах массовой информации гендерная тематика присутствует, однако нередко балансируется акцентом на демографическую политику и материество, что, в частности, проявляется в актуализации инициатив, обозначаемых через формулы типа «Год семьи» и схожие рамки: «В рамках реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова встретилась с экспертами Совета Европы по вопросам гендерного равенства и прав женщин, проводящими исследование на тему «Участие женщин России в процессе принятия решений в области политики и общественной жизни» [6].

В узбекскоязычных медиа последних лет фиксируется существенное усиление внимания к проблематике защиты прав женщин, что отражается в росте употребления выражений Xotin-qizlar huquqlari («права женщин»), Zo'ravonlikka qarshi («против насилия»). Данная динамика напрямую коррелирует с принятой в Узбекистане нормативно-правовой базой, направленной на криминализацию домашнего насилия и институционализацию механизмов защиты пострадавших. Примеры использования:

1) в Декрете Президента Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года «О мерах по кардинальному усилению защиты прав женщин и расширению их участия в общественно-политической жизни» фиксируется выражение: Xotin-qizlarning huquqlari, erkinliklari hamda qonuniy manfaatlari tazyiq va zo'ravonlikdan himoya qilinishini ta'minlash («Обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов женщин от давления и насилия»; пер. авт.) [10];

2) на платформе Mass-media fondi в материалах о кампании против гендерного насилия встречается: Zo'ravonlikdan xoli bo'lish huquqi — insoniy huquqlarning asosi («Право на жизнь без насилия — основное право человека»; пер. авт.) [11].

Важным измерением сопоставительного анализа является исследование языковой игры и метафорической презентации социально значимых процессов. В российском медиаискурсе устойчиво доминируют милитарные метафорические модели, которые активно эксплуатируются и при описании экономической повестки: экономическая динамика концептуализируется как поле противостояния, борьбы и конфликта («битвы за урожай», «санкционная война», «атака на рубль» и т. п.). Подобная метафорика закрепляет представление о социально-экономической реальности как о пространстве перманентного кризиса, требующего мобилизации и готовности к «обороне» по различным направлениям [8].

В узбекскоязычных медиа, напротив, преимущественно актуализируются метафоры строительства, возделывания и садоводства, структурирующие образное поле созидания: типичными являются формулы, соотносящие социальные процессы с «возведением фундамента», «возвращением поколения», «получением плодов независимости». Данная система когнитивных метафор ориентирует аудиторию на восприятие настоящего и будущего в категориях роста, накопления результатов и поступательного развития. Различие доминирующих метафорических моделей позволяет говорить о неодинаковой темпоральной перспективе медиаискурсов: российское «медиавремя» конструируется как время кризиса и борьбы, тогда как узбекское «медиавремя» репрезентируется преимущественно как время созидания, роста и укоренения достигнутых перемен.

Приведем конкретный пример анализа новостных заголовков, освещающих схожие события — международные саммиты. Заголовок в РИА Новости: «Путин призвал страны ШОС к созданию независимой финансовой системы для защиты от санкций» [6], где ключевыми становятся слова «независимой», «защиты», «санкций». Очевиден акцент на угрозе и контрамерах. Заголовок в Kun.uz: Shavkat Mirziyoyev SHNT sammitida mintaqaviy savdoni rivojlantirish va transport yollaklarini kengaytirishni taklif qildi («Шавкат Мирзиёев на саммите ШОС предложил развивать региональную торговлю и расширять транспортные коридоры»; пер. авт.) [12], где ключевые номинации savdo (торговля), rivojlantirish (развивать), kengaytirish (расширять). Здесь мы видим акцент на возможностях и логистике. Этот пример наглядно демонстрирует, как одно и то же событие фреймируется через разные ценностные установки: безопасность и суверенитет для России; pragmatism, торговля и открытость для Узбекистана.

Медиаискурс в современном обществе выступает высокочувствительным индикатором состояния коллективного сознания, отражающим доминирующие ценностные ориентации, представления о прошлом, настоящем и будущем. Сопоставительный анализ русскоязычного и узбекскоязычного медиапространства демонстрирует, что при общей постсоветской исторической основе и географической близости обе страны конструируют принципиально различные модели медиальной реальности.

Российский медиадискурс на сегодняшнем этапе носит преимущественно центростремительный характер: он насыщен идеологемами, связанными с защитой суверенитета, сохранением традиционного уклада и консолидацией вокруг ценностей «своего» культурно-цивилизационного проекта.

Узбекский медиадискурс, напротив, тяготеет к центробежной, в значении открытой внешнему миру, модели: он акцентирует модернизацию, интеграцию в глобальные экономические и культурные процессы, при этом опираясь на специфические национальные концепты.

Учет выявленных лексических, дискурсивных и аксиологических особенностей представляется принципиально важным для организации результативного межкультурного диалога, разработки стратегий работы журналистов-международников и выстраивания дипломатической коммуникации. Корректное понимание того, какие концепты являются ключевыми в той или иной медиасистеме, позволяет минимизировать риск интерпретационных конфликтов и повышает эффективность коммуникации в многонациональном и полицентричном мире.

Литература:

1. Аналитический обзор материалов Национального информационного агентства Узбекистана. — Текст: электронный // UzA.uz: [сайт]. — URL: <https://uza.uz/uz> (дата обращения: 27.11.2024).
2. Барышева, С. Ф. Аксиология медиадискурса: ключевые концепты современности / С. Ф. Барышева. — Москва: Наука, 2022. — 250 с. — Текст: непосредственный.
3. Вежбицка, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицка. — Москва: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с. — ISBN 5-7859-0169-2. — Текст: непосредственный.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. — Москва: Флинта, 2020. — 264 с. — Текст: непосредственный.
5. Маманазаров, А. Б. Особенности политического дискурса в СМИ Узбекистана на этапе модернизации / А. Б. Маманазаров // Вестник НУУз. — 2023. — № 3. — С. 45–51. — Текст: непосредственный.
6. Мониторинг новостной повестки РИА Новости. — Текст: электронный // Ria.ru: [сайт]. — URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 27.11.2024).
7. Сайдов, А. Х. Новый Узбекистан: стратегия развития и национальная идентичность / А. Х. Сайдов // Общественное мнение. Права человека. — Ташкент, 2023. — № 1. — С. 10–18. — Текст: непосредственный.
8. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента: динамика и контекст / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 4 (88). — С. 12–20. — Текст: электронный <https://journals.uspu.ru/pl/2021/4> (дата обращения: 28.11.2024).
9. Якубова, Н. С. Лингвокультурный концепт «Махалля» в современной узбекской публицистике / Н. С. Якубова // Молодой учёный. — 2024. — № 2 (501). — С. 401–403. — Текст: электронный.
10. Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлиги қошидаги “Адолат” миллый ҳуқуқий ахборот маркази давлат муасасаси. Текст: электронный // lex.uz: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/docs/-4494849> (дата обращения: 27.11.2024).
11. Официальный Telegram-канал Общественного фонда поддержки и развития национальных СМИ. <https://t.me/massmediauz/611?single>
12. Официальный сайт kun.uz. Текст: электронный // kun.uz: [сайт]. — URL: <https://kun.uz/news/2020/11/10/shavkat-mirziyoyev-shhtda-savdo-iqtisodiy-aloqalar-va-sanoat-kooperatsiyasini-jonlantirish-boyicha-takliflarbildirdi?q=%2Fnews%2F2020%2F11%2F10%2Fshavkat-mirziyoyev-shhtda-savdo-iqtisodiy-aloqalar-va-sanoat-kooperatsiyasini-jonlantirish-boyicha-takliflarbildirdi> (дата обращения: 27.11.2024).

Социальные сети как коммуникативная среда

Бобоюнова Назокат Мухаммединова, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматриваются социальные сети как особая коммуникативная среда, в которой формируются новые модели общения, самопрезентации и социальной идентичности. Анализируются основные функции цифровых платформ: информационная, интеграционная, образовательная, развлекательная и репутационная. Особое внимание уделено трансформации коммуникативных практик под влиянием мультимедийности, интерактивности и высокой скорости обмена данными. Раскрываются преимущества социальных сетей как инструмента общественного влияния.

Ключевые слова: социальные сети, коммуникация, цифровая среда, интерактивность, интернет-коммуникация, сетевые практики, цифровая грамотность.

Social media as a communication medium

The article examines social networks as a specific communicative environment where new patterns of interaction, self-presentation, and digital identity are formed. The study highlights the key functions of online platforms, including informational, integrative, educational, entertaining, and reputational roles. Special attention is paid to the transformation of communication practices influenced by multimodality, interactivity, and the high speed of information exchange. The article outlines both the advantages of social networks as tools of public influence.

Keywords: social networks, communication, digital environment, interactivity, multimodality, media education, online communication, network practices, digital literacy.

Социальные сети в современном обществе превратились в одну из центральных коммуникативных сред, определяющих формы и динамику взаимодействия между людьми. Их распространение стало возможным благодаря процессам цифровизации, доступности мобильного интернета и расширению интерактивных сервисов. Как подчёркивает М.Кастельс, современный социум развивается как «сетевое общество», где структура социальных отношений опирается на процессы коммуникации и обмена информацией [4, с. 21–25]. Поэтому социальные сети выступают не просто технологическим инструментом, а новым социальным пространством, влияющим на когнитивные и поведенческие модели пользователей.

Особенность социальных сетей заключается в их гибридной природе: они объединяют признаки массовой, межличностной и групповой коммуникации. Ещё М. Маклюэн отмечал, что медиа являются «продлением человека», расширяющим его сенсорные и интеллектуальные возможности [5, с. 32]. В цифровых платформах эта идея реализуется особенно ярко: пользователь становится одновременно автором и потребителем контента, имея возможность создавать, редактировать и распространять материалы практически мгновенно.

Мультидальность социальных сетей проявляется в сочетании текста, изображения, звука, видео и эмодзи. Г.Почепцов характеризует интернет-коммуникацию как пространство «многоголосия» [6, с. 87]. Практический пример этой тенденции — платформа TikTok, где короткие видеоролики формируют новый тип восприятия. Формат 10–60 секунд стимулирует клиповое мышление, о котором писал Г. Дженкинс (2006): сложный смысл передаётся через минимальный набор визуальных и аудиостимулов. Образовательные ролики TikTok («EduTok», «BookTok») показывают, как мультимедийность способствует развитию сетевых педагогических практик: эмоциональная динамика, ритм и визуальное насыщение заменяют линейное объяснение.

Многофункциональность социальных сетей определяет их влияние на коммуникацию. Информационная функция проявляется в создании альтернативных каналов новостей. Так, Telegram-каналы, широко распространённые в Центральной Азии, стали своеобразной формой «альтернативной журналистики». Один автор или небольшая команда может влиять на десятки или

сотни тысяч пользователей, что полностью соответствует идеи Кастельса о децентрализации власти коммуникации [6, с. 211]. Каналы Telegram часто обходят традиционные СМИ, публикуют комментарии, аналитические заметки и эксклюзивные материалы, формируя новое публичное пространство, где конкурируют интерпретации событий.

Интеграционная функция социальных сетей выражается в формировании устойчивых онлайн-сообществ. Например, движение MeToo или экологические кампании Fridays for Future демонстрируют способность платформ к гражданской мобилизации. Подобно «коллективному интеллекту», описанному Г.Рейнгольдом [7, с. 15–18], пользователи объединяются для решения общих задач, а социальные сети становятся инструментом координации массовых действий. В Узбекистане похожие процессы наблюдаются при организации волонтёрской помощи во время чрезвычайных ситуаций: за считанные часы формируются большие сети поддержки, распространяются инструкции и адреса пунктов сбора гуманитарной помощи.

Функция самопрезентации тесно связана с формированием цифровой идентичности. Идею Э.Гоффмана о «представлении себя» можно наблюдать в повседневных практиках Instagram. Пользователь конструирует визуальный образ — тщательно отобранные фотографии, stories, reels, эмоциональные нарративы. Исследования медиапсихологии [1] показывают, что подобная «режиссура впечатления» приводит к идеализации цифрового «я», а также к «эффекту сравнения», когда просмотр изображений других людей снижает самооценку. Таким образом, Instagram становится пространством не только художественной самопрезентации, но и психологической уязвимости.

Мультидальность социальных сетей также влияет на структуру восприятия информации. Генри Дженкинс отмечал, что культура конвергенции способствует производству короткого, визуально насыщенного контента (Дженкинс, 2006, с. 102–109). Эмоциональность интернет-общения усиливается благодаря использованию эмодзи, стикеров, мемов — они создают дополнительные слои смысла, нередко замещая вербальное выражение эмоций. Как подчёркивает А. Баранов, в цифровой среде формируется гибридный язык, объединяющий устные, письменные и визуальные элементы [2, с. 44].

Наряду с преимуществами социальные сети порождают риски. Одним из наиболее актуальных является феномен сетевой агрессии — троллинг, кибербуллинг, оскорбительные комментарии. Почепцов объясняет это анонимностью и отсутствием немедленной социальной санкции [6, с. 145–148]. В реальной практике нередко наблюдается так называемая «цифровая травля»: пользователю достаточно опубликовать спорную позицию, чтобы алгоритм платформы усилил поток негативных комментариев за счёт повышенного взаимодействия. Таким образом возникает эффект «расправы лайками», когда коллективное порицание приобретает форму эмоционального давления.

Другой риск — дезинформация. Telegram, Facebook, Instagram и TikTok одновременно являются каналами распространения фейковых новостей, что особенно проявляется в период политических кампаний или кризисов. Кастельс определяет такие процессы как часть «информационных войн» [3]. Алгоритмы, ориентированные на вовлечённость, усиливают распространение эмоционально окрашенных сообщений, что делает пользователей уязвимыми перед манипуляциями.

Литература:

1. Kim J., Lee S., Park H. Social Media Addiction: Psychological Mechanisms. — Seoul: Seoul University Press, 2020. — 190 p.
2. Баранов А. Н. Медиалингвистика: теория и практика. — М.: Флинта, 2017. — 176 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2009. — 564 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Том 1: Становление сетевого общества. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. — 464 с.
6. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук, 2012. — 320 с.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Грызуновой. — М.: Ультра.Культура, 2006. — 336 с.

Психологические исследования фиксируют риск развития зависимости от социальных сетей. «Культура лайков» формирует у некоторых пользователей потребность в постоянном подтверждении собственной значимости [1, с. 73]. Это особенно заметно среди подростков и молодых пользователей Instagram и TikTok, где визуальная самопрезентация становится ключевым элементом самооценки.

По нашим рассуждениям видно, что анализ современных цифровых практик подтверждает: социальные сети — это сложная коммуникативная среда, создающая новые формы взаимодействия, идентичности и информационного обмена. Они расширяют возможности социальной интеграции, образования, творчества и гражданской активности. Однако одновременно они порождают риски психологического, социального и информационного характера. Именно поэтому исследователи подчёркивают необходимость развития цифровой грамотности, формирования этической культуры общения и критического мышления. Только при соблюдении этих условий социальные сети могут выполнять роль продуктивной и безопасной коммуникативной среды современного общества.

Особенности хронотопов в прозе В. Г. Распутина

Заркович Анна Васильевна, учитель русского языка и литературы
ОГБОУ «Мелиховская СОШ» (Белгородская область)

В статье автор исследует аксиологические основы художественного хронотопа В. Г. Распутина, их связь с ценностными ориентирами «деревенской прозы», а также рассматривает особенности пространственно-временной организации художественного мира, в частности, базовые хронотопы как выражение представлений писателя о мире и человеке.

Ключевые слова: художественный хронотоп, время, пространство, герой-трикстер, творчество В. Г. Распутина.

В художественном мире В. Г. Распутина особое место занимают пространственно-временные отношения. Они являются выражением аксиологической направленности прозы этого автора, его почвеннических представлений о мире и человеке. Исследователь Г. Н. Слепухов,

характеризуя содержательную сторону хронотопа, справедливо утверждает, что в хронотопе отражаются идеалы эпохи, поддерживаемые обществом, мировоззрение самого автора [5, с. 22]. Осмысление пространственно-временных моделей, образов в прозе В. Г. Распутина по-

зволяет выявить те индивидуально-авторские смыслы, которыми сильна русская классическая литература и которые составляют культурный код нации.

Анализ как ранних, так и поздних произведений В. Г. Распутина («Последний срок», «Прощание с Матерой», «Живи и помни», «Пожар», «Изба», «Дочь Ивана, мать Ивана») позволяет заметить, что в сознании старухи Анны («Последний срок»), старухи Дарьи («Прощание с Матерой»), Алены («Пожар»), Настены Гуськовой («Живи и помни»), старухи Агафьи («Изба»), Тамары Ивановны («Дочь Ивана, мать Ивана») идеальное время связывается с прошлым.

Миф о рае (старинные деревни, которые визуализировались в острове Матере и других подобных пространствах), представление о бытии человека (крестьянский уклад) и роли природы в нем (единение с природой, но не ее порабощение) — это воплощение в прозе В. Г. Распутина исторической инверсии («Последний срок», «Прощание с Матерой», «Изба», «Дочь Ивана, мать Ивана»). Прошлое у писателя — проекция будущего. Будущее разреженно, в то время как прошедшее (вневременное, идеальное, вечное) стущено, оно смыкается с настоящим. Это видение временных рядов характерно для раннего и зрелого творчества В. Г. Распутина, в поздних произведениях видится уже иное представление будущего: как конца бытия, катастрофы, разрушения или хаоса. Такое отношение к будущему тяготеет от исторической инверсии в сторону эсхатологизма. Образ будущего у В. Г. Распутина локализован в прошлом, но понимание невозможности желаемого привело автора к эсхатологическому мировосприятию. Перенос будущего в прошлое напоминает тридевятое царство, которое находится за морями и лесами, а персонаж становится богатырем, героизируется. У В. Г. Распутина, согласно наблюдениям Н. В. Ковтун, читатель также может заметить богатырей (точнее — «богатырок»), сильных и крепких женщин, тело которых было приспособлено не для рождения детей, а для тяжелого физического труда, преодоления тягот жизни [2, с. 117].

Идиллический хронотоп — основа прозы В. Г. Распутина, он связан с обращенностью повествования к родной земле, дому, реке и т. п. (то есть ко времени к пространству). Пространственный мир в идиллии, как известно, ограничен, не связан с чуждым миром, а время не ограничено. Так, у В. Г. Распутина в повести «Прощание с Матерой» пространство идиллии — остров Матера, но время представлено поколениями материнцев. Единство жизней поколений людей смягчило временные границы между их индивидуальной жизнью. Поэтому в видении старухи Дарьи предстает весь род материнцев, несмотря на то, что кто-то из предков раньше жил, кто-то позже. Она видит всех умерших как единое целое, как общину, потому что время на острове циклично: все они родились там, выросли, женились, родили своих детей, трудились, состарились и умерли. Такой круг связан с жизнью каждого поколения. Цикличность времени в целом характерна для

идиллии. По этой причине разные поколения мыслятся в повести одной общностью.

Еще один аргумент, подтверждающий наличие идиллического хронотопа, — единение человека с природой, однаковые временные ритмы человека с ней, характерные для идиллии. Герои В. Г. Распутина с любовью относятся к земле, природе, не стремятся ее поработить, доказав свою значимость. Они живут по природным часам — солнцу, шуму реки и т. п. В идиллическом мире проблема времени имеет философское звучание — идиллическое время противопоставляется времени городскому. В распутинском художественном мире дорогие автору герои имеют чувство хода времени, время (циклическое, насыщенное, визуализированное) несет в себе следы веков, а время современное скоротечное, пустое, линейное. Соответствует этому времени и пространственный образ — образ города, образ рынка.

М. М. Бахтин в труде о формах времени и хронотопа писал о том, что в романе идиллический момент выступает определяющим, а ведущая тема — разрушение идиллии. Эта особенность наблюдается и в прозе В. Г. Распутина: писатель обличает кризис деревни, показывает разрушение патриархальных, идиллически-семейных отношений, крестьянского уклада, умирание деревень, безразличие к традиционным ценностям. Более того, герои переходят из одного произведения в другое, в одних показаны старики, в других — дети, события, вокруг которых разворачивается сюжет, бывают схожи. Поэтому идиллический хронотоп является ведущим в произведениях писателя.

Теперь обратимся к другим хронотопам в творчестве В. Г. Распутина. М. М. Бахтин выделял хронотоп встречи, хронотоп дороги, хронотоп замка, хронотоп порога. Хронотоп встречи в произведениях В. Г. Распутина связан с хронотопом дороги, т. к. встречи происходят именно на ней, по сути, здесь пересекаются пространственный и временной путь героев («Рудольфио» (1965), «Последний срок» (1970), «Нежданно-негаданно» (1997)). Хронотоп замка у В. Г. Распутина воплотился в хронотопе дома, избы — месте, которое насыщено временем исторического прошлого («Прощание с Матерой» (1976), «Изба» (1999)).

Хронотоп порога преображается в хронотоп кризиса или жизненного перелома. При этом он тесно связан с хронотопом деревни — места циклического бытового времени, идиллического времени. В нем нет линейного хода времени, а только движение по кругу — день, неделя, месяц, жизнь. Эта особенность раскрывается в рассказе «Василий и Василиса» (1966), где время отмеряется самоварами. В произведениях В. Г. Распутина можно найти много предметов крестьянского быта, в их числе и самовары. Например, беседа старухи Дарьи и Настасьи о самоваре в повести «Прощание с Матерой»: «Пей, девка, покульчай живой. Там самовар не поставишь <...> Нет, самовар она не отменит, будет ставить его хоть в кровати, а все остальное — как сказать» [4, с. 267]. Н. Б. Топоров,

разделяющий теоретические идеи Ю. М. Лотмана, придерживаясь позиции первоочередности пространства, в работе «Пространство и текст» (1983) подчеркивает его связь с предметным наполнением художественного мира. Можно заметить, что в распутинском хронотопе время срастается с бытом человека, несет в себе авторское отношение к действительности.

Хронотоп города — оппозиция хронотопу деревни. В прозе В. Г. Распутина очень ярко описывается адская часть города — рынок («Нежданно–негаданно», «Дочь Ивана, мать Ивана»). Именно в пространстве рынка время становится сиюминутным, не имеющим никаких следов вечности, традиций, а оттого пустым и бессмысленным. При этом образ рынка символичен: кроме буквального значения подразумевается еще и переход России, страны с вековым крестьянским укладом, к рыночным отношениям, которые оцениваются традиционалистами как чужие, искусственные.

Названные хронотопы имеют сюжетное значение, они организовывают события в произведениях вокруг себя. Хронотоп деревни, хронотоп дома, хронотоп порога (кризиса), хронотоп пути также смешиваются друг с другом, идут бок о бок, как и другие хронотопы. Так, повесть «Последний срок» построена на ожидании встречи старухи Анны с дочерью Танчорой, которая пока еще в дороге. Место ожидаемой встречи — деревня, дом. Путь России видится в возврате к традиционным ценностям, патриархальной деревне. В раннем творчестве этот возврат оценивается писателем как возможный, главное не опоздать и не пропустить тот самый последний срок, который уже ход времени сделает невозможным. Можно заметить, что хронотопы деревни, дома, дороги являются основой хронотопа пути России.

Рассказы В. Г. Распутина 1990-х годов (цикл «В одном сибирском городе», 1995) являются результатом восприятия современности как посткатастрофы. В монографии «Трикстер как герой нашего времени (На материале русской прозы второй половины XX — XXI веков)» (2022) Н. В. Ковтун отмечает, что традиционные праведники в поздней прозе В. Г. Распутина становятся изгоями, лишенными даже возможности умереть на своей земле, в их числе Аксинья Егоровна из рассказа «В ту же землю». Внимание автора теперь устремляется на «жизнеспособного героя», которому современный путь по силам. Именно путь становится судьбой человека, утратившего корни, а значит и опору в пространстве. По словам исследователя, героям В. Г. Распутина остается только «искать тайну в иных измерениях: в изменчивости времени, стремлении к вечности». Писателем актуализируются образы странников (Поздняков Сеня) и дев-богатырок, а та-ковыми представляются нам Пашути из рассказа «В ту же землю...», Агафья из рассказа «Изба», Тамара Ивановна из повести «Дочь Ивана, мать Ивана» [2, с. 326].

Исследователи указывают на такие тенденции современной литературы, как ностальгия по культурному герою, идеалу, который способен ответить на вы-

зовы времени. Н. В. Ковтун считает, что таким героям в поздней прозе В. Г. Распутина является Сеня Поздняков: брошенное с парохода «тело поднялось на ноги и заявило, что оно — «наш орел» («По-соседски», 1995). Он появился на границе пространств, на реке, не имея ни связи с верой, ни с родом. Именно этот герой, по словам ученого, является героем-трикстером, «который не сражается с судьбой, он пытается ее переиграть» и обнажить пороки современности [6, с. 7]. «В мире навыворот, — пишет Н. В. Ковтун, — только шут и лицедей сохраняет перспективу движения» [2, с. 178]. Действительно, автор даже сравнивает Сеня Позднякова с бароном Мюнхгаузеном, классической моделью трикстера: «Сеня повторил подвиг барона Мюнхгаузена, когда тот за собственные вихри вытащил себя из болота» [4, с. 251].

Вспомним, что в патриархальном мире в ранних произведениях писателя судьба человеку давалась свыше, а вот жизненный путь Сени Позднякова подобен «серии трюков», череде метаморфоз: «не сказать, что совсем не путевой, но не сказать, что путевой» («Сеня едет», 1994) [4, с. 238]. Он герой переходов, перемещается из «своего» пространства в «чужое» и обратно. Таким образом, в прозе 1990-х дорога вводится в рамки «своего» пространства. В ранней прозе писателя, по словам Н. В. Ковтун, пребывание героев в пути «всеми средствами подавлялось автором», а «дорогу зачинали шалуны-изгои, носители проклятия» [2, с. 185]. Петруха из «Прощания с Матерью», находящийся среди наследников, «как черт на богомолье», сравнивается старухой Дарьей с ползущей божьей коровкой. Но оскорбляется он, на удивление героини, по странному поводу: «Я не ползаю, я на самолетах, хошь знать, летаю» [4, с. 276]. Ощущается авторская ирония над человеком, стремящимся соответствовать современной цивилизации.

В рассказе «Сеня едет» (1994) герой Сеня Поздняков обретает дом, не приемлет все, что попадает из «чужого мира»: отказывается от телевизора, электрического света. В рассказе «По-соседски» (1995) читатель наблюдает комическую картину сражений с «чужаками». Но в рассказе «Поминный день» (1996) герой сталкивается со смертью и комизма больше нет. По словам Н. В. Ковтун, образ Сени Позднякова «связан с уходом и странствием». Заморы представляются затопленной деревней с кладбищем, а герой оказывается оставленным в лодке между берегами. Он выполнил свою функцию — выдержал все тяготы пути, но такой герой не предназначен для создания нового мира, поэтому автор обращается к образам дев-богатырок [4, с. 187]. Когда Любка Молодцова из рассказа «Поминный день» (1996), кормит грудью ребенка за поминальным столом, слышатся от присутствующих следующие слова: «А еще пугают: Россия погибнет. Не погибнет! Любка подопрет. С такой подпорой нам нипошто никакой мериканец» («Поминный день», 1996) [4, 378]. Образ матери и ребенка «отсыпает к христианскому сюжету Богородицы как заступницы Руси/мира, надежда на

воскресение проговаривается голосом самого народа» [2, с. 183].

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) органична для художественного мира писателя. Главная героиня Тамара Ивановна обладает особой внутренней силой и проявляет готовность к подвигу в отличие от «онемевших»

мужчин. У В. Г. Распутина именно за женщиной закрепляется роль сохранения подлинных ценностей, во имя чего она и предстает перед судом Божиим.

На рис. 1 мы схематически представили художественный хронотоп прозы В. Г. Распутина, основываясь на умозаключениях, изложенных выше.

Рис. 1. Художественный хронотоп прозы В. Г. Распутина

Хронотоп пути России в прозе В. Г. Распутина вводится через появление особого героя (трикстера) и впоследствии развивается уже в женских образах (дев-богатырок). В. Г. Распутин как представитель «деревенской прозы» обращает взгляд в сторону прошлого, но беспокоит его именно будущее. Это дерево — «царский листвень», который крепко врос в землю. Аксиологичность распутинских хронотопов указывает на вечность, которую не под силу уничтожить цивилизации. Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что хронотоп пути России играет замыкающую роль, выстраивая все обозначенные типологически устойчивые хронотопы, являющиеся базисными для всего творчества писателя, в одну систему — в художественный мир прозы В. Г. Распутина.

Анализ образной системы, сопряженной с пространственно-временным континуумом, приводит к заключению о том, что будущее героев размыто, человек оказывается на пороге, в преддверии конца. Выходом из сложившейся ситуации, по В. Г. Распутину, представляется возврат к традиционным ценностям, хранителем которых выступает деревня. Это возвращение к родной культуре не мыслится без веры в Бога. Образ деревни, как малой родины, в творчестве писателя расширяется до «большой» родины, осмысление ее судьбы воплощается в постижении пути развития России. Этот хронотоп занимает одно из важнейших мест в поздних произведениях писателя, играет замыкающую роль, выстраивая остальные хронотопы в единую систему, которой подчиняется художественный мир В. Г. Распутина.

Литература:

- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — Москва: Худож. лит. — 1975. — С. 234–407.
- Ковтун Н. В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. — Москва: Флинта. — 2015. — 325 с.

3. Ковтун Н. В. Трикстер как герой нашего времени (На материале русской прозы второй половины XX — XXI века): монография. — Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. — 2022. — 408 с.
4. Распутин В. Г. Прощание с Матерей // Повести. — Санкт-Петербург: «Азбука-Аттикус». — 2022. — 608 с.
5. Слепухов Г. Н. Художественное пространство и время как объект философско-эстетического анализа: автореф. дис. канд. фил. наук. — Москва, 1979. — 23 с.
6. Топоров В. Н. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. — Новосибирск: Наука. — 1987. — С. 7–9.

Рекламный дискурс как объект лингвокультурологического анализа (на материале текстов на русском и узбекском языках)

Кадамбоева Азиза Дилшодбек кизи, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рекламный дискурс рассматривается как объект лингвокультурологического анализа на материале рекламных текстов на русском и узбекском языках. Исследование направлено на выявление национально-культурной специфики языковых средств, используемых в рекламе, а также на анализ культурных кодов, ценностных ориентиров и концептов, отражающих особенности менталитета носителей сопоставляемых языков. Особое внимание уделяется роли стереотипов, прецедентных феноменов и символики в формировании воздействующего потенциала рекламных сообщений.

Ключевые слова: рекламный дискурс, лингвокультурология, русский язык, узбекский язык, языковая картина мира, культурные коды, концепт, прецедентные феномены.

Advertising discourse as an object of linguocultural analysis (on the material of texts in Russian and Uzbek languages)

The article examines advertising discourse as an object of linguocultural analysis based on advertising texts in the Russian and Uzbek languages. The study aims to identify the national and cultural specificity of linguistic means used in advertising, as well as to analyze cultural codes, value orientations, and concepts reflecting the mentality of the speakers of the compared languages. Special attention is paid to the role of stereotypes, precedent phenomena, and symbolism in shaping the persuasive potential of advertising messages.

Keywords: advertising discourse, linguocultural analysis, Russian language, Uzbek language, linguistic worldview, cultural codes, concept, precedent phenomena.

Рекламный дискурс занимает особое место в современном коммуникативном пространстве, поскольку он является не только инструментом экономического воздействия, но и значимым культурным феноменом. В условиях интенсивного развития массовых коммуникаций реклама активно формирует общественные представления о нормах, ценностях и моделях поведения, выступая посредником между культурой и сознанием человека [7, с. 45–46]. Именно поэтому рекламный дискурс всё чаще становится объектом междисциплинарных исследований, в том числе в рамках лингвокультурологии, ориентированной на изучение взаимодействия языка и культуры [3, с. 12–14].

Лингвокультурологический подход исходит из понимания языка как носителя культурной памяти и ментальных установок общества. По мнению В. В. Воробьёва, язык не просто отражает культуру, но и является меха-

низмом её сохранения и трансляции [3, с. 28–30]. В этом контексте рекламный текст представляет собой концентрированное выражение культурных смыслов, поскольку он создаётся с учётом национально-культурных ожиданий адресата и опирается на коллективные фоновые знания [12, с. 67–69]. Реклама функционирует в пространстве повседневной культуры и потому особенно чутко реагирует на изменения ценностных ориентиров общества [8, с. 91–93].

Рекламный дискурс в современной лингвистике рассматривается как разновидность институционального дискурса, обладающего чётко выраженной прагматической направленностью. Его основная цель заключается в формировании у адресата определённого отношения к объекту рекламы и побуждении к действию [4, с. 215–217]. Однако воздействие рекламного текста осуществляется не только за счёт рациональных аргументов, но

прежде всего через апелляцию к эмоциональной и культурной сфере личности. Как отмечает В. И. Карасик, эффективность дискурса во многом определяется тем, насколько он соотносится с ценностной системой адресата и его языковой картиной мира [4, с. 223–225].

Русскоязычный рекламный дискурс демонстрирует устойчивую ориентацию на эмоционально-оценочные стратегии и активно использует культурно значимые образы, связанные с личным опытом и коллективной памятью [9, с. 54–56]. Одним из характерных приёмов является обращение к концепту «детство», который в русской лингвокультуре ассоциируется с искренностью, безопасностью и моральной чистотой [5, с. 101–103]. Слоган «Вкус, знакомый с детства», широко представленный в рекламе пищевых продуктов, апеллирует к ностальгическим чувствам и создаёт иллюзию преемственности поколений, что усиливает доверие к товару [10, с. 88–90].

Другим значимым концептом русской рекламы является «традиция», тесно связанный с представлением о качестве и надёжности. В выражении «Качество, проверенное временем» актуализируется идея исторической устойчивости, которая в русской культуре обладает высокой ценностной значимостью [2, с. 142–144]. В данном случае реклама использует культурный код времени как символа истины и объективной оценки, что усиливает аргументативную силу рекламного сообщения [11, с. 36–38]. Подобные тексты не просто информируют потребителя, но и формируют определённую интерпретацию реальности, в которой прошлое выступает гарантом настоящего.

В отличие от русской рекламы, узбекский рекламный дискурс в большей степени ориентирован на коллективные ценности и социальную гармонию. Центральное место в нём занимает концепт «oila» (семья), который является основой традиционной системы ценностей узбекского общества [11, с. 57–59]. В рекламных текстах семья выступает не только как адресат сообщения, но и как высшая ценность, ради которой осуществляется потребление. Слоган «Oilangiz uchun eng yaxshisi» («Лучшее для вашей семьи») отражает коллективистскую направленность узбекской лингвокультуры и подчёркивает социальную ответственность индивида перед семьёй [12, с. 74–76].

Особую роль в узбекском рекламном дискурсе играет религиозно-культурный компонент, выраженный через

концепт «halol». Употребление данной лексемы в рекламе продуктов питания и услуг связано с формированием доверия и ощущением моральной надёжности [12, с. 112–114]. В выражении «Halol mahsulot — sog'lom hayot garovi» реклама апеллирует не только к рациональной идее пользы, но и к глубинным религиозным представлениям о допустимом и недопустимом, встраиваясь в систему моральных координат культуры [11, с. 121–123].

Сопоставительный анализ русских и узбекских рекламных текстов позволяет выявить различия в способах препрезентации универсальных ценностей. Если в русской рекламе акцент делается на индивидуальных переживаниях, личном выборе и эмоциональной привлекательности, то в узбекской рекламе доминируют идеи социальной нормативности, коллективной идентичности и морального соответствия [6, с. 198–200]. Эти различия обусловлены особенностями национального менталитета и исторически сложившимися культурными моделями поведения.

Рекламный дискурс также активно использует прецедентные феномены и культурные стереотипы, обеспечивающие узнаваемость и интерпретируемость сообщения. Пословицы, устойчивые выражения, традиционные образы и символы выполняют функцию культурных маркеров, позволяющих адресату быстро соотнести рекламный текст с собственной картиной мира [6, с. 145–147]. Как подчёркивает С. Г. Тер-Минасова, успешная коммуникация возможна лишь при совпадении культурных кодов адресанта и адресата, что особенно актуально для рекламы как формы массового общения [8, с. 203–205].

По нашему исследованию можно сделать вывод, что рекламный дискурс представляет собой сложное и многослойное лингвокультурное образование, в котором язык функционирует как средство выражения культурных ценностей и одновременно как инструмент их формирования. Анализ рекламных текстов на русском и узбекском языках показывает, что реклама не только отражает существующую социокультурную реальность, но и активно участвует в её конструировании, задавая модели восприятия мира и социального поведения [7, с. 98–100]. Лингвокультурологическое изучение рекламного дискурса позволяет глубже понять механизмы взаимодействия языка, культуры и сознания и открывает перспективы для дальнейших сопоставительных исследований в области межкультурной коммуникации [1, с. 136–137].

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 2002. — С. 136–137.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 2001. — 416 с.
3. Воробьёв В. В. Лингвокультурология. — М.: РУДН, 2008. — 336 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
5. Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: УРСС, 2010. — 264 с.
6. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2009. — 284 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2010. — 208 с.

8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2008. — 624 с.
9. Кочеткова Т. В. Рекламный текст как объект лингвистического исследования. — М.: Флинта, 2011. — 184 с.
10. Романенко Л. А. Язык рекламы: лингвостилистический аспект. — М.: Наука, 2013. — 192 с.
11. Абдуллаев А. А. Язык и культура: лингвокультурологический аспект. — Ташкент: Университет, 2015. — 198 с.
12. Мирзаева Д. А. Лингвокультурные особенности узбекского медиадискурса. — Ташкент: Фан, 2020. — 186 с.

Вульгаризм, слюр и переход слов между пластами лексики

Кириленко Милана Васильевна, студент магистратуры
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Статья посвящена исследованию лексических изменений в языке, в частности, переходу слов из одного стилистического пласта в другой. Автор рассматривает классификацию лексики, предложенную И. Р. Гальпериным, который разделил лексику на литературный, нейтральный и разговорный пласти. Особое внимание уделяется разговорной лексике, включая вульгаризмы и слюры.

Ключевые слова: разговорная лексика, вульгаризм, слюр.

Лексика живого языка является вечно изменяющейся системой. Слова устаревают, на смену им приходят новые, причем зачастую заимствованные. Стилистически нейтральные слова приобретают дополнительные значения, становятся эмоционально окрашенными и переходят в разряд разговорной лексики. Из-за такой нестабильности попытки классификации лексики в целом и сниженной лексики в частности являются трудной задачей даже для самых выдающихся лингвистов. Ближе всех приблизился к ответу советский лингвист и лексикограф И. Р. Гальперин, предложив собственную классификацию пластов лексики. Он разделил всю лексику на три основных пласта — литературный, нейтральный и разговорный [1]. Главной особенностью его классификации является то, что он учел «текучесть» лексических единиц и отметил возможность их перехода из одного пласта в другой. Так, по его мнению, если изобразить три пласта лексики в виде диаграммы Венна, круги литературного пласта и нейтрального будут пересекаться, так же как и круги нейтрального пласта и разговорного.

И. Р. Гальперин далее разделяет разговорную лексику на распространённые разговорные слова и специальные разговорные слова. К специальным он причисляет слэнг, жаргонизмы, профессионализмы, диалектизмы, вульгаризмы и разговорные неологизмы [1].

Вульгаризм (лат. vulgaris — обычный; простой) — 1) Грубое слово или выражение, не принятное в литературном языке; 2) грубое, вульгарное слово, отвергаемое нормами языка и нравственности. В. нарушает чистоту речи. В художественных произведениях в отдельных случаях он может использоваться в целях речевой характеристики отрицательных героев [4].

Таким образом, вульгаризмы представляют собой вид разговорной лексики, который максимально удален от литературного и даже нейтрального пласта. Они часто подвергаются цензуре в виде визуального искажения

(напр. «ж**а»), а также заменяются либо звучным нейтральным словом (напр. «буй»), либо описанием (напр. «слово на х»).

Так, И. Р. Гальперин отмечает в качестве их основной характеристики грубоść, граничащую с непристойностью, а также крайнюю ограниченность в употреблении [2]. Вульгарные лексемы обладают очень сильной негативной эмоциональной окраской, неясным логическим значением и часто используются в качестве оскорблений, междометий, для выражения злобы, недовольства. Как правило, вульгаризмы не могут перейти в более высокий пласт лексики.

Примерно с середины прошлого века, с возникновением и бурным развитием различных общественных движений за права человека в зарубежных странах, активно изучались особенности притеснения уязвимых слоев населения. Лингвисты обратили внимание на конкретную группу слов, призванных унизить и оскорбить людей на почве их происхождения, социального статуса или идентичности — слюры [5]. Относительно недавно, благодаря сети Интернет, социальным сетям и общему повышению социальной вовлеченности молодежи, всё чаще употребляется заимствованный из английского языка термин «слюр» (англ. Slur).

Слюры (слуры) — это уничижительные слова, которые направлены на группы на основе расы, национальности, религии, гендера, сексуальной ориентации, иммигрантского статуса и других демографических признаков [3].

Слюры считаются одним из крайних проявлений вульгаризмов, являясь частью так называемого «языка вражды» — дискриминационной риторики, основанной на предрассудках.

Будучи неразрывно связанными с историческим, социальным, политическим, экономическим и культурным развитием страны носителей языка, слюры могут сильно

различаться в разных языках. Одна и та же по своей сути социальная группа может быть маргинализирована в разной степени в разных культурах, что влияет на ее обозначение в языке. Так, в силу относительно небольшого исторического взаимодействия между русскоязычными людьми и коренными американцами, в русском языке споры для этой этнической группы не образовались. С другой стороны, в отличие от русского языка, английский язык не содержит слов для, например, жителей Республики Дагестан из-за географического и культурного отдаления.

Также даже при наличии в двух языках похожих слов, часто не совпадает степень негативной коннотации и грубоcти. Так, английские споры *wop* и *dago* [6], применяемые в отношении этнических итальянцев (иногда испанцев), являются намного более грубыми оскорблениеми, чем русскоязычный вариант «макаронник».

Ранее было отмечено, что вульгаризмы, как правило, не переходят в нейтральный и литературный пласти лексики, однако это не является невозможным. Это длительный процесс, требующий десятилетий.

Так, примерно с конца XIX века по конец XX века в английском языке активно использовался слюр *queer* («странный, причудливый») как оскорбление на почве сексуальной ориентации. Затем, в 80-х и 90-х годах XX века активисты по правам человека начали использовать этот слюр как позитивное самообозначение, пытаясь отделить от него негативную коннотацию. В наши дни *queer* все еще считается устаревшим слюром, но все больше людей используют его как нейтральное обозначение. В русский язык это слово было заимствовано уже с нейтральной окраской — *квир*. Таким образом, хотя и не в полной мере, вульгаризм может изменить свой стилистический регистр и коннотацию.

Литература:

- Гальперин, И. Р. Лексикология английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. — М.: Высшая школа, 1999. — 296 с.
- Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках (серия «Библиотека филолога»), 1958. — 459 стр.
- Гладилин А. В. ТАБУ И СЛУРЫ / А. В. Гладилин // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 1 (29). — URL: [object Object] (Дата обращения 03.07.2025). — DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.13
- Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий [Текст] / Т. В. Жеребило — Изд. 6-е, испр. и доп. — Назрань: Пилигрим, 2016. — 610 с.
- Bolinger R. R. The Pragmatics of Slurs. / R. Bolinger R. // Nous. — 2017. — 51 (3). — p. 439–462.
- Cambridge dictionary [Электронный ресурс] — Режим доступа: www. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/> 30.06.2025 г.
- McCready E. Varieties of Conventional Implicature. / E. McCready // Semantics and Pragmatics. — 2010. — 3. — p. 1–57.

От английского к русскому: классификация и перевод терминологии в сфере искусственного интеллекта

Копаева Татьяна Валерьевна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлен анализ специфики перевода терминологии искусственного интеллекта. Эмпирическую базу исследования составляет книга Дж. Крона Deep Learning Illustrated. Методологической основой выступают приёмы калькирования, заимствования и описательного перевода. Выявлены основные трудности перевода: отсутствие эквивалентов в целевом языке и полисемия. Предложена комплексная классификация терминов (по области применения и степени абстракции), облегчающая их анализ и перевод. Результаты исследования имеют практическую ценность для разработки методик перевода и составления отраслевых глоссариев.

Ключевые слова: классификация терминов, научные термины, технические термины, общие термины, конкретные термины, абстрактные термины, лингвистика, искусственный интеллект.

Введение

В последние десятилетия искусственный интеллект (ИИ) стал одной из самых активно развивающихся областей науки и технологий. Искусственный интеллект и глу-

бокое обучение уже давно перестали быть просто модными терминами: они стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. От автоматического распознавания речи и изображения до работы чат-ботов и автономных автомобилей — эти технологии лежат в основе множе-

ства современных приложений. Однако, чтобы понять и внедрять такие сложные системы, требуется глубокое осмысление их теоретической базы. Понимание сложных концепций, таких как нейронные сети и алгоритмы машинного обучения, зависит не только от знаний в области математики и информатики, но и от точности и однозначности перевода специализированных терминов.

Целью данной статьи является рассмотрение специфики перевода ключевых терминов. Почему это важно? Точная передача значений терминов обеспечивает как адекватное понимание концепций, так и их правильное применение в профессиональной и научной деятельности.

Исторические и современные основы классификаций терминов

Идея классифицировать термины появилась в рамках развития терминоведения как науки. Одним из первых учёных, предложивших системный подход к изучению терминологии, был Д. С. Лотте. В своей работе «Основы построения научно-технической терминологии» он предложил разделять термины по их функциям, структуре и логическим связям, что позволило упорядочить и стандартизовать терминологию в различных научных и технических областях. Идея Лотте о классификации терминов включала распределение терминов по сферам применения и упорядочение терминов в рамках определённой системы знаний [6]. Классификация терминов, как отмечала А. В. Суперанская, позволяет не только выявить связи между понятиями, но и обеспечивает однозначность их использования в профессиональной среде [7].

Классификация терминов в области искусственного интеллекта началась с выделения ключевых понятий, связанных с этой наукой. Одним из первых, кто предложил систематизировать термины ИИ, был Джон Маккарти, создатель термина *artificial intelligence* («искусственный интеллект»). Он предложил концептуальные основы, которые легли в основу современного терминоведения в области ИИ. В 1956 году Маккарти выделил ключевые понятия, такие как *machine learning* («машинальное обучение»), *problem-solving* («решение задач»), *knowledge representation* («представление знаний»). Эти идеи легли в основу дальнейшей классификации терминов в области ИИ [9].

Важный вклад в классификацию терминов ИИ внесли Питер Норвиг и Стюарт Расселл, авторы фундаментального труда *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Они предложили классифицировать термины по областям применения (например, машинное обучение, робототехника, обработка естественного языка) и по типам задач (поиск, планирование, распознавание образов) [10].

В статье рассматривается объединение шести критериев в рамках одной классификации — это расширение уже существующих подходов, но в таком виде оно не встречается. Данная система учитывает как традиционные аспекты (происхождение, структура), так и современные (область применения, степень абстракции, семантика).

Практическая ценность работы заключается в подходе, который может быть особенно полезен в переводе научной литературы, где требуется учитывать контекст, происхождение термина и его семантическое значение. Несмотря на то, что каждая категория имела аналоги в предыдущих исследованиях, их объединение в единое целое можно считать новым вкладом в терминоведение.

Анализ специфики перевода терминов

При изучении перевода терминологии в научных и технических текстах, особенно в таких сложных областях, как глубокое обучение, выделяются категории терминов, которые помогают лучше понять их структуру и функциональное назначение. Этот анализ позволяет выявить общие черты терминологии и обеспечивает правильное применение в профессиональной и научной деятельности.

Классификация терминов может быть полезной для систематизации знаний и облегчения процесса перевода. Для анализа терминологии в данной статье рассматривается классификация по следующим признакам:

1. По области применения: научные термины, технические термины.
2. По степени абстракции: конкретные термины, абстрактные термины.

1. Классификация терминов по области применения

Терминосистема охватывает широкий спектр тем, поэтому термины можно классифицировать по их области применения. Это деление помогает лучше понять, где и как используется тот или иной термин, а также какие из них имеют узкоспециализированное или общее значение. **Научные термины** описывают фундаментальные концепции, которые связаны с математикой, статистикой и теоретической базой глубокого обучения. Они используются для объяснения принципов работы алгоритмов и моделей.

Рассмотрим пример использования терминов сферы ИИ в англоязычном контексте: *Artificial neural networks* (ANNs) dominate the field of representation learning today [8].

В приведённом выше примере термин *representation learning* («обучение представлениям») может вызвать затруднения из-за своей специфики. В русском переводе используется точный эквивалент, что сохраняет научную точность. Аббревиатура ANNs («Искусственные нейронные сети») расшифровывается и переводится полностью, что соответствует стандартам академического языка.

Armed with this brief history of neurons, we can define the term deep learning deceptively straightforwardly: Deep learning involves a network in which artificial neurons — typically thousands, millions, or many more of them — are stacked at least several layers deep [8] — в данном примере термин *deep learning* переведен путём дословного калькирования как «глубокое обучение», что является устоявшимся в русскоязычной литературе вариантом. Англо-

язычное выражение *stacked* во фразе *stacked at least several layers deep* дословно означает «сложены», но в русском языке это звучало бы громоздко. В данном случае использован описательный перевод, который сохраняет смысл. Перевод научных терминов требует глубокого понимания контекста. Например, термин *representation learning* должен быть точно передан как «обучение представлениям», чтобы избежать двусмыслиности.

Технические термины описывают реализацию алгоритмов и архитектур в программировании, специфичны для инженерии и технологий.

Например, термин *gradient descent* в предложении — *gradient descent is a handy, efficient tool for adjusting a model's parameters with the aim of minimizing cost, particularly if you have a lot of training data available [8]* — имеет устойчивый перевод на русский язык «градиентный спуск». Вместо заимствования термина *dropout*, который часто остаётся в английском варианте в научных текстах, использовано адаптированное понятие «прореживание». Что бы перевести фразу *Dropout is nevertheless an effective regularization technique, because it prevents any single neuron from becoming excessively influential within the network*, в данном контексте используется описательный подход, который раскрывает суть термина для русскоязычной аудитории, сохранив научную точность.

Технические термины, такие как *dropout* или *ReLU*, часто заимствуются без перевода. Однако для читателей без подготовки такие заимствования могут быть непонятны. Добавление описания помогает устранить эту проблему. Если прямой эквивалент отсутствует, используется калькирование. Например, *backpropagation* переводится как «обратное распространение ошибки», что делает термин понятным.

Научные термины чаще всего встречаются в теоретических разделах книги и используются для описания математических основ глубокого обучения. Технические термины появляются в практических разделах, где объясняются детали реализации и оптимизации моделей, а также в приложениях к реальным задачам, таким как компьютерное зрение. Такая иерархия позволяет эффективно работать с терминологией в зависимости от контекста и цели изучения.

2. Классификация терминов по степени абстракции

Классификация терминов по степени абстракции является полезным инструментом для понимания и систематизации терминологии в различных областях знания. Эта классификация позволяет обозначить уровень обобщенности и универсальности термина, что помогает лучше ориентироваться в его использовании и значении. Классификация включает основные категории: **конкретные термины и технические концепции**. Далее осуществляется более детальное рассмотрение каждой из указанных категорий. **Конкретные термины** обозначают конкретные алгоритмы, методы или архитектуры, физические объекты

или явления, процессы, которые можно непосредственно наблюдать и воспринимать. Они характеризуются четкостью и ясностью значений, позволяя легко представить их в реальном мире.

Например, при переводе предложения — *Together, a neuron's bias and its weights constitute all of its parameters: the changeable variables that prescribe what the neuron will output in response to its inputs [8]* — использовано калькирование термина *neuron* как «нейрон». Термин *feature* в предложении — *Feature engineering — the transformation of raw data into thoughtfully transformed input variables [8]* — переведён как «признак», что соответствует устоявшейся практике в области машинного обучения. А *feature engineering* переведено как «проектирование признаков», что точно передаёт суть процесса.

Технические концепции — это термины с максимальной степенью абстракции, которые часто применяются в научных и инженерных областях. Они могут представлять собой абстрактные принципы, теории или модели, которые служат основой для разработки технологий, анализов и методов.

Например, в предложении — *Central to the two computational methods that enable neural networks to learn — gradient descent and backpropagation — is the comparison of the rate of change of cost C relative to neuron parameters like weight w [8]* — *gradient descent* описывается как один из ключевых методов оптимизации, позволяющий обучать нейронные сети за счёт минимизации функции стоимости (*cost function*). *Gradient descent* переведён как «градиентный спуск» — это калькированный перевод, который широко используется в русскоязычной литературе по глубокому обучению. *Backpropagation* упоминается как второй ключевой метод, обеспечивающий вычисление градиентов для обновления параметров нейронной сети (например, весов *w*), и переведён как «обратное распространение». Термин калькирован, что делает перевод точным и соответствующим общепринятой практике. Полное название термина *backpropagation of error* («обратное распространение ошибки») опущено, так как в данном контексте оно не требуется. Оба термина — *gradient descent* и *backpropagation* — относятся к категории **технических концепций с максимальной степенью абстракции**, так как описывают методы, лежащие в основе обучения нейронных сетей.

Таким образом, классификация терминов по степени абстракции помогает формализовать способы мышления о языке и терминологии, позволяя лучше структурировать информацию и облегчать коммуникацию между специалистами в различных областях. Понимание степени абстракции термина важно для точности и адекватности общения, особенно в научной и технической среде

Заключение

Анализ перевода терминологии позволяет выделить ключевые аспекты, связанные с адаптацией тер-

минов в области искусственного интеллекта. Профессиональный перевод требует точности, сохранения контекстуальных значений и учёта культурных различий, чтобы обеспечить доступность и понимание текста для целевой аудитории.

Классификация терминов в области искусственного интеллекта по различным критериям (область применения, степень абстракции) позволяет систематизировать терминологию и облегчить её анализ. Такой подход даёт возможность не только углубить понимание ключевых понятий, но и выявить особенности их перевода и ис-

пользования в профессиональной среде. Результаты классификации подтверждают, что термины из области глубокого обучения и искусственного интеллекта обладают высокой степенью сложности и требуют внимательного подхода к переводу.

Предложенная классификация может быть использована для разработки рекомендаций по переводу терминологии и создания словарей в области искусственного интеллекта. Она также предоставляет основу для дальнейших исследований в области терминоведения и автоматизации перевода научно-технических текстов.

Литература:

1. Алексеев И. С. Теория перевода: Лингвистические аспекты/ И. С. Алексеев — М.: Высшая школа, 1977.
2. Канделаки Т. Л. Русская терминология: Опыт лингвистического описания/ Т. Л. Канделаки — М.: Наука, 1970.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие/ В. Н. Комиссаров — М.: ЭТС, 2002.
4. Крон Дж. Глубокое обучение в картинках. Визуальный гид по искусственному интеллекту/ Дж Крон, Г. Бейлевельд, А. Бассенс. — Питер, 2020.
5. Левинская Е. И. Перевод и межкультурная коммуникация/ Е. И. Левинская — СПб.: Союз, 1997.
6. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики/ Д. С. Лотте — М.: АН СССР, 1961. — С. 25–28
7. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории/ А. В. Суперанская — М.: Наука, 1989. — С. 48–53.
8. Krohn J. Deep Learning Illustrated: A Visual, Interactive Guide to Artificial Intelligence (Addison-Wesley Data & Analytics Series)/ J. Krohn, G. Beyleveld., A. Bassens — Addison-Wesley Professional, 2019.
9. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? / J. McCarthy — Stanford University, 1980. — С. 1–3.
10. Russell S. Artificial Intelligence: A Modern Approach/ S. Russell, P. Norvig — Pearson, 2010. — С. 56–60.

Функционирование англицизмов в художественных текстах современных русских авторов

Ниязметова Дилмира Шакировна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматриваются особенности функционирования англицизмов в художественных текстах современных русских авторов. Анализируется их роль в формировании художественной картины мира, создании речевой характеристики персонажей и передаче социокультурных реалий эпохи. Особое внимание уделяется семантической и стилистической адаптации англицизмов, а также их pragматическим функциям в художественном дискурсе. Материал исследования демонстрирует, что англицизмы в современной русской прозе выступают не только как средство номинации новых понятий, но и как выразительный стилистический приём, отражающий процессы глобализации и изменения языкового сознания.

Ключевые слова: англицизмы, художественный текст, современная русская литература, заимствованная лексика, стилистическая функция, языковая картина мира.

Functioning of anglicisms in fiction texts of contemporary Russian authors

The article examines the functioning of Anglicisms in the literary texts of contemporary Russian authors. It analyzes their role in shaping the artistic worldview, character speech representation, and the transmission of socio-cultural realities of the modern era. Special attention is paid to the semantic and stylistic adaptation of Anglicisms, as well as their pragmatic functions in literary discourse. The study shows that Anglicisms in modern Russian prose serve not only as a means of naming new concepts but also as an expressive stylistic device reflecting globalization processes and transformations in linguistic consciousness.

Keywords: anglicisms, literary text, contemporary Russian literature, loanwords, stylistic function, linguistic worldview.

Интенсивное проникновение англицизмов в русский язык является одной из наиболее заметных тенденций языкового развития конца XX — начала XXI века. Данный процесс обусловлен не только внешними социально-культурными факторами, такими как глобализация, развитие цифровых технологий, расширение международных контактов, но и внутренними механизмами языковой динамики, связанными с потребностью в номинации новых реалий и концептов. В художественной литературе англицизмы приобретают особый статус, поскольку они включаются в эстетически организованный текст и начинают выполнять не только номинативную, но и стилистическую, экспрессивную, социокультурную функции.

Лингвисты неоднократно подчёркивали, что художественный текст представляет собой особую форму существования языка, в которой отражаются глубинные процессы языкового сознания эпохи. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, художественная речь является «лабораторией языка», где языковые элементы проходят сложную семантическую и стилистическую переработку [Виноградов, 1980, с. 112–113]. В этом контексте англицизмы в художественной прозе следует рассматривать не как механическое заимствование, а как функционально мотивированный элемент авторской речевой стратегии.

Современные исследования заимствованной лексики указывают на то, что англицизмы в русском языке обладают высокой адаптационной способностью. Как отмечает Л. П. Крысин, заимствованные слова, попадая в систему языка-реципиента, «встраиваются в неё, подчиняясь её фонетическим, грамматическим и семантическим законам» [Крысин, 2004, с. 47]. В художественном тексте этот процесс осложняется авторским замыслом: писатель сознательно выбирает англицизм как средство художественной выразительности, акцентируя его инострannость или, напротив, демонстрируя его полную ассимиляцию.

Особенно активно англицизмы функционируют в произведениях, отражающих современную городскую культуру. Так, в прозе Виктора Пелевина англицизмы становятся важным компонентом языковой игры и средством моделирования постмодернистской картины мира. Использование слов типа *бренд*, *маркетинг*, *пиар*, *менеджер* не ограничивается номинативной функцией, а приобретает иронический и философский подтекст, подчёркивающий симулятивный характер современной реальности [Пелевин, 2010, с. 89–91]. Языкovedы справедливо отмечают, что подобные англицизмы в художественном тексте «работают» как знаки культурных мифов и идеологем эпохи [Караулов, 2012, с. 134].

Важной функцией англицизмов в художественной прозе является создание речевой характеристики персонажей. Как подчёркивает Е. А. Земская, лексический

выбор героя напрямую связан с его социальным статусом, возрастом, профессиональной принадлежностью и системой ценностей [Земская, 2001, с. 76]. В речи молодых персонажей, представителей креативных индустрий, бизнес-среды или цифрового пространства англицизмы используются естественно и часто без стилистической маркированности: *стартап*, *дедлайн*, *фриланс*, *контент*. В то же время в речи персонажей старшего поколения такие слова могут восприниматься как чужды, что создаёт эффект речевого и культурного конфликта.

Примером подобного противопоставления может служить современная реалистическая проза, в которой англицизмы используются для подчёркивания разрыва между традиционным и новым типами сознания. В текстах Людмилы Улицкой англицизмы, как правило, вводятся в контекст с осторожностью и часто сопровождаются авторской иронией или пояснением, что указывает на критическое отношение к бездумному заимствованию [Улицкая, 2015, с. 203–205]. Это подтверждает мысль Ю. Н. Караурова о том, что художественный текст отражает «иерархию ценностей языковой личности автора» [Караулов, 2010, с. 58].

Стилистическая функция англицизмов тесно связана с их экспрессивным потенциалом. В ряде случаев заимствованное слово используется намеренно вместо русского эквивалента для создания эффекта модности, иронии или дистанцирования. Как отмечает И. В. Арнольд, стилистическая окраска слова определяется не только его происхождением, но и контекстом употребления [Арнольд, 2012, с. 141]. В художественном тексте англицизм может выступать как маркер определённого дискурса — рекламного, медицинского, корпоративного, что позволяет автору включать в повествование элементы чужой речевой среды.

Особый интерес представляет семантическая трансформация англицизмов в художественном контексте. Заимствованные слова нередко расширяют или сужают своё значение по сравнению с исходным языком. Так, слово *лазер*, широко используемое в современной прозе, приобретает не столько буквальное значение «неудачник», сколько оценочно-социальный оттенок, связанный с системой успеха и конкуренции в массовом сознании [Крысин, 2008, с. 119]. В художественном тексте подобные слова становятся носителями культурных смыслов, выходящих за рамки словарного значения.

В работах М. М. Бахтина подчёркивается, что слово в художественном тексте всегда «чужое и своё одновременно», поскольку оно несёт на себе следы иных контекстов и голосов [Бахтин, 1979, с. 284]. Англицизмы особенно наглядно иллюстрируют данное положение: они сохраняют ощущение иноязычности, но при этом активно включаются в русскоязычную художественную ткань. Это двойственное положение позволяет использовать их как средство полифонии и интертекстуальности.

Следует отметить и оценочный аспект функционирования англицизмов. В современной художественной литературе они могут служить средством критики общества потребления, медиареальности и утраты национальной культурной идентичности. Писатели нередко намеренно перегружают текст заимствованной лексикой, создавая эффект речевой избыточности и демонстрируя тем самым духовную пустоту персонажей. Подобный приём отмечается в исследованиях Н. Д. Арутюновой, которая указывает, что оценка в художественном тексте часто реализуется через выбор языковых средств [Арутюнова, 1999, с. 211].

По нашему исследованию видно, что англицизмы в художественных текстах современных русских авторов выполняют многофункциональную роль. Они выступают не только как средство номинации новых реалий, но и как важный элемент стилистической организации текста, способ создания речевых портретов персонажей, выражения авторской позиции и отражения социокультурных процессов эпохи. Их использование в художественной прозе свидетельствует о глубинных изменениях языковой картины мира и о взаимодействии национальной языковой традиции с глобальными культурными тенденциями.

Функционирование англицизмов в художественном тексте подтверждает мысль о том, что язык литературы чутко реагирует на изменения общественного сознания, трансформируя заимствованные элементы в выразительное художественное средство. В этом смысле англицизмы становятся не признаком языковой деградации, а показателем живого развития языка, способного осмысливать и художественно переосмысливать вызовы современной реальности.

В лингвистике неоднократно подчёркивалось, что художественная речь допускает осознанные отступления от нормативности, если они мотивированы авторским замыслом. Как отмечает Г. О. Винокур, нарушение языковой нормы в художественном тексте может рассматриваться как стилистический приём, направленный на создание

выразительности и индивидуализацию речи [Винокур, 2000, с. 96]. В этом смысле англицизмы нередко выступают как маркеры стилистического эксперимента, демонстрирующие гибкость и открытость литературного языка.

Современные писатели активно используют гибридные образования, сочетающие элементы английского и русского языков. Такие образования, как *запостить*, *зачекинуться*, *залаикать*, представляют собой пример словаобразовательной адаптации англицизмов и свидетельствуют о высокой степени их интеграции в русскую языковую систему. Лингвисты подчёркивают, что подобные формы отражают процесс «вторичной деривации», при котором заимствованная основа становится продуктивной в языке-реципиенте [Крысин, 2004, с. 83]. В художественном тексте эти формы нередко используются для создания эффекта разговорности и достоверности речевой среды.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема читательского восприятия англицизмов. В художественном тексте заимствованная лексика может вызывать различные реакции — от ощущения актуальности и современности до чувства отчуждения и языковой перегруженности. Данный эффект часто используется авторами сознательно, как средство воздействия на читателя. Исследователи подчёркивают, что понимание художественного текста предполагает активную интерпретацию, в ходе которой читатель соотносит языковые элементы с собственным культурным и языковым опытом [Караулов, 2010, с. 91].

Таким образом, функционирование англицизмов в художественных текстах современных русских авторов является сложным и многоплановым явлением. Оно включает нормативный, стилистический, семантический, культурологический и прагматический аспекты. Англицизмы становятся не просто отражением языковой моды, а значимым инструментом художественного мышления, с помощью которого писатели осмысляют противоречия современной эпохи.

Литература:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского и русского языков. — М.: Флинта, 2012. — 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки славянской культуры, 1999. — 896 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
4. Валгина Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — 360 с.
6. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. — М.: Лабиринт, 2000. — 288 с.
7. Земская Е. А. Русская разговорная речь конца XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 432 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
9. Караулов Ю. Н. Активные процессы в современном русском языке. — М.: URSS, 2012. — 320 с.
10. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 2004. — 312 с.
11. Крысин Л. П. Современный русский язык: лексика и семантика. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 384 с.
12. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. — СПб.: Академический проект, 2002. — 544 с.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
14. Шмелёва Т. В. Речевая деятельность и жанры речи. — М.: КомКнига, 2006. — 216 с.
15. Яковлева Е. С. Англицизмы в современном русском художественном тексте // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2016. — № 4. — С. 112–121.

Терминология вязания: на перекрестке языка, культуры и перевода

Половинкина Марина Вячеславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Доборович Анна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В настоящее время заметно усиливается интерес общества к прикладным видам творчества. Рукоделие сегодня предоставляет человеку широкие возможности для творческого самовыражения и реализации художественных замыслов. Отличительной чертой современного этапа является не только возвращение к традиционным техникам, но и постоянное возникновение новых методов и технологий. Эта тенденция затрагивает и вязание, популярность которого значительно возросла, во многом благодаря активному распространению в интернет-пространстве [1]. Рост интереса к вязанию подтверждается большим количеством специализированных изданий — от печатных журналов и книг до многочисленных онлайн-ресурсов. Широкое распространение таких материалов, в свою очередь, способствует активному использованию и развитию специальной терминологии в данной области. Это делает изучение терминосистемы вязания особенно важной задачей, так как она представляет собой динамичный пласт лексики, отражающий современные культурные запросы и потребность в творчестве.

Специальная терминология играет ключевую роль в практике вязания. Она образует стройную систему понятий, необходимую для решения конкретных практических задач. Владение этой терминологией является обязательным условием для успешного освоения и совершенствования мастерства. Во-первых, знание терминов необходимо для работы со схемами и инструкциями, которые содержат специальные обозначения и общепринятые сокращения. Без их понимания корректное выполнение узора и техники вязания невозможно. Во-вторых, терминология служит инструментом для освоения новых, сложных техник. По мере роста мастерства расширяется и словарный запас вязальщика, а усвоение новых понятий становится неотъемлемой частью обучения [3]. В-третьих, термины выполняют важную коммуникативную функцию внутри сообщества, позволяя его участникам эффективно обмениваться опытом в блогах, на форумах и в социальных сетях [6, с. 175]. Несмотря на очевидную значимость, лексика вязания остается недостаточно систематизированной. Отсутствует единый словарь, охватывающий все термины, техники и материалы. Существуют лишь разрозненные гlosсарии, что осложняет исследование данной области. Таким образом, актуальной задачей является сбор, анализ и упорядочивание этой динамично развивающейся терминосистемы. Структура и смысл текста инструкции определяются его предписывающей функцией. Для выражения необходимости, обязательности и воздействия на читателя в этом жанре используется широкий набор языковых средств — от прямых повелительных форм до более сложных мо-

дальных и безличных конструкций. Стоит отметить, что способы передачи такой императивности, её сила и культурная уместность могут значительно различаться в зависимости от языковой традиции, отражая особенности национального общения [2, с. 98].

В то время как в науке детально исследованы потребительские, медицинские или технические инструкции, руководства по рукоделию, в частности по вязанию, долгое время оставались без внимания. Между тем этот жанр становится всё популярнее и обладает особыми языковыми и стилистическими чертами. Эти особенности связаны с тематикой, аудиторией и другими внешними фактами, напрямую влияющими на лексику и стиль. Важной отличительной чертой таких инструкций является активное использование визуального контента: фотографии и схемы не просто дополняют текст, а наглядно показывают каждый этап работы, становясь полноценной частью передачи смысла. Поскольку тематика — творчество и рукоделие — знакома широкой аудитории, в тексте обычно отсутствует узкоспециальная терминология и сложные описания. Лексика ограничивается устойчивыми терминами и сокращениями из области вязания. Существенную роль также играет гендерный фактор: так как основную аудиторию составляют женщины, в текст часто включаются элементы эмоционального воздействия, например оценочные эпитеты или олицетворения [4].

Основные трудности перевода инструкций обычно связаны с передачей специальной терминологии. Для этого могут использоваться такие стратегии, как описательный перевод, калькирование, смысловое преобразование или подбор готового эквивалента. Важно подчеркнуть, что выбор стратегии напрямую влияет на доступность текста для конечного пользователя. Инструкция, перегруженная узкими терминами без пояснений, не может считаться полностью понятной [5, с. 48]. То есть, успешный перевод инструкции требует от специалиста комплексного понимания жанрово-стилистических особенностей таких текстов. Ключевым моментом является осознание их двойственной природы: с одной стороны, они носят официально-деловой характер, а с другой — часто используются в бытовой, неформальной обстановке. Кроме того, важно учитывать двойную коммуникативную цель инструкции, которая одновременно информирует и предписывает последовательность действий [2, с. 97].

Вязание, имеющее древние корни и прошедшее многовековой путь развития от сакрального ремесла до глобальной индустрии и формы массового творчества [7, с. 193], сегодня переживает беспрецедентный всплеск популярности, во многом подпитываемый цифровыми сообществами и культурой handmade. Парадоксально, но

именно эта повсеместная распространённость и кажущаяся «обыденность» вязания привели к тому, что его лингвистическое измерение, сложноорганизованная терминосистема, остаётся на периферии академического интереса. Такое положение дел является значительным научным упущением, поскольку терминология вязания представляет собой исключительно богатый и многослойный объект для междисциплинарных исследований.

Научная ценность её изучения проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, она служит уникальной моделью для наблюдения за становлением и эволюцией профессионального языка. Его формирование шло не «сверху вниз», через стандартизацию, а стихийно, в практике миллионов мастеров, что отразилось в живой вариативности и региональных особенностях. Яркий пример — конфликт британской и американской систем наименований столбиков, где один и тот же элемент обозначается как «single crochet» и «double crochet» соответственно. Этот лингвистический дуализм, рождающий практические трудности, одновременно является бесценным свидетельством того, как разные культурно-коммуникативные традиции по-разному концептуализируют технический процесс [8, с. 31]. Во-вторых, терминосистема вязания выступает как полигон для исследования переводческих стратегий и культурной адаптации. От-

ветом русскоязычной традиции на упомянутую путаницу является создание собственной логичной системы «столбик с N накидами», что есть способ терминологической рационализации, преодоления неоднозначности. Анализ таких решений, как перевод «cable knitting» образным «вязание косами» или адаптация «garter stitch» в «платочную вязку» через замену культурной реалии, раскрывает глубинные механизмы «одомашнивания» иностранного профессионального знания. В-третьих, эта лексика представляет собой живую карту культурных заимствований и глобализационных процессов. Такие термины, как «амигуруми» (яп.), «брюшь» (фр.), «миссони» (ит.), мигрируя в другие языки практически без изменений, маркируют волны моды, технологические инновации и пути культурного обмена между мастерами разных стран и континентов.

Таким образом, изучение терминологии вязания далеко не узкоспециальная задача. Это окно в понимание того, как язык обслуживает и формирует практическое знание, как он преодолевает межъязыковые барьеры и как в микроформате профессиональной лексики отражаются процессы культурной истории и глобализации. Игнорирование этого пласта лишает исследователей целого пласта данных, имеющих значение для лингвистики, терминоведения, переводоведения и культурологии.

Литература:

1. Алексеевских, А. Россияне стали больше вязать: Почта Банк: траты россиян на пряжу и спицы выросли на 41 % за январь — ноябрь / А. Алексеевских. — Текст: электронный // Газета.ru: [сайт]. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/12/13/24609608.shtml> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Киндеркнехт А. С. Текст инструкции в переводческом освещении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — №. 4–3. — С. 97–99.
3. Лежнина, Е. Говорим на одном языке: Вокабуляр рукодельницы от А до Я / Е. Лежнина. — Текст: электронный // Aura Yarns: [сайт]. — URL: <https://aurayarns.ru/tpost/ts9vfa5ys1-govorim-na-odnom-yazike-vokabulyar-rukod> (Дата обращения: 25.09.2025).
4. Степанченко, А. А. Особенности перевода текстов жанра инструкций по рукоделию / А. А. Степанченко, Э. В. Пиванова. — Текст: непосредственный // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». — Ставрополь, 2014.
5. Сундуев, А. А. Использование переводческих трансформаций при передаче текста инструкций / А. А. Сундуев. — Текст: непосредственный // Инновационные подходы в решении научных проблем: Сборник трудов по материалам II-Международного конкурса научно-исследовательских работ. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. — С. 44–49.
6. Юсупова, Л. Г. Особенности профессиональной лексики и её отличие от терминов / Л. Г. Юсупова, Г. Х. Казыханова. — Текст: непосредственный // Достижения вузовской науки. — 2016. — № 21. — С. 175–178.
7. Degeniene V. Knitting in the History of Fashion // Arts and music in cultural discourse. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. — 2014. — P. 192–199.
8. Manthey K. Crocheting For Dummies / K. Manthey, S. Brittain, J. A. Holetz. — 2nd ed. — Indianapolis: Wiley Publishing, Inc., 2010. — 419 p.

Трудности перевода англоязычного подросткового онлайн-дискурса в условиях цифровой коммуникации

Самбиева Марха Исановна, студент
Московская международная академия (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности англоязычного подросткового онлайн-дискурса и связанные с ними трудности перевода на русский язык. Особое внимание уделяется языковым средствам, характерным для цифрового общения подростков, таким как сленг, сокращения, неологизмы, мемы и нарушение традиционных грамматических норм. Подчёркивается роль культурного контекста и возрастной специфики в процессе интерпретации и перевода подобных текстов. Анализ показывает, что буквальный перевод часто приводит к искажению смысла и утрате экспрессивной окраски высказывания. В статье обосновывается необходимость использования адаптивных и функциональных переводческих стратегий, направленных на сохранение коммуникативного эффекта и стилистической адекватности перевода.

Ключевые слова: подростковый онлайн-дискурс, цифровая коммуникация, перевод, сленг, культурный контекст, переводческие стратегии.

Challenges in translating English-language teenage online discourse in digital communication

The article examines the distinctive features of English-language teenage online discourse and the translation challenges associated with rendering it into Russian. Particular attention is paid to linguistic elements typical of adolescent digital communication, including slang, abbreviations, neologisms, memes, and deliberate deviations from standard grammatical norms. The study emphasizes the importance of cultural background and age-related factors in the interpretation and translation of such texts. The analysis demonstrates that literal translation often results in semantic distortion and loss of expressive meaning. The article argues for the use of adaptive and functional translation strategies aimed at preserving the communicative impact and stylistic adequacy of the target text.

Keywords: teenage online discourse, digital communication, translation, slang, cultural context, translation strategies.

Стремительное развитие цифровых технологий существенно изменило характер межличностной коммуникации, особенно в подростковой среде. Социальные сети, мессенджеры, видеоплатформы и онлайнигры стали основными каналами общения, в рамках которых формируется особый тип речевого поведения — подростковый онлайндискурс [1; 2]. Данный вид дискурса отличается высокой степенью неформальности, экспрессивности и креативности, а также активным использованием языковых средств, не закреплённых в нормативных словарях [1; 3]. В англоязычном пространстве эти процессы протекают особенно интенсивно, что оказывает значительное влияние на глобальную интернеткоммуникацию [1].

Англоязычный подростковый онлайндискурс представляет собой сложный объект для перевода, поскольку он объединяет в себе элементы разговорной речи, интернетсленга, неологизмов, аббревиатур и культурно обусловленных аллюзий [1; 4]. Для подростков подобные языковые средства выполняют не только коммуникативную, но и идентификационную функцию, позволяя обозначить принадлежность к определённой социальной группе [1; 5]. В процессе перевода данные особенности нередко утрачиваются, что приводит к снижению выразительности текста и искажению его pragматического смысла [4].

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей ролью англоязычного контента в жизни

русскоязычных подростков, а также расширением сферы его перевода — от субтитров и дубляжа до локализации социальных сетей и онлайнплатформ [1; 3; 6]. Несмотря на активный интерес к интернетдискурсу в целом, подростковая онлайнкоммуникация остаётся недостаточно изученной с точки зрения переводоведения [1; 4]. В большинстве случаев перевод подобных текстов осуществляется интуитивно, без учёта возрастных, культурных и социолингвистических факторов, что подчёркивает необходимость их системного анализа [4].

Целью данной статьи является выявление и анализ основных трудностей перевода англоязычного подросткового онлайндискурса на русский язык.

Англоязычный подростковый онлайн-дискурс формируется в условиях постоянного взаимодействия пользователей в цифровой среде и отражает особенности возрастного мышления и социальной самоидентификации подростков [1; 2]. Он отличается высокой динамичностью, фрагментарностью и ориентацией на быстрый обмен информацией. Подростковая коммуникация в интернете характеризуется неформальностью, свободой самовыражения и стремлением к созданию групповой идентичности.

Особенность дискурса заключается в том, что язык выполняет не только коммуникативную, но и идентификационную функцию: использование сленговых выражений, мемов и эмодзи позволяет подросткам продемон-

стрировать принадлежность к определённой субкультуре [2; 5]. Даные особенности делают перевод сложным, так как многие элементы теряют свой эмоциональный и социальный контекст при переносе на русский язык.

Лексические особенности и трудности их перевода:

Подростковый онлайн-дискурс богат сленгом, неологизмами и сокращениями [1; 3]. Эти языковые единицы часто имеют эмоциональную или ироническую окраску и могут изменять смысл в зависимости от контекста. Например, слово *cringe* в американском подростковом интернете передаёт чувство неловкости, но может быть использовано в ироническом или гиперболическом смысле, что делает буквальный перевод малоэффективным [1].

Особую сложность составляют аббревиатуры (*idk*, *ngl*, *fr*), сокращения и акронимы, характерные для мессенджеров и социальных сетей [2]. Они экономят время, создают эффект неформальности и эмоционального окраса, а при переводе требуют использования адаптации или функционально близких эквивалентов на русском языке, чтобы сохранить естественность текста [3; 4].

Нарушение грамматических норм:

Подростки в интернете сознательно нарушают грамматику для усиления экспрессивности и создания «разговорного» эффекта. Примеры включают конструкции типа *Не be like...* или сокращения *gonna*, *wanna* [4; 7]. Эти отклонения от нормы не являются ошибками в традиционном понимании, а выполняют pragматическую функцию — передают эмоции, иронию или выделяют говорящего в группе.

Для переводчика задача состоит в том, чтобы сохранить экспрессивность и неформальный стиль, не искажая смысл. Буквальное воспроизведение таких конструкций часто воспринимается как неправильный или искусственный русский язык.

Роль культурного контекста:

Ключевым аспектом является влияние культурного фона на понимание подростковых выражений. Мемы, отсылки к фильмам, блогерам, песням и интернет-трендам играют важную роль в передаче значения [5; 6]. Например, выражение *main character energy* в англоязычной среде связано с образом «главного героя» в повествовании и имеет положительную оценочную окраску. При переводе необходимо либо подобрать культурный аналог, либо объяснить смысл через адаптацию, чтобы передать эффект исходного текста.

Примеры и их анализ:

Пример 1: *That video was low-key cringe.*

Перевод: Это видео было немного кринжовым [1; 3].

Пример 2: *Idk why he did that, ngl.*

Перевод: Я не понимаю, зачем он так сделал, если честно [2; 4].

Литература:

- Горячева О. Н. Молодёжный сленг как социальное явление // Социополитические науки. — 2023. — № 13(2). — С. 51–54. DOI:10.33693/2223009220231324450. (journals.rcsi.science)

Пример 3: *She really has main character energy.*

Перевод: Она реально ведёт себя как главный герой [5].

Пример 4: *He be acting weird lately.*

Перевод: Он в последнее время ведёт себя очень странно [4; 7].

Пример 5: *I'm dead*

Перевод: Я умираю от смеха [6].

Пример 6: *This ain't it, chief.*

Перевод: Это вообще не то [1; 5].

Анализ показывает, что прямой или буквальный перевод не передаёт ни эмоциональной окраски, ни культурного контекста. Наиболее эффективным является функциональный подход, использование компенсации, адаптации и описательного перевода.

Наиболее успешными считаются следующие стратегии [1; 2; 4]:

1. Функциональный эквивалент — сохранение смысла и эффекта высказывания, а не дословной формы.

2. Адаптация — подбор аналогов в целевой культуре (например, *main character energy* → «ведёт себя как главный герой»).

3. Компенсация — перенос экспрессии на другое место текста для сохранения эмоциональной окраски.

4. Частичное заимствование — использование англицизмов там, где прямого аналога нет (кринж, хайп).

Эти стратегии позволяют передать подростковый стиль, эмоциональную окраску и pragматический эффект высказывания, обеспечивая адекватность перевода для целевой аудитории.

Анализ показывает, что перевод англоязычного подросткового онлайн-дискурса — сложная задача. Подростковая коммуникация характеризуется сленгом, неологизмами, мемами, эмодзи и нарушением грамматики [1; 2; 4]. Буквальный перевод не передаёт эмоциональной окраски и культурного контекста, поэтому необходимо применять функционально ориентированные стратегии: адаптацию, компенсацию, функциональный эквивалент и частичное заимствование [1; 2; 4].

Примеры из цифрового подросткового дискурса показывают, что переводчик должен учитывать лексические, грамматические и культурные особенности, а также коммуникативные цели автора [5; 6]. Использование предложенных стратегий позволяет сохранить экспрессивность, идентификационную функцию языка и адекватность перевода для целевой аудитории [7; 8].

Таким образом, успешный перевод подросткового онлайн-дискурса требует языковой компетенции, социокультурного анализа и творческого подхода к интерпретации высказываний. Полученные выводы полезны для переводческой практики и преподавания английского языка в цифровую эпоху.

2. Муратбаева Р. Интернетсленг и его влияние на речевую культуру подростков // Modern Science and Research. — 2024. — Vol. 3, No. 4. — P. 366–369. DOI:10.5281/zenodo.10969487. (inlibrary.uz)
3. Белецкая Е. В., Клинкова Д. А., Дудкина А. Г. Литературный язык vs интернетсленг: сравнительный анализ // Logos. — 2024. — Т. 3, № 139. — С. 162–179. DOI:10.35231/25419803_2024_3_162. (lengu.ru)
4. Toshpulatova D. Modern virtual discourse: gaming slang as an element of virtual communication // Nordic_Press. — 2024. (research.nordicuniversity.org)
5. Suminar R. P. Translation strategies of American teenagers' slang: a descriptive analysis // Journal of Languages and Language Teaching. — 2023. — Vol. 12, No. 3. — P. 45–60. DOI:10.33394/jollt.v12i3.10009. (e-journal3.undikma.ac.id)
6. Mehdiyeva T. Exploring the translation of colloquial expressions: a sociolinguistic perspective // Acta Globalis Humanitatis et Linguarum. — 2025. — Vol. 2, No. 5. — P. 69–77. DOI:10.69760/aghel.0250050006. (egarp.lt)
7. Raximberdiyeva M. The influence of youth slang on modern communication: trends and impacts // Journal of Applied Science and Social Science. — 2025. — Vol. 15, No. 09. — P. 109–113. (internationaljournal.co.in)
8. Yan X. A Systematic Review on English Translation of Internet Buzzwords // Academic Journal of Humanities & Social Sciences. — 2025. — Vol. 8, Issue 3. — P. 72–77. DOI:10.25236/AJHSS.2025.080311. (francis-press.com)

Будущее языкового перевода в эпоху искусственного интеллекта

Сун Янь Янь, кандидат педагогических наук, директор института иностранных языков
Шаньдунский транспортный университет (г. Цзинань, Китай)

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена стремительным развитием искусственного интеллекта и проникновением его во все сферы деятельности человека, в том числе и в межъязыковую коммуникацию, что содействует глобальной культурной интеграции и экономическому сотрудничеству стран мира. Цель исследования — изучить особенности применения инструментов перевода с помощью искусственного интеллекта. Для достижения поставленной цели проведен всесторонний анализ проблем применения искусственного интеллекта для межъязыковой коммуникации. Предметом исследования является совокупность изучаемых признаков, среди которых внимание уделено мультимодальности, персонализированности, интеграции технологий машинного и ручного переводов в единую форму. Рассматриваются текущее состояние и различные аспекты практики применения искусственного интеллекта в языковом переводе. Произведен анализ преимуществ применения искусственного интеллекта для языкового перевода и выделены вызовы, с которыми сталкиваются при этом специалисты-лингвисты. Произведена попытка сделать прогнозы по перспективам развития интеллектуальных средств перевода. Подчеркивается, что комплексное рассмотрение технологий и инструментов перевода с помощью искусственного интеллекта, учет рыночных потребностей и социального влияния открывает благоприятные перспективы роста межъязыковой коммуникации, несмотря на наличие серьезных вызовов для пользователя.

Ключевые слова: искусственный интеллект, языковой перевод, ручной перевод, машинный перевод, интеллектуальные помощники перевода, программы-переводчики.

Future of Language Translation in the Era of Artificial Intelligence

The relevance of the issue under consideration is conditioned by the rapid development of artificial intelligence and its penetration into all spheres of human activity, including interlingual communication, thus contributing to global cultural integration and economic cooperation among the countries of the world. The research objective is to study the features of artificial intelligence translation tools. In order to achieve this goal, a comprehensive analysis of the problems of applying artificial intelligence for interlingual communication has been carried out. The research subject is the set of studied features among which attention is paid to multimodality, personalization, integration of the machine and manual translation technologies into a unified form. The current state and various aspects of the practice of artificial intelligence application in language translation are reviewed. The advantages of artificial intelligence application in language translation are analyzed and the challenges faced by linguists are highlighted. An attempt has been made to make predictions on the prospects for the development of intelligent translation tools. It is emphasized that a comprehensive consideration of AI-assisted translation technologies and tools, taking into account market needs and social influences provides favorable prospects for the growth of interlingual communication, despite the presence of serious challenges for the user.

Keywords: artificial intelligence, language translation, computer-assisted translation, CAT, intelligent translation assistants, translation programs.

Введение

В настоящее время с ускорением процесса глобализации все более очевидной становится важность языкового перевода. Возникновение искусственного интеллекта придало беспрецедентный импульс развитию языкового перевода. Несмотря на неоспоримые удобства, которые предоставляют для межъязыковой коммуникации инструменты перевода, связанные с искусственным интеллектом, они могут создать пользователю определенные проблемы, как, например, этические аспекты перевода или степень соответствия перевода стандартам специалистов-переводчиков. Как отмечают многие исследователи, в последнее время в области машинного перевода были достигнуты значительные успехи, обусловленные его возросшей значимостью, вызванной необходимостью осмысления огромного массива информации, доступной в Интернете на нескольких языках [1–3].

Эффективность машинного перевода по оценкам специалистов повысилась значительно благодаря скорости работы компьютеров и развитию аппаратных компонентов, а также широкому распространению одноязычных и двуязычных данных [4]. Так, к примеру, впервые в 2001 году в качестве автоматической метрики для оценки машинного перевода был предложен индекс BLEU, описанный в исследовательском отчете IBM [5].

Позднее, искусственный интеллект в связке с машинным переводом в контексте переводческого бизнеса упоминается все чаще и чаще, а в октябре 2024 года компания Facebook AI представила новую систему машинного перевода M2M-100 с 15 млрд параметров, которая способна переводить с одного языка на другой напрямую, не используя английский в качестве промежуточного [6].

По заявлению Facebook AI, новая система стала первой многоязычной моделью машинного перевода, которая способна осуществлять переводы между парами из ста

языков. Модель обучали на наборе данных из более чем 7,5 млрд предложений как из базы Facebook, так и из других источников. При разработке использовали инструмент CommonCrawl, который поддерживает открытый репозиторий данных веб-сканирования, и систему классификации текстов FastText, которую в Facebook представили несколько лет назад [6].

Таким образом, за период менее чем в 25 лет, технологии машинного перевода в связке с искусственным интеллектом совершили квантовый скачок в своем развитии. Необходимо также отметить, что лингвистическая индустрия в настоящее время специалистами оценивается как растущий рынок, в котором применение ИИ скорее дополнит, чем заменит существующие рабочие процессы, технологии и человеческие навыки [7]. Учитывая влияние меняющегося экономического ландшафта, рост лингвистической отрасли прогнозируется и далее (рис.1).

Тщательное исследование будущего направления развития языкового перевода в эпоху искусственного интеллекта имеет огромное практическое значение для продвижения межъязыковой коммуникации, содействия культурной интеграции и экономического сотрудничества. Целью проводимого исследования является анализ особенностей применения инструментов перевода с помощью искусственного интеллекта в эпоху цифровых технологий. Для достижения поставленной цели проведен всесторонний анализ проблем применения искусственного интеллекта для межъязыковой коммуникации и вызовов, которые несет пользователям языковой перевод с применением искусственного интеллекта.

Методы и материалы. Временные рамки экспериментальной части работы: август–ноябрь 2024 г. Исследование проводилось с целью аналитической оценки применения искусственного интеллекта в области языкового перевода. Для достижения поставленной цели произведен анализ применяемых технологий и инструментов перевода с по-

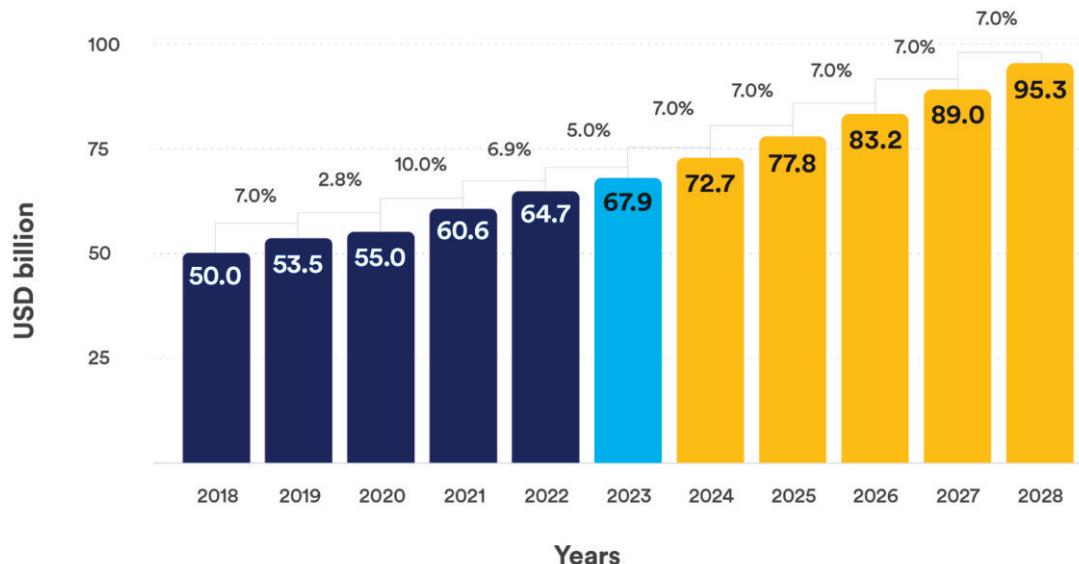

Рис. 1. Динамика роста лингвистической отрасли 2018–2023 и прогноз на 2024–2028 [7]

мощью искусственного интеллекта, а также отмечены возникающие препятствия и возможные способы их преодоления на пути межъязыковой коммуникации. Теоретическим объектом исследования является машинный перевод, а предметами исследования являются современные средства и инструменты машинного перевода с использованием технологии искусственного интеллекта.

Результаты

Аналитическое исследование проводилось по следующим этапам:

1. Проведение анализа современных средств и инструментов машинного перевода с использованием технологии искусственного интеллекта;
2. Выполнение обзора преимуществ перевода с помощью искусственного интеллекта;
3. Критическая оценка возможных проблем, которые сможет встретить пользователь при переводе с помощью искусственного интеллекта.

На первом этапе обзор литературных источников подтвердил, что в настоящее время применение искусственного интеллекта в области языкового перевода становится все более востребованным и интенсивно развивающимся. Наиболее активно новые инструменты и технологии в области искусственного интеллекта внедряются в сферу машинного перевода, как отмечает ряд исследователей этого направления [1, 8–10].

Так, исследователи перевода с китайского на другие языки отмечают, что системы машинного перевода, основанные на нейронных сетях, значительно улучшились за последние три года, а качество перевода между распространенными языковыми парами улучшилось значительно [9–12, 14].

Китайские исследователи отмечают в своих работах, искусственный интеллект, построенный на алгоритмах глубокого обучения, используемый в онлайн-переводчиках Google Translate и Baidu Translate научились анализировать языковые модели и закономерности из огромных объёмов анализируемых текстов и уже сейчас могут быстро и точно осуществлять перевод [10–13].

Также отмечается, что в сценариях бизнес-переговоров машинный перевод может предоставить первоначальные переводческие ссылки для людей, что экономит значительный объём затрат времени и усилий. В экономическом аспекте применение развитых технологий машинного перевода позволит привнести существенную экономию, поскольку только по оценкам Генеральной дирекции Европейской комиссии по письменному переводу (Directorate-General Translation — DGT) ежегодно этой организации на письменный перевод расходуется более 20 миллионов евро [3].

Среди современных средств и инструментов машинного перевода с использованием искусственного интеллекта выделим две основных технологии: интеллектуальные помощники перевода и голосовой перевод. Интеллектуальные помощники перевода предоставляют

пользователю такие возможности, как автоматическая проверка грамматики в режиме реального времени и одновременная выдача пользователю рекомендации по лексике в соответствии с контекстом при вводе текста, что является удобным сервисом. При этом интеллектуальные помощники перевода могут интегрироваться с различными устройствами и программным обеспечением, повышая тем самым качество итогового варианта перевода. На мобильных устройствах интеллектуальные помощники перевода могут сочетаться с приложениями для мгновенного обмена сообщениями, реализуя перевод содержания чатов в режиме реального времени и тем самым облегчая международное общение людей на разных языках.

Развитие технологии голосового перевода позволяет людям осуществлять перевод посредством голосового ввода, что значительно повышает эффективность и удобство перевода. Системы голосового перевода могут распознавать различные языковые акценты, точно преобразовывать голос в текст и осуществлять перевод. Например, во время международных путешествий туристы могут использовать программы голосового перевода для общения с местными жителями, преодолевая языковой барьер, что приносит удобство в жизнь людей.

На втором этапе исследования были обобщены преимущества машинного перевода с помощью искусственного интеллекта.

Во-первых, перевод с помощью искусственного интеллекта обладает высокой эффективностью и может обрабатывать большое количество текстов за короткое время, удовлетворяя непосредственные потребности межъязыковой коммуникации. Например, в областях новостных сообщений и перевода интернет-контента искусственный интеллект может быстро перевести большое количество информации на разные языки, позволяя глобальным читателям своевременно узнавать различные новости.

Во-вторых, точность переводов неуклонно и постоянно повышается. Благодаря глубокому обучению и тренировке на больших объёмах анализируемых текстов искусственный интеллект может лучше понимать семантику и контекст языка, предоставляемые более точные результаты перевода. Например, при переводе профессиональной литературы искусственный интеллект может точно перевести профессиональные термины и сложные структуры предложений, оказав мощную поддержку академическим исследованиям и профессиональному общению.

Третье преимущество заключается в поддержке множества языков, одновременно используемых при переводе. Перевод с помощью искусственного интеллекта может удовлетворить потребности межъязыковой коммуникации в глобальном масштабе, играя важную роль как в переводе между распространенными языковыми парами, так и в переводе между малоизвестными языками. Например, некоторые новые малоизвестные языки, такие как хауса, суахили и т. п., также могут получить определенную степень перевода с помощью искусственного ин-

теллекта, способствуя общению и сотрудничеству между различными странами и регионами [1, 2, 4, 5, 10–12, 21, 22].

На третьем этапе проводимого исследования рассмотрены грядущие вызовы, с которыми может столкнуться потенциальный пользователь перевода с помощью искусственного интеллекта. Важно отметить, что с одной стороны, существует проблема в понимании семантики. Хотя искусственный интеллект добился прогресса на уровне грамматики и лексики, ему все еще трудно точно понять сложные семантические отношения языка, поскольку значение языка часто зависит от таких факторов, как контекст и культурный фон [10, 12, 15–17].

Например, в предложениях с метафорами и каламбурами искусственный интеллект часто не может точно понять их истинное значение и легко делает ошибки в переводе [18–20]. С другой стороны, обработка, выявление и сглаживание культурных различий и языковых подтекстов является довольно сложной задачей даже для ручного перевода и зависит от квалификации и уровня переводчика. Естественно, что за разными языками стоят различные культурные коннотации, и искусственный интеллект еще недостаточно гибок в обработке культурных различий, в ряде случаев приводя к неточным или неуместным результатам перевода [1, 11, 13, 21]. Например, при переводе некоторых конкретных культурных обычаях и пословиц необходимо учитывать культурный контекст, чтобы точно передать их смысл, чего искусственный интеллект пока не может интерпретировать корректно [20, 22, 23].

Кроме того, по сравнению с ручным переводом, перевод с помощью искусственного интеллекта недостаточно креативен и гибок. Например, при литературном переводе, особенно при переводе поэзии, искусственный интеллект достаточно корректно и быстро улавливает общий смысл произведения, но недостаточно точно передает оригинальность авторского стиля и литературный рисунок произведения, поэтому машинный перевод зачастую кажется шаблонным и недостаточно изящным [24–26].

Еще одна проблема, с которой может столкнуться пользователь при использовании искусственного интеллекта в машинном переводе, заключается в ресурсоёмкости, что объясняется потребностью в значительных вычислительных мощностях и требует значительных массивов обрабатываемых данных позволяя анализировать сложные языковые закономерности. Тем не менее, уже сейчас разработанные цифровые модели повышают точность перевода за счет выделения приоритетных компонентов текста и эффективно обрабатывают последовательные данные, несмотря на трудности, связанные с длинными последовательностями и сложностью реализации [1, с. 23].

Тем не менее, анализируя тенденции развития языкового перевода в эпоху искусственного интеллекта, можно отметить, что в обозримом будущем машинный перевод с помощью искусственного интеллекта будет глубоко интегрироваться с ручным переводом. Преимущества руч-

ного перевода в понимании семантики, адаптации к культуре и творческом выражении в сочетании с высокой эффективностью перевода с помощью искусственного интеллекта образуют более качественный режим перевода. Например, при переводе сложных научных материалов международных специализированных конференций на первом этапе перевода можно использовать искусственный интеллект для предоставления первоначального, чернового перевода, а затем переходить к ручной проверке и улучшению качества перевода, обеспечивая точность и полноту улавливания лингвистических нюансов. Такая технология как сочетание машинного перевода и постредактирования (РЕМТ) рассматривается сейчас как особо перспективное направление в отраслевом переводе и демонстрирует многочисленные примеры успешных результатов [14].

Системы перевода ожидаемо продолжат развиваться в направлении персонализации и улучшения качества индивидуализированных результатов перевода в соответствии с контекстом и ситуативным сценарием. Например, для бизнесменов система перевода может предоставить точный перевод профессиональных терминов и стандартизированное выражение в соответствии с особенностями их отрасли и профессиональными потребностями, а для туристов система перевода может предоставить более неформальный перевод.

Мультимодальный перевод также становится отдельным направлением развития, поскольку машинный перевод, охватывающий голосовую и визуальную информацию, а также прочие мультимодальные данные, будет способствовать лучшей межязыковой коммуникации. Например, при переводе видео можно не только переводить субтитры, но и использовать технологию распознавания изображений для перевода описаний сцен и названий объектов в видео, обеспечивая более полное понимание ситуационного контекста.

Технологии искусственного интеллекта предоставляют новые возможности для развития перевода малоизвестных языков, повышая качество и эффективность их перевода на часто употребимые языки. Например, путем создания объемов текстов малоизвестных языков и оптимизации алгоритмов перевода искусственный интеллект может лучше служить общению и сотрудничеству стран и регионов, использующих малоизвестные языки.

Заключение

Проведенное аналитическое исследование современных средств и инструментов машинного перевода с использованием технологии искусственного интеллекта позволило выявить открывающиеся возможности и возникающие вызовы для языкового перевода в эпоху глобализации.

Перевод с помощью искусственного интеллекта уже сейчас отличается высокой эффективностью, точностью и поддержкой множества языков, но все еще ну-

ждается в улучшении понимания семантики, обработке культурных различий и творческом выражении. Обзор последних достижений в области машинного перевода показывает широкий спектр новых подходов и идей, которые значительно повышают точность и эффективность, а также беглость перевода.

Продвинутые техники, такие как языковое моделирование и встраивание слов улучшают семантическое понимание в зависимости от больших обучающих наборов данных. В будущем перевод с помощью искусственного интеллекта ожидаемо будет развиваться совместно с ручным переводом, предоставляя персонализированные и мультимодальные услуги перевода. Через посто-

янные инновации и совершенствования искусственный интеллект сыграет более важную роль в межъязыковой коммуникации и содействии глобальной культурной интеграции и экономическому сотрудничеству.

Критическая оценка возможных проблем, которые сможет встретить пользователь при переводе с помощью искусственного интеллекта показала, что они вполне преодолимы, поскольку обработка искусственным интеллектом больших систем и возможность улавливания лингвистических нюансов позволит преодолеть существующие ограничения и в полной мере использовать возможности машинного перевода с использованием искусственного интеллекта во всемирной коммуникации.

Литература:

1. Mohamed Y., Khanan A., Bashir M., Mohamed A., Adiel M., Elsadig M. The impact of artificial intelligence on language translation: a review. *IEEE Access*, 2024, 12: 25553–25579. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2024.3366802>.
2. Asudani D. S., Nagwani N. K., Singh P. Impact of word embedding models on text analytics in deep learning environment: a review. *Artif. Intell. Rev.*, 2023, 56: 10345–10425. <https://doi.org/10.1007/s10462-023-10419-1>
3. Машинный перевод — реформатор мировой экономики. URL: <https://d-russia.ru/mashinnyyj-perevod-reformator-mirovoj-ekonomiki.html> (дата обращения: 05.11.2024). [Machine translation is a reformer of the global economy. (In Russ.) URL: <https://d-russia.ru/mashinnyyj-perevod-reformator-mirovoj-ekonomiki.html>]
4. Mondal S. K., Zhang H., Kabir H. M. D. et al. Machine translation and its evaluation: a study. *Artif Intell Rev*, 2023, 56: 10137–10226. <https://doi.org/10.1007/s10462-023-10423-5> 5. Lan W. The impacts and challenges of artificial intelligence translation tool on translation professionals
5. SHS Web Conf., 2023, 163: 02021 <https://doi.org/10.1051/shsconf/202316302021>
6. B Facebook AI продемонстрировали прямой машинный перевод с одного языка на другой. URL: <https://habr.com/en/news/524238/> (дата обращения: 04.11.2024). [Facebook AI demonstrated direct machine translation from one language to another. (In Russ.) URL: <https://habr.com/en/news/524238/>
7. The 2024 NIMDZI 100. State of the Language Industry URL: <https://www.nimdzi.com/nimdzi-100-top-lsp/01-state-of-the-language-industry/> (дата обращения: 05.11.2024).
8. Zhang M. Development and application of modern machine translation technology. Publishing House of Electronics Industry, 2023. (in Chinese)
9. Wang L. The role of intelligent translation assistants in cross — language communication. *Research on Language Technology*, 2024, 3: 12–35. (in Chinese)
10. Li Q. Innovation and application of speech translation technology. Machinery Industry Press, 2024. (in Chinese)
11. Liu H. Advantages and application prospects of artificial intelligence translation. *Translation Studies*, 2024. 2: 22–45. (in Chinese)
12. Zhao Y. Challenges and solutions of artificial intelligence translation. *Language and Culture*, 2024. 4: 55–78. (in Chinese)
13. Sun M. Development trends of language translation in the era of artificial intelligence. *Frontiers of Science and Technology and Translation*, 2024, 1: 33–50. (in Chinese)
14. Jia Y., Carl M., Wang X. Post-editing neural machine translation versus phrase-based machine translation for English-Chinese. *Machine Translation*, 2019. 33: 9–29. <https://doi.org/10.1007/s10590-019-09229-6>
15. Samarina I., Starodubtseva, I. I. Translation techniques in the official style (on the material of business contracts and agreements). *The Humanities and Social Sciences*, 2020. 82(5): 229–237. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-82-5-229-237>
16. De Martino J. M., Silva I. R., Marques J. G. T. et al. Neural machine translation from text to sign language. *Univ Access Inf Soc*, 2023. <https://doi.org/10.1007/s10209-023-01018-6>
17. Zhao Y., Zhang J., Zong, C. Transformer: A general framework from machine translation to others. *Mach. Intell. Res.* 2023. 20: 514–538. <https://doi.org/10.1007/s11633-022-1393-5>
18. Idrsy E. I., Hourri F.Z., Miqdadi S., E., et al. Unlocking the language barrier: A Journey through Arabic machine translation. *Multimed Tools Appl*, 2024. <https://doi.org/10.1007/s11042-024-19551-8>
19. Li J., Jin R., Paik JY., Chung TS. Neural machine translation with an awareness of semantic similarity. In: Liu, F., Sadanandan, A.A., Pham, D.N., Mursanto, P., Lukose, D. (eds) PRICAI 2023: Trends in Artificial Intelligence. PRICAI 2023. Lecture Notes in Computer Science, 2024. 14326. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7022-3_20

20. Cui S., Duan K., Ma W. et al. Does multimodal machine translation can improve translation performance? *Neural Comput & Applic*, 2024.36: 13853–13864. <https://doi.org/10.1007/s00521-024-09705-y>
21. Lalrempuui C., Soni B. Extremely Low-resource Multilingual Neural Machine Translation for Indic Mizo Language. *Int. j. inf. tecnol.* 2023. 15: 4275–4282. <https://doi.org/10.1007/s41870-023-01480-8>
22. Wang H. Machine translation based on neural network: a case study of est translation. In: Zhang, Y., Shah, N. (eds) *Application of Big Data, Blockchain, and Internet of Things for Education Informatization*. BigIoT-EDU 2023. Lecture Notes of the Institute for Computer Sciences, Social Informatics and Telecommunications Engineering, 2024. 582. https://doi.org/10.1007/978-3-031-63136-8_2
23. Chen M. Trust, understanding, and machine translation: the task of translation and the responsibility of the translator. *AI & Soc*, 2024. 39: 2307–2319 (). <https://doi.org/10.1007/s00146-023-01681-6>
24. Ma Q. Research on English–Chinese machine translation shift based on word vector similarity. *Artif Life Robotics*, 2024. 29: 585–589. <https://doi.org/10.1007/s10015-024-00964-5>
25. Wang B. et al. Mongolian-Chinese neural machine translation based on sustained transfer learning. In: Huang, DS., Si, Z., Zhang, Q. (eds) *Advanced Intelligent Computing Technology and Applications*. ICIC 2024. Lecture Notes in Computer Science, 2024. 14877. https://doi.org/10.1007/978-981-97-5669-8_25
26. Horbach A., Pehlke J., Laarmann-Quante R. et al. Crosslingual content scoring in five languages using machine-translation and multilingual transformer models. *Int J Artif Intell Educ*, 2023. <https://doi.org/10.1007/s40593-023-00370-1>

Антитеза как стилистический прием в создании языковой игры в идиостиле Сергея Довлатова

Тирон Владимир Октяевич, старший преподаватель
Мелитопольский государственный университет (Запорожская область)

Статья посвящена анализу антитезы как одной из ключевых стилистических фигур, используемых в творчестве Сергея Довлатова. Антитеза, основанная на контрасте, является важным элементом идиостиля писателя, отражая парадоксальность его мышления. В статье рассматриваются различные виды антитезы, такие как синкрисис, акротеза, алойоза, амфитеза и альтернеза, каждая из которых выполняет свои функции в создании выразительности и об разности художественной речи.

Ключевые слова: антитеза, синкрисис, акротеза, алойоза, амфитеза, альтернеза.

Антитеза — одна из наиболее употребляемых стилистических фигур, построенных по принципу контраста. Контрастность считается одной из доминирующих черт идиостиля С. Довлатова, поскольку она выражает парадоксальность его мышления. Контраст, по мнению Г. В. Петровой, «даёт возможность мастеру слова привлекать к канве литературно-художественного повествования языковые средства, которые проявляют необходимую экспрессивность и образность и реализуют авторские задачи, связанные с раскрытием диалектики душ героев и с наиболее рельефным изображением фрагмента действительности» [8, с. 117].

Антитезу в нашем исследовании, следуя А. П. Квятковскому, определяем как «стилистическую фигуру контраста, заключающуюся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, мыслей или понятий для усиления выразительности в художественной речи» [4, с. 40].

Антитеза опирается на языковую и контекстуальную антонимию: «Основная стилистическая функция антонимов — быть лексическим средством выражения антитезы» [2, с. 61]. Реализация антитезы возможна «как

в пределах одного предложения, так и в составе больших отрезков высказывания» [1, с. 242].

Антитеза в прозе С. Довлатова представлена такими разновидностями, как синкрисис, акротеза, амфитеза, алойоза, альтернеза.

Синкрисис доминирует в идиостиле писателя. Такой тип антитезы «является наиболее ярким проявлением способа противоположности принципу контраста, который усиливается переносными наименованиями и, факультативно, грамматической конструкцией» [3, с. 10]. Приведем пример из ранней прозы С. Довлатова: «Когда-то мы скакали верхом. А сейчас плецемся в троллейбусных завоях. И спим на ходу. Когда-то мы спускались в погреб. А сейчас бежим в гастроном» [5, Т.1, с. 71–72].

Следующим по частоте употребления характерным типом антитезы в ранней прозе является акротеза. Суть акротезы заключается в подчеркнутом утверждении одного из признаков или явлений реальной действительности в результате отрицания противоположного. Синтаксической особенностью акротезы является то, что один из её компонентов сочетается с отрицательной частицей *ни* (*не*).

В рассказе «Ослик должен быть худым» фиксируем несколько примеров акротезы в комической функции: «Например, Вы сможете переплыть реку? — Да, сэр. — Главное — плыть не вдоль, а поперек. Джон Смит кивнул, давая понять, что считает это замечание ценным;» или: «— Меня будут пытать? — спросил Джон Смит. Майор искренне расхохотался. — Мы такими делами не занимаемся. Вы не в гестапо, а в советском учреждении» [5, Т.1, с. 78].

Следующим, часто употребляемым в зрелой прозе С. Довлатова типом антитезы является алойоза. Выделяют определенные особенности алойозы: она «состоит в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета»; в алойозе «нет резкого противопоставления двух реальностей или признаков» [7].

Алойоза часто выполняет текстотворческую функцию. Например, в повести «Чемодан» целая глава построена на использовании развернутой антитезы: «Эта глава — рассказ о принце и нищем. В марте сорок первого года родился Андрюша Черкасов. В сентябре этого же года родился я; Николай Константинович Черкасов был замечательным артистом и депутатом Верховного Совета. Мой отец — рядовым театральным деятелем и сыном буржуазного националиста; Талант Черкасова восхищались Питер Брук, Фелини и Де Сика. Талант моего отца вызывал сомнение даже у его родителей; Черкасова знала вся страна как артиста, депутата и борца за мир. Моего отца знали только соседи как человека пьющего и нервного; У Черкасова была дача, машина, квартира и слава. У моего отца была только астма; У Андрюши была заграничная коляска. У меня — отечественного производства; Черкасовы жили в правительственном доме на Кронверкской улице. Мы — в коммуналке на улице Рубинштейна; Его окружали веселые, умные, добродушиные физики. Меня — сумасшедшие, грязные, претенциозные лирики. Его знакомые изредка пили коньяк с шампанским. Мои — систематически употребляли розовый портвейн» [5, Т.3, с. 417–425].

Для воплощения отличий, максимального противопоставления героя-рассказчика (его отца, образа жизни его семьи) и семьи знаменитого актера Николая Черкасова использованы узуальные антонимичные пары: принц «богатый» — нищий, заграничная — отечественная, изредка — систематически. В большинстве случаев противопоставление актуализируется благодаря контекстуально обусловленным антонимам: март — сентябрь, коньяк с шампанским — розовый портвейн, веселые, умные, добродушиные физики — сумасшедшие, грязные, претенциозные лирики и др.

Ещё один тип антитезы — амфитеза — активно участвует в создании языковой игры в произведениях зрелого периода. Амфитеза позволяет в предельно сжатой форме охарактеризовать предмет или явление полностью, «показать компоненты как крайние проявления немалого количества» [3, с. 11]. Включается и средняя звено, если оно есть. Структурная особенность этой фигуры заключается в использовании пары однородных членов предложения,

соединённых либо одиночным, либо повторяющимся союзом и [6, с. 131].

Амфитеза особенно показательна при характеристике персонажей. Приведём несколько примеров: «Был он нелепым и в доброте своей, и в злобе» [5, Т.2, с. 251]. С помощью амфитезы автор пытается дать общую характеристику человеку, о котором в тексте говорится так: Что он за личность, я так и не понял [там же]. Акцент в амфитезе сделан на крайностях: доброта — злоба — противоположных качествах персонажа. Сочетание их в одном предложении позволяет автору выразить то противоречивое впечатление, которое производил Михал Иваныч своими поступками.

Языковая игра в зрелой прозе С. Довлатова иногда строится на альтернезе. В этом типе антитезы реализуются отношения взаимного исключения, то есть две идеи в альтернезе представлены как альтернативные и взаимоисключающие. Структура альтернезы предполагает сочетание антонимов, которые выступают как однородные члены предложения, разделительными союзами: или; или..., или; либо; либо..., либо; то ли..., то ли.

Например, для создания комического эффекта в примере: «По дорожкам гуляли больные в одинаковых серых халатах. Халаты были либо слишком велики, либо чересчур малы. Как будто высоким людям специально навязали маленькие размеры. А низеньким и щуплым — огромные» [5, Т.2, с. 341].

Суть акротезы заключается в утверждении одной из характеристик предмета или явления путем отрицания противоположной. Акротеза не частотна в произведениях зрелого периода творчества С. Довлатова.

Например, комический эффект в следующем предложении формирует акротеза, усложненная каламбуром (здесь также вступает в игру зевгматическое сочетание выделенных слов со словами, обозначающими отнюдь не однородные понятия: «в женщине и в книге»): «Очевидно, мой брат все еще руководствовался юношеской доктриной: «В женщине и в книге главное не форма, а содержание!» [5, Т.2, с. 401].

Семантическая классификация антитезы предполагает два компонента: узуальную антитезу и оказиональную (смысловую) антитезу. Узуальная антитеза строится на контрасте языковых антонимов. А оказиональная антитеза основана на глобальном понимании антонимии, то есть в основе контраста лежат контекстуальные антонимы.

С. Довлатов в равной мере использует как узуальную, так и оказиональную антитезу. Но оказиональные антонимы в структуре антитезы, как показал анализ, имеют большую выразительность и смысловую нагрузку.

Таким образом, антитеза чаще всего используется писателем для создания языковой игры. В раннем творчестве писатель отдает предпочтение таким её типам, как синкрисис и акротеза. В прозе зрелого периода антитеза становится одним из главных механизмов создания языковой игры. Автор прибегает к синкрисису, алойозе и амфитезе. Реже используются альтернеза и акротеза. Все

виды антитезы служат различным целям: созданию комической характеристики персонажей, формированию афористических высказываний, подчеркиванию различий между персонажами и главным героем (поведателем).

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. 623 с.
3. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М.: Наука, 1974. 195 с.
4. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. 254 с.
5. Довлатов С. Д. Собрание сочинений в 4-х томах. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. Т. 1. 464 с.; Т. 2. 576 с.; Т. 3. 544 с.; Т. 4. 480 с.
6. Егорченко О. Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 18 с.
7. Земская Е. А. Речевые приемы комического в советской литературе. Исследования по языку советских писателей. М., 1959. С. 215–278.
8. Константинова С. К. Олицетворение в художественном тексте: семантический и грамматический аспекты: дис.... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 223 с.

Алойоза используется в текстообразующей функции, альтернеза иллюстрирует слабую и сильную альтернативу чего-либо и т. д. Антитеза во многих случаях коррелирует с каламбуром и зевгмой.

Образ Обломова среди персонажей русской литературы

Хнычкова Евгения Андреевна, студент магистратуры
Воронежский государственный педагогический университет

Статья посвящена исследованию образа Ильи Ильича Обломова, центрального персонажа романа И. А. Гончарова. Анализируется символичность фамилии и имени героя, подчёркиваются характерные черты, присущие угасающему патриархальному дворянству России середины XIX века. Рассматриваются причины возникновения феномена «обломовщины» и его отражение в других знаковых фигурах русской литературы, таких как Евгений Онегин, Григорий Печорин, персонажи чеховских рассказов и другие. Подчёркивается внутренняя конфликтность и дилемма Обломова, заключающаяся в сочетании внутренней доброты и духовного богатства с внешней пассивностью и апатией. Выделяются ключевые качества, определяющие сущность облика Обломова и его влияние на формирование представления о русском национальном характере.

Ключевые слова: Обломов, патриархальное дворянство, обломовщина, тип лишнего человека, противоречивость образа, социальный кризис, национальные особенности

Oblomov's image among the characters of Russian literature

Keywords: Oblomov, patriarchal nobility, Oblomovism, the type of the superfluous man, contradictory image, social crisis, national characteristics

Илья Ильич Обломов — центральный персонаж романа И. А. Гончарова. Писатель стремился, создавая этот образ, продемонстрировать типичные черты угасающего патриархального дворянства России и проникнуть в некоторые тайны русской души. В лице Обломова Гончаров представляет один из последних образов «лишнего человека» в русской литературе. Характер и личность героя раскрываются через воспоминания о детстве, описание внешности, систему персонажей

и взаимосвязи с другими действующими лицами произведения.

Говорящая фамилия Обломова (происходящая от слов «обломиться», «ломаться») указывает на его сломленность жизнью, неспособность противостоять трудностям. Имя и отчество — Илья Ильич — подчёркивают замкнутость, завершённость бездеятельного существования предков в этом герое. Возможно, ассоциация с былинным богатырем Ильей Муромцем, до 33 лет лежавшим непо-

движно на печи, подсказала Гончарову имя персонажа. Однако Обломов проходит обратный путь: свою богатырскую силу он предаёт забвению, предпочитая диван могиле. В произведении подчёркивается: «Это был мужчина лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, с приятной внешностью, темно-серыми глазами, но без определенной мысли, сосредоточенности в чертах лица. Мысль блуждала по лицу, мелькала в глазах, касалась губ, пряталась во лбу, а затем исчезала, и тогда лицо освещалось беспечностью. Беспечность передавалась в позы тела и даже в складки халата» [5].

Обломов стал символом лени, апатии и безразличия к жизни, предаваясь пустым размышлениям и мечтам. Обломовщина — это синоним умственной и физической лени, пассивного отношения к жизни [4, с. 47]. Несмотря на то, что образ часто воспринимается как отрицательный, Гончаров наделяет Обломова душевностью, добротой и моральной чистотой: «в основе натуры Обломова лежало чистое, светлое и доброе начало, полное глубокой симпатии ко всему хорошему» [4, с. 113]. Портрет Обломова противоречив: «приятная наружность» сочетается с «отсутствием определенной идеи»; мягкость движений и изящество — с изнеженностью [2]. По словам Штольца, Обломов «проспал свои недуги»: «обрюзг не по летам», у него «сонный взгляд», «дряблые щеки» [3].

Обломов предстаёт перед читателем как человек мечтательный, любящий размышления, а также ленивый и равнодушный. Его тяга к удобствам и неготовность к действиям приводят к угасанию его жизненных сил и утрате инициативы. В Обломове отражён кризис дворянства в России в середине XIX века, обусловленный отсутствием чётких целей и сложностями в адаптации к меняющимся социальным условиям [5].

Обломов стал олицетворением внутреннего кризиса целого поколения русской интеллигенции, растерявшей жизненные ориентиры. Автор демонстрирует упадок человеческого духа, вызванный бездельем и отречением от активной роли в обществе. Однако Гончаров выделяет в герое не только отрицательные черты, но и положительные: отзывчивость, искренность и душевное тепло.

Обломов находит своё место среди других знаковых героев русской литературы, например, Онегина и Печорина. Эти образы отражают общее настроение в среде русской интеллигенции в период перемен, когда старые ценности рушились, а новые ещё не обрели форму [6, с. 52]. Каждый из этих героев представляет собой определённый этап в развитии национального самосознания, выявляя внутренние противоречия и конфликты своего времени.

Главные черты Обломова: мягкое сердечие, душевная доброта, склонность к мечтам, отсутствие силы воли и инициативности. Персонаж отличается резким контрастом между прекрасным внутренним миром и внешней апатичностью. Именно эта двойственность превратила Обломова в архетипического героя, воплотившего своеобразие русской психологии и социального уклада второй половины XIX столетия.

Гончаров создал образ, ставший символом слабоволия и бездеятельности русского дворянина-помещика, живущего лишь ностальгией по прошлому и несбыточными надеждами на будущее [6, с. 54].

В сравнении с энергичными личностями русской литературы, такими как Пьер Безухов («Война и мир») Льва Толстого или Евгений Базаров («Отцы и дети») Ивана Тургенева, становится очевидным, как глубоко укоренился культ пассивности в российском обществе того времени.

С помощью образа Обломова Гончаров выявляет проблему не только отдельного человека, но и всего сословия, постепенно утрачивающего своё историческое предназначение.

Среди выдающихся героев русской литературы XIX века можно выделить несколько ключевых фигур, чьё сходство или контраст помогает глубже понять роль Обломова: Евгений Онегин — разочарованный жизнью аристократ, также называемый первым русским интеллигентом с симптомами апатии [6, с. 53–54]. Главный герой романа «Герой нашего времени» Печорин — противоречивая личность, исполненная внутренних конфликтов и сомнений, стремящийся к приключениям, но отчуждённый от общества. Базаров — радикально противоположный Обломову тип — энергичный нигилист, отвергающий любую традицию.

При анализе образов, вдохновлённых личностью Ильи Ильича Обломова, важно рассмотреть черты характера и жизненные пути героев, которые перекликаются с гла-венствующими мотивами обломовского типа: безразличием к происходящему вокруг, инертностью, апатией и стремлением к невозмутимости.

Образ **Евгения Онегина**, который разочарован в жизни, находится в поиске жизненной цели, предаётся размышлениям и самокопанию. Как и Обломов, страдает от ощущения внутренней опустошённости и отсутствия значимых целей. Обособленность от общества и близких делает его фигуру близкой к образу Обломова. Более деятельный внешне, демонстрирует высокий уровень образованности и эрудиции, однако внутренние противоречия препятствуют полноценной самореализации.

Рудин — романтик-мечтатель, склонный к философствованию, чьи возвышенные идеалы не выдерживают столкновения с реальностью. Подобно Обломову, вдохновляет окружающих интеллектом и умением рассуждать, но на практике оказывается неспособным претворять идеи в жизнь [6, с. 56]. Образ Рудина активно проявляет себя в обществе, стремится к реализации честолюбивых замыслов, но постоянно сталкивается с ограничениями собственного характера.

Червяков из рассказа «Смерть чиновника» является заурядным чиновником, охваченным страхом перед возможным наказанием и самобичеванием. Жизнь Червякова пронизана нескончаемыми переживаниями и опасениями, он сам становится жертвой мелочных проблем, что напоминает пассивность Обломова. Несмотря на общую внутреннюю слабость, Червяков менее сосре-

доточен на себе, его страхи имеют преимущественно внешний характер.

Продолжая рассматривать героев А. П. Чехова, а именно **Беликова**, то следует выделить образ скрупулёзного учителя греческого языка, избегающего каких-либо перемен и новаторства. Беликова роднит с Обломовым боязнь внешнего мира, замкнутость и стремление к обособленной жизни. Обломов грезит о свободе и гармонии, в то время как Беликов предпочитает безопасность ограничений и условностей.

В рассказе «Дама с собачкой» **Гуров** — мужчина средних лет, привыкший избегать серьёзных обязательств и ответственности. Проявляется в привычке героя к поверхностному существованию, избеганию глубоких чувств и переживаний, что схоже с обособленностью Обломова. Несмотря на схожесть пассивной жизненной позиции, Гуров способен испытывать сильные эмоции, хоть и с опозданием осознавая свою ошибку.

Беспечный и поверхностный молодой человек, использующий наивность окружающих в своих целях — характеристика Хлестакова, где яркая демонстрация беспомощности и эгоцентризма, отдельные проявления которых можно увидеть и в образе Обломова. Герой более озабочен личной выгодой, в то время как Обломов руководствуется в большей степени нравственными принципами.

Исходя из выделенных персонажей русской литературы, можно отметить основные черты обломовского типа:

1. Отсутствие интереса к деятельности и работе;
2. Уклонение от общественных обязанностей и личностного развития;
3. Внутренняя неудовлетворённость и ощущение бесцельности существования;
4. Отчуждение от внешнего мира и погружение в свои фантазии.

Эти персонажи акцентируют внимание на значимости рассмотрения комплекса проблем, обусловленных внутренними факторами, приводящими к духовной деградации и общественной стагнации. Таким образом, каждый из них расширяет наше понимание феномена «обломовщины» в русской литературе и социуме.

Литература:

1. Алексеев, Ю. Г. Об одной точке зрения на роман И. А. Гончарова «Обломов» в свете философии Юнга / Ю. Г. Алексеев // Человек в культуре России: мат-лы VIII Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. — 2000. — С. 64–65.
2. Голованова, С. О. Образ Обломова в одноимённом романе И. А. Гончарова // Современные научные исследования и инновации / С. О. Голованова, Е. М. Шамина, А. С. Мочалова, А. И. Торопова — 2018. — № 12 — URL: <https://web.sciencedirect.com/science/article/pii/S240568961830012X> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров — М.: Дрофа. 2010. — 562 с.
4. Добролюбов, Н. А. Что такое обломовщина? В кн.: Русская литературная критика 1860-х годов / Н. А. Добролюбов — М.: Просвещение. 2013. — 314 с.
5. Мальцева, Т. В. Авторская стратегия самоидентификации героя в романе И. А. Гончарова «Обломов» / Т. В. Мальцева // Пушкинские чтения. — 2011. — № XVI. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-strategiya-samoidentifikatsii-geroya-v-romane-i-a-goncharova-oblomov> (дата обращения: 13.11.2025).

Перед читателем романа «Обломов» встаёт извечный вопрос: положительный или отрицательный образ русского человека рисует нам автор. Илья Ильич при всей широте души и гуманизме достаточно холоден к внешнему миру, который представляют гости в начале романа. Эту холодность можно также отнести к человеку русскому. Обломов холоден к гостям, однако принимает каждого, хотя мог бы и отказаться от общения. Герою не хватает поддержки, он ищет помощи в каждом из знакомых, но так как никто не интересуется делами.

Русский человек всю жизнь ищет счастье, перед этим все равны. Однако автор подчёркивает, что при всей иронии по отношению к Обломову, при всех поисках себя и лежебокости, именно он обретает счастье. Именно его большое сердце поражает всех вокруг. Счастье — это своеобразно, но оно настояще. Прагматичный Штольц, сравниваемая автором со статуей Ольга, не познали этого. Поэтому что культ чувства одерживает победу над разумом. Обломову удаётся жить душой, а это и есть величайшая способность русского человека [5].

Судьба героя, с одной стороны, может показаться комичной, с другой же стороны — безусловно, трагичной. Русский человек новой эпохи стоит на пороге сильных перемен в стране и в жизни каждого. Совсем скоро отменят крепостное право, что перевернёт весь быт и уклад всей страны. В романе рисуются настроения усталости народа. Границы между служой Захаром и барином — стираются. Мы знаем, что друг без друга они оба не смогут, однако недовольство и поучения со стороны слуги допустимы, присутствуют не только для того, чтобы показать всю слабость крепостника, но и нарастающую силу народа [2].

Образ Обломова является уникальным инструментом художественного анализа человеческой души и общественных процессов в русской культуре. Через призму этого образа мы можем пролить свет на истоки интеллектуальной стагнации и социального упадка России XIX века. Этот яркий, многогранный персонаж прочно утвердился в русском литературном каноне, став типичным примером уникального сочетания таланта и слабости, добродетели и пороков, свойственных российскому обществу того времени.

6. Смирнова, О. А. Роман «Обломов» и дискуссия о его герое в XIX-начале XX века как источник изучения специфики понимания русского национального характера / О. А. Смирнова — Вестник Оренбургского государственного университета, 2011. — С. 52–58.
7. Угаров, М. Смерть Ильи Ильича / М. Угаров — Электронный ресурс. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=28291&p=1&> (дата обращения: 27.11.2025).

Лингвистические особенности языковой личности с позиции оценки эмотивных компетенций

Чобану Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ромашина Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье автор исследует языковую личность с позиции оценки эмотивных компетенций.

Ключевые слова: языковая личность, эмоции, компетенция.

В последние десятилетия проблема языковой личности, или лингвистической идентичности, стала темой исследования многих как российских, так и зарубежных ученых-лингвистов. Данная проблематика затрагивается в рамках таких дисциплин, как социолингвистика, лингводидактика, психолингвистика и многие другие.

Огромный вклад в изучение языковой личности внес известный советский и российский лингвист Ю. Н. Карапулов. Исследователь считал, что **языковая личность** — это человек с определенным набором особенностей, характеристик и способностей. **Языковая личность** создает и воспринимает речевые произведения (тексты), которые различаются по конкретной целевой направленности, по степени структурно-языковой сложности, точности и глубине отражения действительности [5; с.42].

В настоящее время структура языковой личности представляет собой **трехуровневую модель**, которая основывается на иерархии планов: **высший** (прагматический или мотивационный уровень, или прагматикон), **средний** (лингвокогнитивный уровень или семантikon) и **самый низший** (вербально-семантический, или, как его еще называют, вербально — грамматический уровень или лексикон).

Рассматривая **типологию языковых личностей**, следует акцентировать внимание на тех, которые ученые-лингвисты выделили в соответствии с основанием ее характеристики: этносемантическая личность С. Г. Воркачева; типы личностей homo ludens Т. А. Гридиной; русская языковая личность Ю. Н. Карапурова; диалектная языковая личность В. Н. Лютиковой; полилектная («многочеловеческая») и идиолектная («частночеловеческая») личности В. П. Нерознак; элитарная языковая личность О. Б. Сиротининой, Т. В. Кочеткова; языковая и речевая личность Ю. Е. Прохорова, Л. П. Клобуковой; словарная языковая личность В. И. Карасика; и т. д.

Т.о. **языковая личность**, на наш взгляд, — сложный феномен, включающий в себя социально отфильтрованное

и индивидуальное знание языка и владение им. Несмотря на активное изучение современной лингвистикой феномена языковой личности, далеко не все ее составляющие охарактеризованы во всей полноте их функциональной презентации. В частности, множество споров возникает в области эмотивной компетенции ЯЛ.

Категория эмотивности пронизывает все сферы и ситуации речевой коммуникации, ведь любая деятельность человека неизбежно будет обладать каким-либо эмоциональным подтекстом, что привносит в лексику некий «едва уловимый оттенок», который порой весьма существенно влияет на восприятие конечного смысла сказанного. а потому эмотивность находится в центре понимания языковой личности.

Следовательно, чтобы коммуникация была успешной, ЯЛ нужно обладать большим запасом знаний и умений: управлять собственными эмоциями, правильно обозначать их, передавать свой эмоциональный настрой, подбирать такие языковые средства, которые не заденут чувств собеседника, считывать эмоции собеседника, адекватно на них реагировать, владеть стратегиями и тактиками по сглаживанию конфликтов и т. п.

В. И. Шаховский даже ввел понятие *homo sentiens*, то есть, человек эмоциональный или **эмоциональная языковая личность**. С помощью языка *homo sentiens* может кодифицировано выражать, скрывать, имитировать, симулировать, описывать и называть свои эмоции, по-разному их эксплуатировать. [9; с.32]

Поэтому мы предлагаем, рассматривать ЯЛ еще и с позиции эмотивной компетентности коммуникантов: такие знания, умения и навыки, которые позволяют им отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию в процессе коммуникации для повышения ее эффективности. Иными словами, речь идет о коммуникативной характеристики языковой личности *homo sentiens*.

Она включает:

- 1) знание общих лингвокультурных кодов эмоционального общения
- 2) знание эмоциональных доминант этих кодов в форме эмоциональных концептов
- 3) знание правил code switching и их корреляцию с общечеловеческими/национально-культурными ценностями
- 4) знание маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров правил эмоционального общения с ними.
- 5) знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах.

Сам перечень основных эмоций не установлен окончательно ни в психологии, ни в физиологии. В действительности эмоции представляют большое многообразие различных качеств и оттенков. Именно этим многообразием и определяется сложность классификации эмоций. [10, с.2]

Для нашего исследования актуальна классификация, разработанная **В. К. Вилюнасом**. Он выделяет два основных вида эмоций. Деление определяется взаимоотношением и специфическими функциями в процессе удовлетворения потребностей. Первая группа эмоций, являясь коррелятом потребности, предшествует соответствующей деятельности, побуждая к ней и отвечая за общую ее направленность. Эти эмоции в значительной степени определяют и направленность других эмоций. Поэтому автор называет их **ведущими**.

Вторую группу образуют **сituативные (производные)** эмоциональные явления, направленные на обстоятельства, так или иначе опосредующие удовлетворение по-

требностей. Они возникают при наличии ведущей эмоции, т. е. в процессе деятельности (внутренней или внешней), и выражают мотивационную значимость условий, благоприятствующих или затрудняющих ее осуществление.

Помимо деления на первичные (базовые) и вторичные (окультуренные), в классификацию эмоций входят и так называемые **«стихийные» эмоции**. Стихийные эмоции концептуализируются как враждебная сила, физически овладевающая человеком, подчиняющая его себе, что представлено в языковых средствах. [3; с.36]

Наблюдения показывают, что для выражения одной и той же эмоции как одни и те же, так и разные говорящие пользуются различными языковыми и речевыми средствами как в аналогичных, так и в различных коммуникативных ситуациях. С другой стороны, замечено, что одни и те же средства могут быть использованы для выражения различных эмоций.

По мнению В. И. Шаховского, одной из проблем коммуникаций эмоции является проблема эмоционального понимания и понимания эмоционального. До сих пор недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего. Известно, что взволнованная речь неизбежно волнует и наоборот, не эмоциональная речь может сильно волновать слушателя что выражены и реально переживаемых эмоций не всегда совпадают. Их асимметрия имеет разные варианты: эмоции можно испытывать, но не выражать, можно выражать эмоции, но не испытывал ее. [9; с.24]

Все вышеизложенное довольно убедительно обнаруживает отражение эмоций в мышлении понятиях и языке. Данный тезис составляет теоретическую базу для исследования актуальных проблем лингвистики эмоции.

Литература:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества /Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова.— 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Барсукова Ж. А. Общая психология. Эмоции и мотивация. сост. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017–136 с.
3. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 288 с.
4. Ионова С. В. Лингвистика эмоций: от глубин слова к широте социальных коммуникаций // человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В. И. Шаховского. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. С. 9–13.
5. Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987 — 264 с.
6. Кыштымова Татьяна Викторовна Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. № 6.
7. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
8. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. — СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. — 448 с.
9. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens [Текст]: [монография] / В. И. Шаховский. — Москва: URSS, ЛиброКом, 2012. — 141 с.
10. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. М., 2008.

ФИЛОСОФИЯ

Философия хозяйства и философия денег

Резванов Мартин Игоревич, студент

Научный руководитель: Еникеев Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Статья посвящена философскому анализу фундаментальных категорий хозяйства и денег, раскрытию их сущностного различия и исторической динамики взаимоотношений. Автор прослеживает семантическую эволюцию понятий, отмечая сближение их первоначальных смыслов и последующее расхождение. В работе обосновывается положение о целостном, ценностно-ориентированном характере хозяйства как способа бытия человека в мире, противостоящего редукционистской логике денег как всеобщего эквивалента. Особое внимание уделяется процессу трансформации денег из инструмента обмена в самодовлеющую силу, ведущую к отчуждению и подчинению жизнеустройства принципу бесконечного накопления. В заключении намечаются возможные пути реинтеграции денежных отношений в систему, подчиненную целям человеческого развития и гармонии с природой.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, деньги, философия хозяйства, философия денег, Булгаков, Зиммель, финансоматематизация, отчуждение, хрематистика, ценности.

В современной социально-философской, социологической и культурологической литературе все шире поднимается и рассматривается проблема соотношения таких понятий и реальностей, как экономика и хозяйство. Термин «экономика» происходит от греческих слов «ойкос» (дом, местообитание) и «номос» (название), и в целом имеет изначальный смысл «ведение хозяйства». То есть, изначальные смыслы терминов «экономика» и «хозяйство» сходны или даже синонимичны. Но в последующем, особенно в смыслах XX-XXI веков они стали все более различаться. В частности, в русской философской и экономической мысли экономика представляет собой более узкий, сугубо материальный феномен, связанный с материальным производством и соответствующими экономическими вложениями, затратами и преимуществами.

Деньги активно влияют на поведение людей и формируют социальные отношения. Велико их значение в различных культурных практиках и ритуалах, например, в обрядах свадьбы или погребения, где они играют важную роль, отображая социальный статус, силу общин и т. д. Во многом потеря научного интереса к деньгам как к культурному феномену связана с процессом глобализации, который породил единное цифровое пространство, где на первый взгляд все социокультурные различия денег нивелируются.

В системе философского знания осмысление экономических основ человеческого существования занимает

особое место. При этом категория хозяйства и денег, будучи тесно взаимосвязанными, представляют собой принципиально разные уровни анализа. Хозяйственная деятельность традиционно рассматривается как комплексный процесс жизнеустройства, направленный на удовлетворение потребностей и преобразование природной среды. В свою очередь, феномен денег, выступая изначально техническим инструментом обмена, приобретает в современных условиях статус самодовлеющей силы, определяющей социальные отношения и культурные ценности.

Понятие «хозяйство» в его философском осмыслении выходит далеко за рамки узкоэкономической трактовки, связанной лишь с производством и распределением материальных благ. Его сущность коренится в фундаментальном взаимодействии человека с окружающим миром, представляя собой целостный процесс жизнеустройства [2]. Еще в античной философской мысли, в частности у Аристотеля, проводилось разграничение между «экономикой» как разумным ведением домохозяйства, направленным на удовлетворение естественных потребностей общности, и «хрематистикой» как искусством накопления богатства, лишенного внутреннего предела и цели [1].

Следовательно, ключевыми характеристиками философской категории хозяйства являются его холистичность, неразрывно связывающая материальное и духовное производство, и его ценностная ориентированность. Оно укоренено в культуре, этике и мировоззренческих основа-

ниях, что принципиально отличает его от обезличенного механизма рыночного обмена. Хозяйство в этом понимании представляет собой способ бытия человека в мире, в котором практическая деятельность неотделима от поиска смысла и утверждения жизненной гармонии.

В противоположность целостной природе хозяйства, феномен денег возникает как инструмент, призванный опосредовать обмен и количественно соизмерить разнородные блага. Однако его историческая эволюция демонстрирует тенденцию к превращению из вспомогательного средства в самостоятельную силу, обладающую собственной логикой развития. Сущность денег заключается в их функции всеобщего эквивалента, позволяющего свести качественное многообразие вещей и человеческих отношений к универсальной количественной мере. Эта редукция создает основу для принципиально нового способа взаимодействия с миром, основанного на исчислении и формальном равенстве.

Данная логика находит свое концептуальное выражение и в теории отчуждения К. Маркса [4]. Деньги выступают здесь не просто как пассивный инструмент, а как активный агент, опосредующий и трансформирующий социальные связи. Труд и его результаты обретают независимое от производителя существование в денежной форме, что ведет к отчуждению человека от продукта его деятельности. Более того, поскольку денежная оценка становится универсальным языком коммуникации, происходит отчуждение индивидов друг от друга, их взаимодействие все чаще строится на основе безличных финансовых расчетов, а не непосредственных человеческих отношений.

Историческая динамика взаимоотношений между хозяйством и деньгами носит диалектический характер, где изначальный симбиоз постепенно сменяется домини-

рованием и внутренним конфликтом. В традиционных экономических системах денежные отношения были встроены в более широкий социально-культурный контекст и выполняли сугубо служебную функцию, облегчая натуральный обмен [5]. Их использование регулировалось нормами морали и обычного права, что препятствовало превращению денег в самодовлеющую цель.

Однако по мере развития товарно-денежных отношений происходит фундаментальный сдвиг. Логика «хрематистики», ориентированная на бесконечное накопление богатства в его денежной форме, начинает подчинять себе целостный процесс хозяйствования. Инструмент обмена постепенно трансформируется в основной критерий эффективности и ценности, вытесняя традиционные представления о благе, служении и разумном удовлетворении потребностей. Этот переход нашел свое концептуальное оформление в Новое время, когда денежный расчет стал рассматриваться как универсальный принцип рациональной организации не только экономики, но и общества в целом [3].

Перспектива преодоления выявленного конфликта видится не в устраниении денежного обращения, но в восстановлении подчиненной роли денег по отношению к целям развития человеческой личности и сохранения природной среды. Реинтеграция денег в систему ценностно-ориентированного хозяйствования требует разработки таких экономических моделей, в которых количественные показатели были бы подчинены качественным критериям общественного благосостояния [7]. Дальнейшее исследование данной проблематики может быть продуктивно связано с анализом альтернативных хозяйственных практик и осмыслением трансформации денежной формы в условиях цифровизации экономики [6].

Литература:

1. Аристотель. Политика // Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
2. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. — М.: Институт русской цивилизации, 2016. — 464 с.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 276 с.
4. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1974. — Т. 42. — С. 41–174.
5. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб.: Алетейя, 2022. — 312 с.
6. Демченко, Н. Ю. Философия экономики: антропологический вектор развития / Н. Ю. Демченко, А. А. Еникеев // Вектор современной науки: Сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции. — Краснодар: Кубанский ГАУ, 2022. — С. 523–524.
7. Еникеев, А. А. Философские аспекты экономической теории марксизма / А. А. Еникеев, Д. А. Коровин // Государство, общество, личность: история и современность: сборник статей II Международной научно-практической конференции. — Пенза: Пензенский ГАУ, 2019. — С. 28–31.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (602) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 31.12.2025. Дата выхода в свет: 07.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.